М. В. ПОПОВ

СОЧИНЕНИЯ

1

ПУБЛИКУЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ РОССИИ

Фонд Рабочей Академии (Фонд содействия обучению рабочих)

М. В. ПОПОВ

СОЧИНЕНИЯ

Ленинград 2021

М. В. ПОПОВ

ТОМ
1
1970 –1975

Предисловие к изданию

Решение Идеологической комиссии Центрального Комитета Рабочей партии России «О подготовке и издании Собрания сочинений М. В. Попова»

Идеологическая комиссия ЦК РПР отмечает необходимость развития фундаментального характера пропаганды марксизма-ленинизма. Решению этой задачи будут способствовать подготовка и издание Собрания сочинений доктора философских наук, профессора, президента Фонда Рабочей Академии Михаила Васильевича Попова, который, начиная с 1971 года по настоящее время, в своих публикациях и выступлениях отстаивает и развивает марксизм-ленинизм в борьбе с ревизионизмом и открытой буржуазной идеологией.

Идеологическая комиссия ЦК РПР решила:

1. Подготовить и издать в электронном виде Собрание сочинений М.В. Попова.
2. Назначить члена Идеологической комиссии ЦК РПР К.В. Юркова ответственным редактором Собрания сочинений М.В. Попова, а члена РПР А.С. Павлова – редактором-составителем.
3. Партийным организациям содействовать подготовке и изданию Собрания сочинений М.В. Попова и ознакомлению рабочих и сторонников рабочего класса с этими произведениями.

Предисловие к первому тому

Опубликованные работы, включенные в первый том, отражают понимание автором необходимости при любых политических и экономических обстоятельствах продолжения идеологической, в том числе теоретической борьбы за сохранение, развитие социализма и перерастание его в полный коммунизм.

Как теперь стало ясно, после совершенной на XXII съезде контрреволюции ревизионистские, то есть прикрытые марксистской терминологией, а по существу буржуазные, взгляды, стали распространяться все больше, и задачей марксистов стало их разоблачение и преодоление.

Автор в это время – в 1971г. после окончания математико-механического факультета Ленинградского государственного университета поступил в аспирантуру экономического факультета ЛГУ и работал над диссертацией по специальности политическая экономия по теме «Соотношение качественного и количественного анализа в марксистской политической экономии», которую успешно защитил в 1971 году, был принят ассистентом кафедры политической экономии и расширил научную работу по защите и развитию марксистских взглядов. Совместно с деканом экономического факультета участником Великой отечественной войны профессором Н.А.Моисеенко он подготовил вышедшую в «Лениздате» 15-тысячным тиражом воспроизведенную в этом томе книгу «Демократический централизм – основной принцип управления социалистической экономикой», в которой был дан фронтальный разбор и критика экономического ревизионизма. С этой книги, можно сказать, начинается сознательная классовая борьба авторов в сфере идеологии, в которой, разумеется, были не только противники, но и союзники, с которыми автор установил и поддерживал боевой творческий контакт. Эта книга получила положительные рецензии, а попытки дать на нее разгромную рецензию не удались. Зато противники потом активно старались не дать автору защитить докторскую диссертацию, которую он все же защитил при поддержке соратников в 1987 году по специальности «Теория научного коммунизма».

ЛЕНИНСКАЯ МОДЕЛЬ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ[1]

В последнее время появился ряд работ, отрицающих действие закона преимущественного роста первого подразделения по сравнению со вторым. В этом плане можно назвать, например, работу В. М. Кудрова и Г. А. Шпилько, исследование Е. А. Громова и др.[2] Л. И. Довгань написал специальную книгу,[3] в которой делает попытку доказать, что при социализме закон преимущественного роста не действует.

Встает вопрос – какие выводы относительно действия законов преимущественного роста могут быть сделаны исходя только из условия реализации совокупного общественного продукта, выведенного К. Марксом.[4] Дать ответ на этот вопрос и стремится автор настоящей статьи, беря за основу ленинскую схему расширенного воспроизводства. В развитие предпосылок В. И. Ленина, принятых им в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках»,[5] предполагается, что не только капитализируемая часть прибавочной стоимости направляется в производство в соответствии с новым органическим строением, но и вся стоимость, направляемая в производство для функционирования в следующем периоде, имеет соответствующее этому периоду органическое строение. Кроме того, рассмотрен как тот случай, когда стоимость постоянного капитала целиком переносится на продукт (предпосылка В. И. Ленина), так и тот случай, когда на продукт переносится только часть стоимости постоянного капитала.

§1

Сначала рассмотрение ведется в предположении, что стоимость постоянного капитала к концу каждого периода полностью переносится на продукт. При таком предположении логично считать, что не только капитализируемая часть прибавочной стоимости, но и весь авансируемый на следующий период капитал

---

[1] Вестник Ленинградского университета, 1970, № 5.

[2] В. Кудров, Г. Шпилько. Темпы и пропорции общественного производства США. М., 1965; Воспроизводство конечного общественного продукта США. Под ред., Е. А. Громова М., 1966.

[3] Л. И. Довгань. О темпах роста двух подразделений общественного производства. М., 1965.

[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 556—596.

[5] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 67—122.

имеет соответствующее техническому уровню этого периода строение.

Коэффициент органического строения, т. е. долю переменного капитала в авансированном на t -й период капитале, обозначим s_t, так что переменный капитал V_t в момент $\boldsymbol{t}$ равен $K_t s_t$. Соответственно постоянный капитал $C_t = K_t(1 - s_t)$. Через μ_t обозначим норму прибавочной стоимости, а через h_t – норму накопления, т. е. долю прибавочной стоимости, идущую на накопление.

В этих обозначениях величина прибавочной стоимости выразится так: $m_t = \mu_t s_t K_t$, а ее капитализируемая часть $h_t \mu_t s_t K_t$. Таким образом, к началу следующего периода величина совокупного капитала составит

$$K_{t+1} = K_t + h_t \mu_t s_t K_t = K_t (1 + h_t \mu_t s_t).$$

Пусть капитал первого подразделения $-K_t^I$, второго – K_t^{II}. Предполагаем, что в начале t-го периода капиталы обоих подразделений представлены уже в средствах производства и поддержания жизни. В t-м периоде в первом подразделении производится товаров стоимостью

$$K_t^I\ (1+ \mu_t^I s_t^I),$$

во втором подразделении – стоимостью

$$K_t^{II}\ (1+ \mu_t^{II} s_t^{II}).$$

Так как капитализируется h_t -я часть прибавочной стоимости, то к авансированию в следующем периоде будут предназначены стоимости

$$K_{t+1}^I = K_t^I (1+ \mu_t^I s_t^I h_t^I),$$

$$K_{t+1}^{II} = K_t^{II} (1+ \mu_t^{II} s_t^{II} h_t^{II}),$$

причем

$$C_{t+1}^I = K_{t+1}^I (1- s_{t+1}^I),\ V_{t+1}^I = K_{t+1}^I s_{t+1}^I,$$

$$C_{t+1}^{II} = K_{t+1}^{II} (1- s_{t+1}^{II}),\ V_{t+1}^{II} = K_{t+1}^{II} s_{t+1}^{II}.$$

Но для того, чтобы капиталы были готовы к функционированию, они должны иметь соответствующее материально-вещественное строение. Постоянный капитал первого подразделения может быть целиком образован из продуктов этого же подразделения. Его стоимость

$$I_t^I = K_{t+1}^I (1- s_{t+1}^I)$$

– это стоимость средств производства для производства средств

производства (группа I^1), произведенных в t-м периоде для функционирования в (t +1) -м периоде.

Постоянный капитал второго подразделения должен приобрести соответствующую ему форму в результате обмена продуктов второго подразделения на продукты первого, предназначенные к обмену на предметы потребления. В первом подразделении к последним относится некапитализируемая часть прибавочной стоимости $(1 - h_t^I)s_t^I\mu_t^I K_t^I$ и стоимость переменного капитала, необходимого для следующего периода $K_{t+1}^I s_{t+1}^I$. Поскольку предполагается обмен по стоимости, то стоимость средств производства для средств потребления (группа I^{II}), произведенных в t -м периоде, равна

$$I_t^{II} = K_{t+1}^I s_{t+1}^I + (1 - h_t^I)\, s_t^I \mu_t^I K_t^I = K_{t+1}^{II}(1 - s_{t+1}^{II}).$$

Здесь $K_{t+1}^{II}(1 - s_{t+1}^{II})$ – стоимость средств производства для второго подразделения, предназначенных к функционированию в (t +1) -м периоде после обмена на предметы потребления для первого подразделения.

Предметов потребления (группа II) к концу t -го периода производится стоимостью

$$K_t^{II}\left(1 + \mu_t^{II} s_t^{II}\right) = II_t.$$

Заметим, что сравнение темпов роста двух переменных можно заменить исследованием отношения этих переменных. Если отношение двух переменных убывает, то величина, стоящая в числителе, имеет темп роста меньший, чем величина, стоящая в знаменателе. Это можно получить и формально из того, что знак разности темпов роста рассматриваемых величин[1]

$$\frac{\dot{x}}{x} - \frac{\dot{y}}{y}$$

совпадает (при условии положительности *xy)* со знаком

$$xy\,(\frac{\dot{x}}{x} - \frac{\dot{y}}{y}) = \dot{x}y - x\dot{y},$$

а значит, и со знаком

$$\frac{d}{dt}\left(\frac{x}{y}\right) = \frac{\dot{x}y - x\dot{y}}{y^2}.$$

Воспользуемся этим замечанием для сравнения темпов роста групп I^I, I^{II} и II.

---

[1] Логарифмическая производная величины *x,* т. е. $\frac{\dot{x}}{x}$, называется темпом роста этой величины

Будем предполагать, что органическое строение как в первом, так и во втором подразделении растет, т. е., что последовательности $\{s_t^I\}$ и $\{s_t^{II}\}$ –убывающие.

Рассмотрим отношение стоимости продуктов группы I^{II} к стоимости продуктов группы I^{I}

$$\frac{\mathrm{I}_t^{\mathrm{II}}}{\mathrm{I}_t^{\mathrm{I}}} = \frac{K_{t+1}^{\mathrm{I}} s_{t+1}^{\mathrm{I}} + \left(1 - h_t^{\mathrm{I}}\right) s_t^{\mathrm{I}} \mu_t^{\mathrm{I}} K_t^{\mathrm{I}}}{K_{t+1}^{\mathrm{I}}(1 - s_{t+1})} = \frac{K_{t+1}^{\mathrm{I}} s_{t+1}^{\mathrm{I}} + \left(1 - h_t^{\mathrm{I}}\right) s_t^{\mathrm{I}} \mu_t^{\mathrm{I}} K_t^{\mathrm{I}}}{K_t^{\mathrm{I}}\left(1 + \mu_t^{\mathrm{I}} s_t^{\mathrm{I}} h_t^{\mathrm{I}}\right)\left(1 - s_{t+1}^{\mathrm{I}}\right)}$$

$$= \frac{s_{t+1}^{\mathrm{I}}}{1 - s_{t+1}^{\mathrm{I}}} + \frac{1}{1 - s_{t+1}^{\mathrm{I}}} * \frac{(1 - h_t^I) s_t^{\mathrm{I}} \mu_t^{\mathrm{I}}}{1 + \mu_t^{\mathrm{I}} s_t^{\mathrm{I}} h_t^{\mathrm{I}}}$$

Раз первая дробь убывает в результате роста органического строения, а вторая убывает по той же причине, то достаточным условием для убывания отношения $\mathrm{I}^{\mathrm{II}}/\mathrm{I}^{\mathrm{I}}$ является убывание дроби

$$\frac{(1 - h_t^I) s_t^{\mathrm{I}} \mu_t^{\mathrm{I}}}{1 + \mu_t^{\mathrm{I}} s_t^{\mathrm{I}} h_t^{\mathrm{I}}}$$

Переходя на язык непрерывных величин и временно заменяя штрихованные переменные на нештрихованные (так как речь идет пока только о первом подразделении), мы должны потребовать отрицательности производной следующей функции

$$f(t) = \frac{(1-h)y}{1+hy},$$

где

$$y = s\mu;\ f'(t) = \frac{\left(\dot{y} - \frac{d}{dt}(hy)\right)(1+hy) - \frac{d}{dt}(hy)(y-hy)}{(1+hy)^2},$$

т. е. мы должны потребовать отрицательности числителя

$$\dot{y} - \dot{h}y - h\dot{y} + \dot{y}hy - \frac{d}{dt}(hy)hy + \frac{d}{dt}(hy)hy - \dot{h}y^2 - h\dot{y}y < 0.$$

Поскольку $h, y > 0$, то, преобразуя, получаем

$$\dot{h} > \frac{1-h}{1+y} * \frac{\dot{y}}{y};\ \frac{\dot{h}}{h} > \frac{1-h}{h(1+s\mu)}\left(\frac{\dot{s}}{s} + \frac{\dot{\mu}}{\mu}\right)$$

или, обозначив $1 - h = p$ и $1 + y = 1 + s\mu = n$, имеем

$$-\frac{\dot{p}}{p} s\mu > \frac{\dot{n}}{n}.$$

(1)

Каков же смысл полученного условия? $\frac{\dot{p}}{p}$ – темп роста нормы потребления, так как $p = 1 - h$ – доля потребления в прибавочной стоимости, $\frac{\dot{n}}{n}$ – темп роста фондоотдачи. Действительно,

$$n_t = 1 + s_t\mu_t = \frac{K_t(1 + \mu_t s_t)}{K_t},$$

т. е. отношение стоимости продукта ***t*** -го периода к авансированному на ***t*** *–й* период капиталу, $s\mu$ – норма прибыли, так как $s\mu = \frac{Ks\mu}{K} = \frac{m}{K}$.

Итак, достаточным условием для того, чтобы темп роста группы I^{I} превышал темп роста группы I^{II}, является следующее: в первом подразделении темп роста фондоотдачи должен быть меньше взятого **с** обратным знаком произведения нормы прибыли и темпа роста нормы потребления.

Этому условию удовлетворяет, например, следующая экономическая ситуация: норма накопления в первом подразделении h^{I} растет или постоянна, темп роста нормы прибавочной стоимости (т. е. темп роста μ^I) не выше темпа роста строения (т. е. темп роста коэффициента строения больше или равен по абсолютной величине темпа роста прибавочной стоимости). Этой экономической ситуации соответствует невозрастание нормы прибыли. Действительно,

$$0 \geq \frac{\dot{s}}{s} + \frac{\dot{\mu}}{\mu} = \frac{\dot{y}}{y}, \text{ а } y = \frac{Ks\mu}{K} = \frac{m}{K},$$

т. е. норма прибыли $s\mu$ не возрастает. Возрастанию нормы накопления h^I соответствует убывание нормы потребления, так как $p = 1 - h^I$. Проверим выполнение условия (1). Поскольку $\dot{h^I} \geq 0$, то

$$-\frac{\dot{p^I}}{p^I} \geq 0.$$

Кроме того, $\frac{\dot{y}^I}{y^I} = \frac{\dot{s}^I}{s^I} + \frac{\dot{\mu}^I}{\mu^I} \leq 0$, значит, $\dot{y}^I \leq 0$, откуда, так как $\dot{n}^I = \dot{y}^I$,

$$\frac{\dot{n}^I}{n^I} \leq 0 \leq -\frac{\dot{p}^I}{p^I} s^I \mu^I$$

и выполнение условия (1) тем самым проверено.

Из указанного условия (1) видно, что в рассматриваемой экономической ситуации закон преимущественного роста средств производства для средств производства по сравнению со средствами производства для предметов потребления выполняется не только при неубывающей норме накопления, но и в случае, когда темп падения нормы накопления не очень высок, т. е. когда не очень высок темп роста нормы потребления, а именно, когда

$$\left|\frac{\dot{p}^I}{p^I} s^I \mu^I\right| < \left|\frac{\dot{n}^I}{n^I}\right|$$

или, что равносильно этому, когда

$$\left|\frac{\dot{h}^I}{h^I}\right| < \frac{1 - h^I}{h^I(1 + s^I \mu^I)} \left|\frac{\dot{s}^I}{s^I} + \frac{\dot{\mu}^I}{\mu^I}\right|$$

Сравним теперь стоимости продуктов групп II и I^{II} в ***t***-*м* периоде

$$\frac{\mathrm{II}_t}{\mathrm{I}_t^{\mathrm{II}}} = \frac{K_t^{\mathrm{II}}(1 + \mu_t^{\mathrm{II}} s_t^{\mathrm{II}})}{K_t^{\mathrm{II}}(1 + \mu_t^{\mathrm{II}} s_t^{\mathrm{II}} h_t^{\mathrm{II}})(1 - s_{t+1}^{\mathrm{II}})} = \frac{1 + \mu_t^{\mathrm{II}} s_t^{\mathrm{II}}}{1 + \mu_t^{\mathrm{II}} s_t^{\mathrm{II}} h_t^{\mathrm{II}}} * \frac{1}{1 - s_{t+1}^{\mathrm{II}}}$$

Нетрудно показать, что поскольку s_t^{II} убывает, то достаточным для убывания рассматриваемого отношения является условие, аналогичное выведенным из рассмотрения отношения групп I^{II} и I^{I}. Действительно, при $y = s^{\mathrm{I}} \mu^{\mathrm{I}}$ надо потребовать отрицательности

$$g'(t) = \left(\frac{1 + y}{1 + hy}\right)' = \frac{\dot{y}(1 + hy) - (1 + y)(\dot{h}y + h\dot{y})}{(1 + hy)^2}$$

Знак этой производной определяется знаком числителя, а полученное условие

$$\frac{\dot{h}}{h} > \frac{1-h}{h(1+s\mu)}\left(\frac{\dot{s}}{s} + \frac{\dot{\mu}}{\mu}\right) \text{ или } -\frac{\dot{p}}{p} s\mu > \frac{\dot{n}}{n},$$

т. е. к условию (1).

Таким образом, условие (1) должно выполняться для переменных

второго подразделения, чтобы темп роста средств производства для предметов потребления превышал темп роста производства предметов потребления.

Очевидно, что выводы, сделанные в ранее рассмотренной экономической ситуации, можно будет сделать и для отношения темпов роста групп I^{II} и II, но только на место символа с верхним индексом I надо будет поставить символ с индексом II.

Условие (1), выполненное и для первого, и для второго подразделений, обеспечивает преобладание темпа роста первого подразделения над темпом роста второго, так как

$$\frac{I^{I}}{II} = \frac{I^{I}}{I^{II}} * \frac{I^{II}}{II}$$

растет, ибо $\frac{I^{I}}{I^{II}}$ и $\frac{I^{II}}{I^{II}}$ растут с увеличением $\boldsymbol{t}$ в силу условия (1), а значит, растет с ростом $\boldsymbol{t}$ и

$$\frac{I}{II} = \frac{I^{I}+I^{II}}{II}.$$

Окончательно: если для первого подразделения выполнено условие (1), то темп роста производства средств производства для средств производства больше темпа роста средств производства для предметов потребления.

Если для второго подразделения выполнено условие (1), то темп роста средств производства для предметов потребления больше темпа роста производства предметов потребления.

Если условие (1) выполняется и для первого, и для второго подразделений, то темп роста производства первого подразделения превышает темп роста второго.

Само условие (1) формулируется так: темп роста фондоотдачи должен быть меньше взятого с обратным знаком произведения нормы прибыли и темпа роста нормы потребления. Это условие не является самым слабым, т. е. возможно выполнение этих законов и тогда, когда условие (1) не выполняется.

Условие (1) выполнено для обоих подразделений, как ясно из предыдущего, например, тогда, когда и в I и во II подразделениях норма прибыли падает, а норма накопления либо растет, либо падает не очень высоким темпом. Точнее $\dot{y} < 0$ и $\dot{h} > 0$ или

$$\dot{y} < 0 \;\; \dot{h} < 0, \text{ но } \left|\frac{\dot{h}}{h}\right| < \frac{1-h}{h(1+s\mu)}\left|\frac{\dot{s}}{s} + \frac{\dot{\mu}}{\mu}\right|$$

Это равносильно тому, что фондоотдача падает, а норма потре-

бления либо падает, либо растет не очень высоким темпом. Точнее

$$\dot{n} = \dot{y} < 0 \text{ и } \dot{p} \leq 0$$

или

$$\dot{p} > 0, \text{ но } \frac{\dot{p}}{p} s\mu < \left|\frac{\dot{n}}{n}\right|.$$

Значит, в таких экономических ситуациях действует закон преимущественного роста производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления.

Полученные выше выводы действительны, разумеется, и для социалистической экономики. Нужно только вместо прибавочной стоимости рассматривать стоимость прибавочного продукта.

Впрочем, при исследовании социалистической экономики можно пойти и по иному пути. Отсутствие класса капиталистов математически можно выразить тем, что потребление капиталистов равно нулю, 1–h = 0, т. е. h = 1. Тем самым считаем, что $K_t s_t$– все потребление рабочих, т. е. включает в себя теперь не только необходимый продукт, но и часть прибавочного, а другая часть прибавочного продукта, равная $K_t s_t \mu_t$. идет на накопление. Понятно, что экономический смысл s_t и μ_t теперь совсем иной. Теперь s_t – некий коэффициент строения, не обязательно отражающий техническое строение, а μ_t теперь меньше, чем норма прибавочного труда. Обозначения эти сохраняем только затем, чтобы воспользоваться прежними выкладками.

$$\frac{\mathrm{I}^{\mathrm{II}}}{\mathrm{I}^{\mathrm{I}}} = \frac{K_{t+1}^{\mathrm{I}} s_{t+1}^{\mathrm{I}} + (1 - h_t^{\mathrm{I}}) s_t^{\mathrm{I}} \mu_t^{\mathrm{I}} K_t^{\mathrm{I}}}{K_{t+1}^{\mathrm{I}}(1 - s_{t+1}^{\mathrm{I}})} = \frac{s_{t+1}^{\mathrm{I}}}{1 - s_{t+1}^{\mathrm{I}}}$$

Если обратиться к полученному выражению, то ясно, что необходимым и достаточным условием для того, чтобы темп роста средств производства для средств производства превышал темп роста средств производства для предметов потребления, является убывание коэффициента строения первого подразделения.

Поскольку $h^{\mathrm{II}} = 1$, то нетрудно видеть, что необходимым и достаточным условием в социалистической экономике для того, чтобы темп роста предметов потребления был ниже темпа роста средств производства для предметов потребления, является убывание коэффициента строения второго подразделения. Действительно,

$$\frac{\mathrm{II}}{\mathrm{I}^{\mathrm{II}}} = \frac{K_t^{\mathrm{II}}(1 + \mu_t^{\mathrm{II}} s_t^{\mathrm{II}})}{K_t^{\mathrm{II}}(1 + \mu_t^{\mathrm{II}} s_t^{\mathrm{II}} h_t^{\mathrm{II}})(1 - s_{t+1}^{\mathrm{II}})} = \frac{1}{1 - s_{t+1}^{\mathrm{II}}}$$

Достаточным условием для того, чтобы темп роста производства первого подразделения превышал темп роста второго, является убывание коэффициента строения (условие (А)) в обоих подразделениях.

Известно, что техническое строение растет. Использованный только что коэффициент строения отражает техническое строение тем хуже, чем меньше стоимость необходимого продукта по отношению к стоимости всего продукта, потребляемого рабочими. Он, безусловно, отражал техническое строение для социалистической экономики периода индустриализации, и рост технического строения свидетельствовал об его убывании, а значит, и о действии знаков преимущественного роста. Только дополнительное исследование может показать, в какой степени убывание коэффициента строения отражает рост технического строения сейчас.

Из вышесказанного следует такой вывод: на этом пути решение вопроса о выполнении законов преимущественного роста для современной социалистической экономики зависит от наличия данных об изменении коэффициента, строения в двух подразделениях общественного производства. Поскольку в социалистической экономике обмен между подразделениями общественного производства идет по ценам, соответствующим модификациям стоимости, то коэффициент строения должен быть исчислен через эти цены.

§2

Отбросим теперь предположение о том, что каждый год вся стоимость постоянного капитала переносится на продукт, и посмотрим, как изменятся тогда выводы. Будем считать, что в t-й период на продукт переносится только r_t -я часть стоимости постоянного капитала. Тогда, так как $K_t(1-s_t)$ – постоянный капитал, то стоимость постоянного капитала, перенесенная на продукт, – $K_t(1-s_t)r_t$.

Переменный капитал –$K_t s_t$, поэтому весь обернувшийся капитал –

$$K_t(1-s_t)r_t + K_t s_t = K_t[(1-s_t)r_t + s_t].$$

Обозначим через $\alpha_t = (1-s_t)r_t + s_t$ долю обернувшегося

капитала во всем капитале, так что в ***t***-м периоде оборачивается стоимость $K_t\alpha_t$. Стоимость по окончании ***t***-го периода, направляемая в производство для использования в следующем периоде,

$$K_t\alpha_t + K_t s_t \mu_t h_t; \text{ обозначим её } q_t K_t,\ q_t = \alpha_t + s_t \mu_t h_t.$$

Поскольку было принято предположение о том, что только часть постоянного капитала переносится на продукт, то теперь придется различать коэффициент строения капитала s_{t+1} в (***t*** + 1) -м периоде, и коэффициент строения l_{t+1} , направляемой по окончании ***t***-го периода в производство стоимости для использования в $(t + 1)$ -м периоде, т. е. стоимости обернувшегося капитала и капитализируемой части прибавочной стоимости; коэффициент l_{t+1} характеризует передовой технический уровень. В соответствии с этим переменный капитал (t+1) -го периода будет равен $K_t q_t l_{t+1}$. А тогда

$$s_{t+1} = \frac{V_{t+1}}{K_{t+1}} = \frac{K_t q_t l_{t+1}}{K_t(1+\mu_t s_t h_t)} = \frac{q_t l_{t+1}}{1+\mu_t s_t h_t}.$$

Вводим теперь прежние обозначения для подразделений общественного производства.

Стоимость средств производства для средств производства (группа I^{I}), произведенных в ***t***-*м* периоде, равна стоимости постоянного капитала, добавляемого к неизрасходованному в *t-м* периоде постоянному капиталу первого подразделения, т. е.

$$\mathrm{I}_t^{\mathrm{I}} = K_t^{\mathrm{I}} q_t^{\mathrm{I}} (1 - l_{t+1}^{\mathrm{I}}).$$

Стоимость средств производства для предметов потребления (группа I^{II}), произведенных в ***t***-м периоде, складывается из стоимости переменного капитала, авансируемого в первом подразделении на следующий период, и потребляемой капиталистами этого подразделения части прибавочной стоимости

$$\mathrm{I}_t^{\mathrm{II}} = K_t^{\mathrm{I}} q_t^{\mathrm{I}} l_{t+1}^{\mathrm{I}} + K_t^{\mathrm{I}} s_t^{\mathrm{I}} \mu_t^{\mathrm{I}} (1 - h_t^{\mathrm{I}}).$$

Ее же можно записать как стоимость средств производства, направляемых в производство в добавление к неизрасходованному капиталу второго подразделения

$$\mathrm{I}_t^{\mathrm{II}} = K_t^{\mathrm{II}} q_t^{\mathrm{II}} (1 - l_{t+1}^{\mathrm{II}}).$$

Производство предметов потребления (группа II) в ***t***-м периоде

$$\mathrm{II}_t = K_t^{\mathrm{II}} (\alpha_t^{\mathrm{II}} + \mu_t^{\mathrm{II}} s_t^{\mathrm{II}}).$$

Рассмотрим отношение

$$\frac{\mathrm{I}^{\mathrm{II}}}{\mathrm{I}^{\mathrm{I}}} = \frac{l_{t+1}^{\mathrm{I}}}{1-l_{t+1}^{\mathrm{I}}} + \frac{s_t^{\mathrm{I}}\mu_t^{\mathrm{I}}(1-h_t^{\mathrm{I}})}{q_t^{\mathrm{I}}(1-l_{t+1}^{\mathrm{I}})}.$$

Из него видно, что необходимое и достаточное условие опережения группой I^{I} производства группы I^{II} для социалистической экономики (при h=1) остается аналогичным прежнему (см. конец § 1) – убывание коэффициента строения направляемых в производство фондов (условие (А)), причем выполнение этого условия требуется только для первого подразделения. Таким образом, принятие более реального предположения не изменило существа прежнего вывода.

Если считать, как принято, что h<1, то в предположении убывания l_t^{I} (l_t^{I} характеризует технический уровень вводимой в производство в ***t***-м периоде техники), как нетрудно показать, требуя убывания дроби

$$\frac{s_t^{\mathrm{I}}\mu_t^{\mathrm{I}}(1-h_t^{\mathrm{I}})}{q_t^{\mathrm{I}}},$$

достаточным условием для преобладания темпа роста производства средств производства для средств производства над темпом роста средств производства для предметов потребления является условие

$$(-\frac{\dot{\alpha}}{\alpha} + \frac{\dot{s}}{s} + \frac{\dot{\mu}}{\mu})\frac{1-h}{h} < \frac{\dot{h}}{h}\left(1 + \frac{s\mu}{\alpha}\right) \text{ или } \frac{\dot{\alpha}}{\alpha} > \frac{\dot{y}}{y} + \frac{\dot{p}}{p}(1 + \frac{y}{\alpha}). \quad (2)$$

Рассмотрим теперь отношение

$$\frac{\mathrm{II}}{\mathrm{I}^{\mathrm{II}}} = \frac{K_t^{\mathrm{II}}(\alpha_t^{\mathrm{II}} + \mu_t^{\mathrm{II}}s_t^{\mathrm{II}})}{q_t^{\mathrm{II}}K_t^{\mathrm{II}}(1 - l_{t+1}^{\mathrm{II}})} = \frac{\alpha_t^{\mathrm{II}} + \mu_t^{\mathrm{II}}s_t^{\mathrm{II}}}{q_t^{\mathrm{II}}} * \frac{1}{1 - l_{t+1}^{\mathrm{II}}}$$

В предположении убывания l_t^{II} нетрудно показать, требуя убывания дроби

$$\frac{\alpha_t^{\mathrm{II}}+\mu_t^{\mathrm{II}}s_t^{\mathrm{II}}}{q_t^{\mathrm{II}}},$$

что достаточным условием для того, чтобы темпы роста средств производства для предметов потребления превосходили темпы роста предметов потребления, является для социалистической экономики при h=1 (см. конец § 1) условие (А), а для расширенного воспроизводства при h < 1 – условие (2):

$$(\frac{\dot{s}}{s} + \frac{\dot{\mu}}{\mu} - \frac{\dot{\alpha}}{\alpha})\frac{1-h}{h} < \frac{\dot{h}}{h}(1 + \frac{s\mu}{\alpha}) \text{ или } \frac{\dot{\alpha}}{\alpha} > \frac{\dot{y}}{y} + \frac{\dot{p}}{p}(1 + \frac{y}{\alpha}).$$

Таким образом, если для обоих подразделений наблюдается выполнение условия (2), а по методу, по которому h принимается равным единице, – условия (А), то это свидетельствует о действии законов преимущественного роста. Выполнение условий лишь для одного из подразделений говорит о действии закона опережения только для соответствующих производственных групп.

Из рассмотрения условия (2) ясно, что оно выполнено, например, в следующей реальной экономической обстановке.

В обоих подразделениях:

1) рост органического строения выше роста нормы прибавочной стоимости (т. е. норма прибыли убывает);

2) норма накопления растет или падает не очень высоким темпом[1] (т. е. падает или растет не очень высоким темпом норма потребления);

3) коэффициент оборачиваемости α_t растет или падает не очень высоким темпом.[2]

Условие (2) показывает, что на действие законов преимущественного роста положительно влияет падение норм прибыли и потребления, а также рост коэффициента оборачиваемости.

Легко видеть, что условие (1) является частным случаем условия (2) при $r_t = 1$, $t = 1$, 2,... Действительно, тогда $\alpha = (1 - s)r + s = 1$, и условие (2) превращается, в условие (1).

Мы видели, что, опираясь на выведенные условия, можно сделать вывод: в целом ряде реальных экономических ситуаций действие законов преимущественного роста несомненно.

Мы видели также, что математически возможны такие соотношения параметров, при которых законы не выполняются. Однако установка Л. И. Довганя,[3] утверждающего, что раз из условия реализации совокупного продукта выполнение законов преимущественного роста при любых возможных соотношениях параметров не следует, то и законы не действуют, методологически неправильна. Ведь действие закона и есть не что

---

[1] «Не очень высоким» означает здесь, что темп должен быть таким, чтобы условие (2) еще выполнялось.
[2] То же.
[3] См.: Л. И. Довгань. О темпах роста двух подразделений общественного производства.

иное, как установление определенных отношений между экономическими параметрами. Ни органическое строение, ни норма накопления, ни норма прибавочного труда, ни доля амортизации, фигурирующие в полученных условиях, не являются произвольно устанавливаемыми величинами. Если объективно между экономическими параметрами складываются соотношения (А) или (2), то законы преимущественного роста действуют. Решающее слово, таким образом, может быть сказано только при изучении реальных отношений. Этому может помочь статистическая проверка выполнения выведенных условий.

Summary

This paper is devoted to defining conditions under which the rate of growth of means of production in the Lenin's model is greater than the rate of growth of consumer production.

The conditions are derived also for the case when only a part of the-value of the constant capital is carried on the product during one period of production.

Статья поступила в редакцию 15 октября 1969 г.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МАТЕМАТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ[1]

Настоящее сообщение ставит своей целью на одном примере продемонстрировать возможность использования математики для решения теоретических проблем политической экономии.

Положение о том, что цены производства на продукцию I подразделения стоят выше стоимости, а на продукцию II подразделения – ниже, и, следовательно, что цены производства перераспределяют стоимость из II подразделения в I, было строго доказано Марксом в «Капитале» лишь для того случая, когда применяемый капитал совпадает с потребляемым и исчислен в стоимости, а не в ценах производства. В действительности же применяемый капитал чаще всего больше потребляемого и исчислен уже через цены производства, причем именно по отношению к исчисленной таким образом величине применяемого капитала справедливо положение: цены производства приносят равную прибыль на равный капитал.

Однако учет этого реального факта потребовал бы, как кажется, знания тех цен производства, которые еще только должны быть выведены из условия: равная прибыль на равный капитал. Мы попадаем, следовательно, в «заколдованный круг», выйти из которого без использования математики было бы весьма затруднительно. Математическим же путем доказать упомянутое выше Марксово положение нетрудно, приняв во внимание как тот реальный факт, что составляющие капитал факторы приобретались уже по ценам производства, а не по стоимости, так и тот, что потребляемый капитал не тождествен с применяемым и составляет только часть последнего.

Перейдем к доказательству.

Обозначим через λ' и λ'' множители, показывающие, во сколько раз цена производства соответственно средств производства и предметов потребления больше их стоимости, т.е. $q' = \lambda' p', q'' = \lambda'' p''$, где q' и q'' – цены производства средств производства и предметов потребления, а p' и p'' – их стоимости.

---

[1] Попов М.В. Вестник Ленинградского университета, 1971, №5.

Для того чтобы доказать, что цены производства на продукцию I подразделения стоят выше стоимости, а на продукцию II подразделения – ниже, достаточно доказать, что $\lambda' > \lambda''$.

В самом деле, невозможно, чтобы λ' и λ'' были бы одновременно больше или одновременно меньше единицы. Это означало бы тогда (в силу равенства суммы цен производства сумме стоимостей $\lambda' p' + \lambda'' p'' = p' + p''$) либо, что $p' + p'' > p' + p''$, либо, что $p' + p'' < p' + p''$. Значит, один из λ' и λ'' меньше единицы, а другой больше. Если доказать, что $\lambda' > \lambda''$, то в силу того, что один из них меньше единицы, а другой больше, будем иметь: $\lambda' > 1$, а $\lambda'' < 1$. Помножив первое неравенство на p', а второе на p'', получим $\lambda' p' > p'$, а $\lambda'' p'' < p''$, или, приняв во внимание, что $\lambda' p' = q'$, а $\lambda'' p'' = q''$, получим: $q' > p'$, а $q'' < p''$. Последние два неравенства и есть запись доказываемого положения: цены производства на продукцию I подразделения стоят выше стоимости, а на продукцию II подразделения – ниже.

Следовательно, если мы докажем, что $\lambda' > \lambda''$, то доказательство будет закончено. Приступим к доказательству этого неравенства.

Возьмем величину v, не превосходящую ни величины переменного капитала I подразделения, ни величины переменного капитала II подразделения, и выделим мысленно из подразделений части с переменным капиталом одинаковой величины v. Эти части всегда можно взять такими, что отношения цен производства и стоимости продукции в них будут равны отношениям цен производства и стоимости всей продукции соответствующих подразделений. В качестве таких частей можно выделить, например, части, являющиеся по объему и номенклатуре продукции лишь пропорционально уменьшенными копиями подразделений. В силу различного строения капиталов I и II подразделений и равенства переменных капиталов выделенных частей соответствующие этим частям постоянные капиталы связаны неравенством $c' > c''$.

Предполагаем одинаковой норму прибавочной стоимости в обоих подразделениях. Тогда равным переменным капиталам v будут отвечать одинаковые по величине прибавочные стоимости m. Стоимость продукции, соответствующей первому из

выделенных капиталов, равна $\gamma c' + v + m$, а стоимость продукции, соответствующей второму капиталу, $-\gamma_2 c'' + v + m$, где γ_i – доля потребленного капитала в применяемом, $i = 1{,}2$.

Цены производства продукции, соответствующей выделенным капиталам, равны соответственно $\lambda'(\gamma_1 c' + v + m)$ и $\lambda''(\gamma_1 c'' + v + m)$. Мы воспользовались здесь тем, что коэффициенты λ' и λ'' связывают между собой стоимости и цены производства. Но цена производства продукции может быть выражена как издержки производства плюс средняя прибыль. Учтя это и обозначив общую норму прибыли через ρ, получим следующие 2 равенства:

$$\lambda'(\gamma_1 c' + v + m) = \lambda'\gamma_1 c' + \lambda'' v + \rho(\lambda' c' + \lambda'' v),$$

$$\lambda''(\gamma_2 c'' + v + m) = \lambda'\gamma_2 c'' + \lambda'' v + \rho(\lambda' c' + \lambda'' v).$$

В правых частях этих равенств издержки производства записаны в виде суммы цен производства израсходованных продуктов I подразделения и цен производства продуктов II подразделения, потребленных рабочими; $\rho(\lambda' c' + \lambda'' v)$ – прибыль на первый капитал; $\rho(\lambda' c'' + \lambda'' v)$ – прибыль на второй капитал.

Вычтя из первого равенства второе и приведя подобные, будем иметь $(\lambda' - \lambda'')v + (\lambda' - \lambda'')m + (\lambda' - \lambda'')\gamma_2 c'' = \rho\lambda'(c' - c'')$.

Поскольку $c' - c''$, то и $\rho\lambda'(c' - c'') > 0$. Следовательно, левая часть равенства тоже положительна, т. е.

$$(\lambda' - \lambda'')(v + m + \gamma_2 c'') > 0$$

откуда $\lambda' > \lambda''$, что и требовалось доказать. На этом доказательство Марксова положения для общего случая закончено.

Summary. The author uses mathematics to prove the following Marx's proposition for the general case (when the capital is calculated in prices of production). The price of the production of the I department is greater than the value of the production of this department.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 1970 г.

КАЧЕСТВЕННАЯ И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМЫХ ЗАТРАТ ТРУДА[1]

Введенное К. Марксом в I томе «Капитала» понятие количества труда, общественно необходимого для производства товара[2], по единодушному признанию экономистов развивалось и в следующих томах этого произведения. Однако в ходе последующей конкретизации такого единодушия уже нет.

Одни полагают, что данное понятие в дальнейшем было поставлено в связь с новыми, более сложными явлениями, использовано для их объяснения; была показана роль этого понятия в раскрытии все более усложняющегося механизма капиталистической экономики, в частности в объяснении механизма ценообразования и распределения общественного труда по отраслям производства и т. д. Подобная точка зрения сводится в конечном счете к тому, что был лишь углублен и развит качественный смысл данного понятия, но с количественной стороны оно всегда служило и служит выражением средних затрат.

Другие экономисты признание того, что понятие общественно необходимого количества труда развивалось, связывают с изменениями также и количественной определенности, выражаемой этим понятием[3]. При этом отказ от понимания общественно необходимых затрат как средних затрат ставится в связь с тем, что такое понимание не позволяет якобы объяснить некоторые новые факты, в частности воздействие на производство структуры общественных потребностей.

В данной статье делается попытка показать, что понимание общественно необходимых затрат труда (о. н. з. т.) как средних

---

[1] Экономические науки, №6, 1971.

[2] «Общественно необходимое рабочее время есть- то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47).

[3] См.: Е. Г. Ясин. Об общественно необходимых затратах труда. «Труды Первой Московской конференции молодых ученых. Экономика». М., «Наука», 1967; В.С. Дунаева. Применение математического метода в политической экономии. М., «Мысль», 1969.

затрат с успехом может быть использовано для объяснения этих фактов, и, напротив, отказ от такого понимания о. н. з. т. ведет на деле к отказу от трудовой теории стоимости и переходу на позиции теории спроса и предложения.

Общепризнано, что величина стоимости товара определяется количеством труда, общественно необходимого для его производства. Следовательно, то или иное понимание о. н. з. т. немедленно отражается и на понимании стоимости.

При простом товарном производстве стоимость была непосредственным центром колебаний цен. Ее всестороннее исследование вполне отвечало целям, которые ставил К. Маркс, работая над «Капиталом»: открыть законы возникновения, развития и гибели капиталистического общества. С этих позиций следует рассматривать о. н. з. т., т. е. видеть в них величину, определяющую не любое колебание цен, а их закономерную основу – стоимость[1].

Характеристики категории о. н. з. т. можно представить на простом примере. Предположим, спрос на обувь в обществе простых товаропроизводителей – 100 тыс. пар, а о. н. з. т. на 1 пару – 10 часов. Что произойдет, если обуви будет произведено больше или меньше, чем требует спрос? Прежде чем ответить на этот вопрос, зададимся другим. Каков смысл выражения «общественный спрос на обувь – 100 тыс. пар»? Ведь если спрос эластичен, то величина его зависит от цены предлагаемого товара – чем выше цена, тем меньше спрос, и наоборот. Какой же смысл мы вкладываем тогда в выражение «спрос на обувь – 100 тыс. пар»? Мы подразумеваем спрос не при всякой цене, а при той, которая устанавливается на уровне стоимости. Говорить же о спросе на товар, не указывая или не подразумевая никакой цены, бессмысленно. Итак, если уточнить одно из условий нашего примера, оно будет выглядеть следующим образом: по стоимости может быть продано не более 100 тыс. пар обуви.

Предположим, что необходимые пропорции производства

---

[1] «Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимости, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 195).

нарушены только со стороны производителей обуви, и она произведена в количестве 120 тыс. пар. Известно, что по цене, стоящей на уровне стоимости (о. н. з. т. на одну пару – 10 часов), может быть продано только 100 тыс. пар. Следовательно, вся выпущенная обувь может быть продана только по более низкой цене. Снизить цену заставит производителей конкуренция. Если считать для простоты, что снижение цены происходит пропорционально увеличению предложения, то за все 120 тыс. пар обуви производители смогут выручить лишь столько, сколько бы они выручили при продаже 100 тыс. пар по стоимости.

Поскольку 10×120 тыс. часов труда принесли производителям столько же, сколько могли бы принести 10×100 тыс. часов (если бы предложение было в размере 100 тыс. пар), то для производителей рабочее время, равное 10×20 тыс. часов, оказалось затраченным впустую. Правда, отсюда не следует, что оно затрачено впустую и с точки зрения потребителей. Они приобрели обуви на 20 тыс. пар больше и реализуют теперь ее потребительную стоимость. Поскольку цена одной пары обуви оказалась $10\frac{100}{120} = 10\frac{5}{6}$ часов, т. е. всего $\frac{5}{6}$ часов получат в хотя о. н. з. т. на одну пару обуви=10 часов, производители выручат лишь $\frac{5}{6}$ этой величины. Это приведет к тому, что часть производителей обуви перейдет в другие отрасли, вследствие чего предложение обуви снизится. Предположим, оно упало до 80 тыс. пар, т. е. всего затрачено 80 тыс. ×10 рабочих часов. Мы знаем, что даже 100 тыс. пар может быть продано по стоимости, следовательно, 80 тыс. пар может быть продано по еще более высокой цене, т. е. превышающей стоимость. Если считать, что цена увеличилась пропорционально сокращению предложения, то производители, повысив цены до $10\frac{100}{80} = 10\frac{5}{4}$ часов получат в обмен товары, в которых заключено 100 тыс.×10 часов рабочего времени. В этом случае уровень цены поднялся выше общественно необходимых затрат.

Такие колебания будут продолжаться и в дальнейшем. Причем, мы имеем два вида колебаний: цена пары обуви будет колебаться около 10-часового уровня, а общая сумма рабочего времени, затраченного на производство обуви (в первом случае это 1 млн.

200 тыс. часов, во втором – 800 тыс. часов), – вокруг необходимого суммарного количества общественного рабочего времени, «выделенного» обществом на производство обуви, т.е. около величины в 1 млн. часов. Поскольку 10 часов – средние затраты – оказываются центром колебаний цен, то по самой сути дела они и должны рассматриваться как определяющие величину стоимости (ту величину, вокруг которой при простом товарном производстве колеблются цены). О. н. з. т. на производство единицы продукта не зависят, следовательно, от общественных потребностей. Зато от общественных потребностей зависит вся масса рабочего времени, выделенная на производство обуви. Действительно, объем потребностей в товаре является одним из факторов, формирующих спрос на товар (два других важнейших фактора – цены и доходы).

С увеличением совокупной потребности в обуви возрастет спрос на нее и по стоимости можно будет продать уже не 100 тыс., а, скажем, 150 тыс. пар обуви. Тогда если общественно необходимые (средние) затраты на 1 пару составляют по-прежнему 10 часов труда, цены снова будут колебаться около этой величины, но общая сумма рабочего времени, затраченного обществом на производство обуви, будет составлять уже примерно 150 тыс.×10 = 1,5 млн. часов, поскольку теперь эти 1,5 млн. часов определяют необходимое в общественном масштабе количество труда, выделяемое на производство обуви.

С соответствующими модификациями то же рассуждение может быть действительно и для капиталистического производства. Там общественный спрос определяется количеством товаров, которое может быть продано по цене, стоящей на уровне модификации стоимости. Колебания всей суммы рабочего времени происходят вокруг величины, полученной умножением объема общественного спроса и величины о. н. з. т. для производства единицы продукта, а цены колеблются не вокруг размера о. н. з. т. на производство товара, а вокруг величины, соответствующей модификации стоимости.

К. Маркс во II томе «Капитала» предупреждал от того «ошибочного представления, согласно которому меновая стоимость равна стоимости и форма стоимости есть сама

стоимость; следовательно (согласно этому представлению–М. П.), товарные стоимости не могут сравниваться, если они активно не функционируют как меновые стоимости, т. е. если их невозможно действительно обменять друг на друга»[1].

Меновая стоимость выступает как то действительное отношение, в котором обмениваются товары. Признание того, что стоимость товара определяется средними затратами труда на его производство, или, иначе, что определением о. н. з. т.[2] служат средние затраты, совсем не обязывает считать, что меновая стоимость тоже в любом случае определяется средними затратами. Меновая стоимость (то отношение, в котором действительно обмениваются товары) может определяться, например, по худшим условиям производства, или, при фиксированном предложении, зависеть от спроса, от потребностей. Меновая стоимость и стоимость относятся друг к другу как явление и сущность. Поэтому неверно было бы переносить свойства меновой стоимости на саму стоимость и ставить стоимость в зависимость от спроса, от потребностей. Это значило бы сойти с позиций монистической трудовой теории стоимости и сделать шаг в сторону теории спроса и предложения. Другое дело – меновые стоимости, цены. Цены при данном предложении зависят, конечно, от потребностей, от платежеспособного спроса и только за достаточно длительный промежуток времени при условии свободного воспроизводства материальных благ сводятся к своей основе – стоимости для простого товарного производства или к модификации стоимости – цене производства для капиталистического товарного производства.

В III томе «Капитала» К. Маркс писал: «Если это разделение (труда внутри всего общества – М. П.) пропорционально, то продукты раз-личных групп продаются по их стоимостям (при

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 122.

[2] Ни в коем случае нельзя отождествлять экономический термин о.н.з.т. и выражение «затраты труда, необходимые обществу». О. н. з. т. есть субстанция стоимости, они определены Марксом в I томе «Капитала» как затраты абстрактного труда в средних общественных условиях. Что же касается необходимых обществу затрат, то ими могут являться одновременно затраты и в самых худших условиях производства, и в самых лучших, и в средних. Это выражение имеет, на наш взгляд, лишь тот смысл, что без этих затрат нельзя обойтись, нельзя удовлетворить спрос, обеспечить выпуск продукции в необходимом количестве.

дальнейшем развитии по их ценам производства) или же по ценам, которые суть модификации этих стоимостей, соответственно цен производства, определяемых общими законами. Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»[1].

В соответствии с приведенным здесь высказыванием К. Маркса назовем необходимым пропорциональным количеством продуктов данной товарной группы такое количество, которое производится, когда разделение труда внутри общества соответствует структуре платежеспособного спроса и на различные товарные группы употреблена необходимая часть всего общественного рабочего времени. В этом случае продукты различных групп продаются по ценам, соответствующим их стоимостям (при дальнейшем развитии – ценам производства). Следовательно, если пропорциональность нарушена за счет несоответствия производства платежеспособной потребности только по данной товарной группе, то необходимое пропорциональное количество продуктов данной товарной группы может быть исчислено как максимальное количество продуктов этой группы, которое удалось бы продать по стоимости (по цене производства). Воспользуемся этим замечанием и покажем, что для понимания приведенной выше выдержки из III тома «Капитала» вовсе не требуется отказ от определения о. н. з. т., данного К. Марксом в I томе.

Рассмотрим сначала простое товарное производство. Обозначим о. н. з. т. на производство некоторого товара через p. Пусть n – наибольшее количество этого товара, которое может быть поглощено рынком по цене, равной p, т. е. n – необходимое пропорциональное количество товара (спрос, соответствующий

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 185.

цене, установленной на уровне о. н. з. т.).

Пусть m – число действительно выпущенных товаров. Если m не равно n, то наблюдается непропорциональность в производстве товаров и на всю совокупность товаров рассматриваемого вида затрачено больше (при $m > n$) или меньше (при $m < n$) общественного рабочего времени, чем необходимое пропорциональное количество (т. е. $pm > pn$ или $pm < pn$ соответственно). В этом случае наблюдается отклонение меновых стоимостей от стоимостей. Это отклонение вынуждает к уменьшению или увеличению объема производства (m) данного продукта до тех пор, пока не будет достигнута пропорциональность, т. е. пока m не станет равным n, где n – общественный спрос на продукты данного вида, и пока меновая стоимость (как величина, вместе с которой колеблются цены) не станет равной стоимости, закономерной основе цены. Раз m станет равным n, то на производство всей массы данного продукта будет затрачено $pm = pn$ общественного труда, т. е. необходимое пропорциональное количество, количество, отвечающее общественной потребности.

Отклонение меновой стоимости от стоимости происходит всякий раз,, когда продукта произведено больше или меньше: по сравнению с размерами спроса ($m > n$ или $m < n$), т. е. когда на всю массу продукта затрачено общественно необходимого труда (в Марксовом понимании, см. т. I «Капитала») больше ($pm > pn$) или меньше ($pm < pn$), чем необходимое пропорциональное количество pn, определяемое платежеспособной общественной потребностью и затратами труда (p) на единицу продукта. Это отклонение вызывает всегда обратное движение цен (посредством сокращения или расширения производства), направленное к устранению первоначального отклонения [1]. Таким образом, общественно необходимое рабочее время pm, затраченное на всю массу продукта, постоянно стремится к необходимо пропорциональному количеству его pn. В этом смысле следует понимать цитированное нами положение К. Маркса из III тома

[1] Следует подчеркнуть, что в стихийно регулируемом капиталистическом производстве пропорциональность достигается только через постоянные отклонения от необходимых пропорций.

«Капитала».

В самом деле, мы видели, что не только на каждый отдельный товар употребляется в среднем лишь общественно необходимое рабочее время (раз о. н. з. т. определяются как средние затраты), но и на различные группы товаров, если взять достаточно большой промежуток времени, употребляется лишь необходимое пропорциональное количество общественного труда. Закон стоимости для простого товарного производства означает, что цена стремится к стоимости. Это обеспечивается стремлением для каждой группы товаров m к n, следовательно, pm стремится к pn, а при $m = n$ для каждой группы товаров $pm = pn$, т. е. « из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»[1].

Заметим, что количество товаров n, которое может быть продано, по цене, равной p, стоящей на уровне стоимости, вообще говоря, зависит не только от размера потребностей в продуктах данного вида. Поскольку речь идет о платежеспособном спросе, это количество зависит и от о. н. з. т. на производство всех других продуктов, и от величины потребностей в этих продуктах. Однако при данных затратах о. н. з. т. на все виды продуктов и при данных потребностях в других продуктах, когда распределение доходов неизменно, спрос n на рассматриваемый продукт есть функция только потребностей в этом продукте. Закон стоимости, вынуждая фактически выпущенное количество продуктов m стремиться к n, осуществляет тем самым учет потребностей и обеспечивает, следовательно, регулирование распределения труда между отраслями в соответствии с потребностями в продуктах этих отраслей. Как видим, для получения этого вывода нам вовсе не потребовалось отказываться от определения о. н. з. т., данного К. Марксом в I томе «Капитала».

Эти выводы получены при рассмотрении простого товарного производства, но почти все может быть повторено и для другого

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 185. «Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. в соответствии с содержащимся в нем общественно необходимым трудом, для этого все количество общественного труда, употребленного на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, т. е. платежеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебания между спросом; и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. К стр. 211).

рассматриваемого К. Марксом случая, когда имеется модификация стоимости. Пусть о. н. з. т. (в том смысле, который дан К. Марксом в I томе «Капитала») на производство единицы товара равны p, т. е. стоимость продукта равна p. Предположим, что q – закономерный уровень цены, соответствующий модификации стоимости. Обозначим через n максимальное количество продукции, которое может быть поглощено рынком по цене q, а через m – фактическое количество произведенной продукции. Теперь это будет определять необходимое пропорциональное количество pn общественного рабочего времени, которое может быть употреблено на всю массу рассматриваемого товара в соответствии с общественным спросом. Закон стоимости здесь действует так, что меновая стоимость (как величина, вместе с которой колеблются цены) стремится к q. Это осуществляется при стремлении действительно выпущенного количества данного товара к q. Ясно, что вместе со стремлением m к n происходит и стремление pm к pn.

Таким образом, утверждение о том, что на каждую сферу производства должно выделяться необходимое пропорциональное количество всего общественного рабочего времени, является прямым следствием понимания закона стоимости. Ведь из утверждения о том, что количество выпущенной продукции стремится к количеству, при котором цена устанавливается на уровне стоимости (или модификации стоимости), прямо следует, что общественно необходимое рабочее время, затраченное на всю массу каждого вида продуктов, стремится к необходимому пропорциональному количеству. Это количество зависит в свою очередь от величины платежеспособной общественной потребности и о. н. з. т. на производство единицы продукта.

Выясним теперь, можно ли без ущерба для трудовой теории стоимости считать, что категория о. н. з. т. не только развивалась в качественном отношении, но изменила и свою количественную определенность. Сторонники такой точки зрения считают, что если товара произведено больше, чем необходимое пропорциональное количество, то только та сумма труда, которая

затрачена на производство продуктов, количественно соответствующих общественной потребности, создает стоимость. В. Новожилов пишет, например: «Качественное и количественное соответствие товара потребности в нем есть необходимое условие, чтобы затрачиваемый на него труд создавал стоимость»[1].

Давайте посмотрим, какое же определение в таком случае должен получить общественно необходимый труд, затраченный на производство единицы товара, что за ним стоит. В тех случаях, когда товаров некоторого вида произведено больше, чем необходимое пропорциональное количество, нам предлагают считать труд, затраченный на производство товарного излишка, не создающим стоимости. Тогда стоимость всех выпущенных продуктов данного вида определяется общественно необходимым трудом, затраченным только на необходимое пропорциональное количество товаров. Разделив так определенную стоимость всех выпущенных товаров на число этих товаров, мы получим стоимость единицы.

Стоимость единицы товара в свою очередь определяется общественно необходимым трудом на производство этой единицы. Следовательно, общественно необходимый труд на производство товарной единицы тоже есть частное от деления общественно необходимого труда, затраченного для производства необходимого пропорционального количества товаров, на общее количество выпущенных товаров (1). Но общественно необходимый труд, затраченный на производство необходимого пропорционального количества товаров, определяется, с другой стороны, как сумма общественно необходимых затрат на единицу тех продуктов, которые входят в необходимое пропорциональное количество (2). Мы пришли к противоречию, так как общественно необходимый труд на производство необходимого пропорционального количества товаров, с одной стороны (см. (1), равен сумме о. н. з. т. всех товаров; а с другой стороны (см. (2), – только тех, которые входят в необходимое пропорциональное количество. От этого противоречия, не отступая от рассматриваемой точки зрения, можно избавиться, только если

---

[1] В. Новожилов. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., «Экономика», 1967, стр. 368.

пропорциональность производства измерять с помощью общественно необходимых затрат в том значении, какое им придавал К. Маркс в I томе «Капитала», но не считать их при этом о. н. з. т. За величину о. н. з. т. тогда придется принять величину, предлагаемую Е. Г. Ясиным, полученную путем деления общественно необходимого труда в Марксовом понимании, затраченного для производства необходимого пропорционального количества продуктов, на количество всех выпущенных продуктов данного вида. Эта величина предлагается Е. Г. Ясиным[1] в качестве определяющей стоимость. Чтобы понять, к чему приводит такое понимание количественной стороны о. н. з. т., представим выдвинутый Е. Г. Ясиным метод нахождения о. н. з. т. подробнее.

Обозначим через p о. н. з. т. №1 на производство единицы продукта, т. е. p – величина, полученная в соответствии с определением, данным К. Марксом в I томе «Капитала». Пусть n – максимальное число продуктов данного вида, которое может быть продано по стоимости, а m – действительно выпущенное количество продуктов.

Тогда о. н. з. т. на одну товарную единицу, в определении Е. Г. Ясина, есть частное от деления необходимого пропорционального количества рабочего времени pn, выделенного обществом для производства продуктов данного вида, на общее количество выпущенных продуктов m.

Если обозначить эти затраты через $\bar{p}$, то $\bar{p} = p\frac{n}{m}$. Ясно, что $\bar{p}$ совпадает с p только при $m = n$.

Итак, общественно необходимыми затратами труда на единицу товара нам предлагают считать $\bar{p}$, а не p. Нам предлагают считать, что именно $\bar{p}$ определяет стоимость товара, а не p. Но $\bar{p}$ зависит не только от труда (p), но и от спроса (n) и предложения (m) (ведь $\bar{p} = p\frac{n}{m}$).

Таким образом, нам предлагают считать стоимость зависящей от спроса и предложения. «Более развитое выражение о. н. з. т.» оказывается на деле отголоском старой теории спроса и

[1] См.: Е. Г. Ясин. Указ, соч., стр. 36.

предложения. Если бы нам сказали, что $\bar{p}$, т. е. затраты труда по условиям потребления, определяет меновую стоимость при данном предложении, то это не подрывало бы трудовой теории стоимости, поскольку меновая стоимость не равна стоимости. И действительно, тогда сужение спроса означало бы понижение не стоимости, а меновой стоимости ниже p и понижение цен, расширение же спроса – повышение меновой стоимости и цены выше p. Но вся беда в том, что по условиям потребления предлагают определять именно стоимость. В зависимость от рынка, от спроса и предложения ставится не цена, не меновая стоимость, а стоимость. Такое толкование общественно необходимых затрат, лежащих в основе стоимости, игнорирует самое важное в трудовой теории стоимости. Но может ли стоимость все время менять свое значение при неизменных условиях производства, при той же технологии производства, той же производительности труда? Может ли стоимость зависеть только от конъюнктуры предложения и спроса на продукт? Ясно, что методология К. Маркса обязывает к отрицательному ответу на эти вопросы.

Идея примата производства – одна из важнейших характеристик Марксова качественного анализа, забвение этого может легко привести к буржуазной теории спроса и предложения. К сожалению, забвение примата производства проявилось и в книге В. С. Дунаевой. В. С. Дунаева (стр. 12) правильно указывает, что «субстанцией стоимости служит труд, а не потребительная стоимость», несколько позже она пишет, что «величина стоимости товара зависит от признания его общественной полезности» (стр. 16). Последнее утверждение находится в вопиющем противоречии с марксистской методологией, в чем мы можем убедиться, кстати, из той же книги. «Важнейшим условием общественного признания вещи, – пишет В. С. Дунаева, – является количественное соответствие массы произведенных продуктов данного вида величине общественной потребности в них»[1]. Под этим В. С. Дунаевой подразумевается соответствие предложения спросу. Именно

[1] В. С. Дунаева. Указ, соч., стр. 14.

спросу, поскольку, по словам самой же В. С. Дунаевой, общественная потребность в товаре формируется и под воздействием таких факторов, «как уровень доходов населения, соотношение цен на различные товары и т. п.»[1]. Итак, «величина стоимости товара зависит от признания его общественной полезности», признание его общественной полезности – от спроса и предложения, величина стоимости товара зависит, следовательно, от спроса и предложения – совсем не новая теория, ее неоднократно в тех или иных вариациях отстаивали и отстаивают буржуазные экономисты.

К. Маркс в приведенной выше выдержке из III тома «Капитала» отнюдь не вводит измененного определения общественно необходимого труда или стоимости. Он показывает, что отклонение величины предложения товаров от необходимого количества неразрывно связано с отклонением всей суммы затраченного на эти товары общественного рабочего времени от необходимого пропорционального количества. Это влечет за собой отклонение цены от рыночной стоимости или даже уничтожение части продукции. По форме высказывание К. Маркса построено так, что непосредственной причиной отклонения цен от рыночной стоимости кажется только непропорциональность в затратах общественного рабочего времени. Но дело в том, что непропорциональность в количествах продукции каждого вида эквивалентна непропорциональности в распределении общественного рабочего времени по соответствующим отраслям. Как из первой следует вторая, так и из второй – первая. Поэтому и то и другое можно назвать причиной отклонения цен от рыночной стоимости. А на рынке причиной выступает только непропорциональность в количествах произведенных товаров, поскольку связь потребностей с производством осуществляется через продукт.

Таким образом, высказывания К. Маркса в III томе «Капитала» не свидетельствуют об изменении количественной определенности о. н. з. т. Нельзя определять о. н. з. т. на производство товара по условиям потребления, не покидая

---

[1] Там же.

позиций трудовой теории стоимости. Общественно необходимый труд на производство товара, образующий субстанцию стоимости, не зависит от объема потребности в товаре[1]. От величины потребности зависит зато количество этого труда, которое должно быть выделено на производство всей массы товаров данного вида, чтобы они могли быть проданы по рыночной стоимости. Это количество труда К. Маркс тоже называет необходимым количеством.

[1] Конечно, при условии, что с изменением объема производства технология не изменяется.

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТРУДУ[1]

I. Постановка вопроса

Рассмотрим отношение заработной платы работника к сумме заработной платы, выплаченной всем работникам социалистического общества. Эта величина показывает долю фонда распределения по труду, которая предназначается данному работнику в соответствии с его трудовым вкладом. За словами «в соответствии с его трудовым вкладом» скрывается по сути дела вся количественная сторона принципа распределения по труду. При этом проблема распределения по труду естественно разбивается на две. Первая – установить величину трудового вклада, вторая – выразить количественно зависимость между этой величиной и долей работника в фонде распределения по труду. Ясно, что это – две различные проблемы, требующие отдельного рассмотрения. Однако даже монографии, уделяющие особое внимание проблеме распределения по труду, 2 в отдельности, в чистом виде названные проблемы не рассматривают. В литературе чаще всего обе эти проблемы соединены в одну: найти величину заработной платы, если известно количество затраченного работником конкретного труда. Такой подход, безусловно, отвечает конечной цели всех исследований, посвященных проблеме распределения по труду, но упускает важные в теоретическом отношении моменты.

Теоретически интересно было бы, описав процесс определения величины трудового вклада работника, остановиться специально на исследовании формы количественной зависимости заработной платы от величины трудового вклада. Тем более, что когда говорят о распределении по количеству труда, имеют в виду как раз последнюю зависимость, понимая трудовой вклад как нечто качественно однородное для всех работников и отличающееся только количественно (только тогда можно сказать, трудовой вклад какого работника больше и во сколько раз). Зависимость

---

[1] М. В. Попов. Вестник Ленинградского университета. Июнь.1971 г.

[2] См., например: Е. И. Капустин. Качество труда и заработная плата. М., 1964; В. А. Медведев. Закон стоимости и материальные стимулы социалистического производства. М., 1966.

величины заработной платы от величины трудового вклада есть зависимость между двумя величинами, поэтому можно попытаться выразить ее математически. Следует заметить, что вообще в виде числовой функции можно выразить зависимость только между величинами, только между количествами. Поэтому выражение «доля трудящихся в фонде индивидуального потребления пропорциональна количеству и качеству труда» есть пример неаккуратного обращения с понятием пропорциональности. Пропорциональность качеству есть нечто совершенно непонятное. Мы избегнем ошибок, если, говоря о распределении по количеству и качеству труда, будем предполагать, что качественные различия учитываются количественно при определении величины трудового вклада.

Данная статья в основном посвящена теоретическим аспектам проблемы учета качественных различий в труде при определении величины трудового вклада работника. Выясняется значение понятия абстрактного труда для решения проблемы исчисления трудового вклада. Рассмотрение второй проблемы – проблемы установления количественной зависимости между величиной трудового вклада и долей работника в фонде индивидуального потребления – носит постановочный характер. Поставленные проблемы заставили автора предварительно проанализировать понятие абстрактного труда. На наш взгляд, следует различать количество абстрактного труда, затраченное работником, и количество абстрактного труда, овеществленное в его продуктах. Труд каждого работника является двойственным, каждый работник затрачивает как конкретный, так и абстрактный труд; в одном месте абстрактного труда на продукт затрачивается больше, в другом меньше, а овеществляется в продукте лишь такое количество абстрактного труда, которое затрачивается на производство данного продукта в обществе в среднем, т. е. общественно необходимое количество абстрактного труда. Такое понимание абстрактного труда следует иметь в виду особенно тогда, когда речь пойдет о распределении в соответствии с количеством абстрактного труда, затраченного работником.

II.Понятие абстрактно-человеческого труда

Здесь мы кратко перечислим указанные К. Марксом в «Капитале» характеристики категории абстрактного труда, которые послужат исходной посылкой для всех последующих рассуждений.

Категория абстрактного труда, как и любая другая политэкономическая категория, по своей качественной природе есть отражение определенных производственных отношений, а потому имеет исторический характер. Прежде чем понятие абстрактного труда получило право называться политэкономической категорией, должна была пройти целая историческая эпоха, проложившая путь товарному производству. Только при развитом товарном производстве один вид труда, благодаря приравниванию на рынке продуктов этого вида труда к продуктам всех других видов труда, оказался равным любому другому виду труда. Равным в том смысле, что конкретная форма труда стала безразличной для производителей; затрачивая труд в одной форме, они могли теперь получать продукты труда, затраченного в любой другой форме. Безразличие к конкретной форме труда и нашло свое выражение в понятии абстрактного труда.

Маркс писал, что абстрактно человеческий труд – это труд, в котором исчезли все различные формы человеческого труда, это лишенный различий человеческий труд, затрата «человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты»,[1] «затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества... выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил».[2]

Абстрактно человеческий труд представляет собой «расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле»,[3] «производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле – один и тот же

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 46.
[2] Там же, стр. 47.
[3] Там же, стр. 55.

человеческий труд».[1]

Из понятия абстрактного труда вытекает, что при прочих равных условиях его будет затрачиваться в единицу времени больше там, где процесс труда связан с бóльшим расходованием мозга, мускулов, нервов, рук и т. д., т. е. там, где больше опасностей на производстве и требуется поэтому большее нервное напряжение, где приходится прилагать бóльшие усилия при совершении трудовых операций, где сильнее шум, вибрация, где хуже вентиляция и больше вредных веществ содержится в воздухе, где труд менее привлекателен (а потому требует большего напряжения внимания), где не удается работать в чистой одежде (а это в немалой степени сказывается на усталости), где не удается организовать труд в одну смену и необходима работа в несколько смен и т. д.

При изучении количественной стороны категории абстрактного труда важно иметь в виду следующее. Предполагается не всякое, а только полезное расходование общечеловеческой рабочей силы. Расходование рабочей силы индивидуума является расходованием общечеловеческой рабочей силы лишь постольку, поскольку характер его труда соответствует характеру труда средней общественной рабочей силы, характеру труда всей рабочей силы общества, рассматриваемой как единое целое.

Мы видели, что категория абстрактного труда применима для экономики, в которой происходит фактическое сведение всех работ друг к другу и тем самым к однородному труду. Социалистическая экономика обладает такой особенностью уже потому, что в ней осуществляется распределение по труду.

III. Абстрактный труд и его количество, общественно необходимое для производства товара

Из последующего станет ясно, что при изучении процесса создания стоимости и при определении величины трудового вклада работника необходимо различать следующие три понятия: 1) количество абстрактного труда, затраченное в процессе труда

[1] Там же, стр. 53.

работником, непосредственно изготовляющим данный товар (эта величина важна для оценки трудового вклада работника); 2) количество абстрактного труда, затраченное обществом на изготовление данного конкретного экземпляра товара (эта величина определяет величину индивидуальной стоимости данного экземпляра); 3) общественно необходимое количество абстрактного труда для производства товара данного вида (эта величина определяет величину стоимости товара). Указанные понятия находятся в следующем соотношении друг с другом.

Абстрактный труд, затраченный работником при изготовлении товара, есть труд, рассматриваемый со стороны затрат общественной рабочей силы, поэтому при определении его количества предполагается сведение умелости работника к средней умелости, которой в данном обществе обладают представители рассматриваемого вида труда, а также сопоставление характера этого труда с характером среднего для общества труда в отношении расходования в единицу времени мозга, мускулов, нервов, рук и т. п.

Количество абстрактного труда, затраченное обществом на производство данного экземпляра товара, если отвлечься от перенесенной на продукт стоимости средств производства, превышает количество абстрактного труда, затраченное работником в процессе труда по созданию данного экземпляра, на величину, равную количеству абстрактного труда, необходимому для подготовки рабочей силы этого работника.

Наконец, определение общественно необходимого количества абстрактного труда на производство товара требует, помимо всего перечисленного, еще сопоставления индивидуальных технологических условий со средними общественными, т. е. учета технологической стороны труда, различной его производительности, связанной с использованием средств производства различной степени совершенства. Ведь в каждой единице товара, независимо от того, сколько абстрактного труда было затрачено на ее производство, овеществляется такое количество абстрактного труда, которое затрачивается на производство этого товара в обществе в среднем, т. е. общественно необходимое количество абстрактного труда. Это

связано с тем, что «каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода»,[1] что «все продукты одного и того же рода образуют, в сущности, одну массу, цена которой определяется в целом, независимо от частных обстоятельств».[2] Поэтому общественно необходимое количество абстрактного труда на производство некоторой единицы товара определяется по существу не абстрактным трудом, затраченным на ее производство, а абстрактным трудом, затраченным на производство всей массы данного товара, и есть просто частное от деления всего этого количества абстрактного труда на общее число товаров данного вида. Таким образом, хотя качественно понятия абстрактного и общественно необходимого труда однородны (это абстрактный труд), количественно для отдельных работников они различаются. Проиллюстрируем это примером.

Рассмотрим случай, когда рабочие заняты неквалифицированным трудом, выпускают одинаковые продукты и находятся в одинаковых условиях среды, т. е. когда температура, шумы, влажность, вибрация и т. д. одинаковы, когда манипулирование с оборудованием отнимает как у одного, так и у другого совершенно одинаковое количество психических и физических сил, а разница лишь в том, что оборудование одного производительнее другого и на выходе дает большее количество продукции. В этом случае затраты мускулов, нервов, мозга, рук и т. д. у работников одинаковы, раз станки имеют одинаковое управление, и работники совершают одинаковые движения и мыслительные операции с одинаковой интенсивностью в одинаковой среде. Поэтому абстрактного труда они затрачивают за одинаковое время одинаковое количество. Выясним, как обстоит дело с общественно необходимым трудом. Если представители -го вида труда затрачивают каждый t часов конкретного труда и известен коэффициент связи с абстрактным трудом α^s, если умелость и интенсивность у всех работников средняя, то абстрактного труда каждым затрачивается $\alpha^s t$. При

[1] Там же, стр. 48.

[2] См. там же, сноска 10 (высказывание Le Trosne). Ср. также: «Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства...». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 185.

этом в силу различной производительности оборудования первый, скажем, выпустил p деталей, а второй – q. Если считать, что оборудование, имеющееся у первого работника, является общественно нормальным, то количество абстрактного труда, которое общественно необходимо затрачивать при производстве s-го продукта, равно $\frac{\alpha^s t}{p}$, в то время как второй работник затрачивает $\frac{\alpha^s t}{q}$ абстрактного труда на единицу. Индивидуальная стоимость $\alpha^s t$, созданная вторым работником за t часов, не совпадает со стоимостью. Действительно, так как количество абстрактного труда, которое общественно необходимо затрачивать при производстве единицы продукта, равно $\frac{\alpha^s t}{p}$, то, поскольку второй работник произвел q продуктов, в них овеществилось $\frac{\alpha^s t}{p} \cdot q$ абстрактного труда, хотя он затратил его, как и первый, $\alpha^s t$. Если $p \neq q$, то $\alpha^s t \cdot \frac{q}{p} \neq \alpha^s t$.

Первый работник затратил, таким образом, $\alpha^s t$ абстрактного труда, и все это количество является общественно необходимым, а второй работник затратил столько же ($\alpha^s t$) абстрактного труда, но овеществилось в его продукте $\alpha^s t \cdot \frac{q}{p}$, т. е. общественно необходимое количество абстрактного труда (для простоты мы отвлекаемся здесь от перенесенной на продукт стоимости средств производства).

IV. Нахождение количества затрачиваемого работником абстрактного труда

Пусть в обществе имеется n видов труда ($s = l, \ldots, n$), причем s-м видом труда занимается m^s работников ($i = 1, \ldots, m^s$),

$$\sum_{s=1}^{n} m^s = N.$$

Нашей задачей является показать принципиальный путь нахождения затрачиваемого работником количества абстрактного труда, если известна величина затрачиваемого им рабочего времени. Рассмотрение будет проходить в два этапа. Сначала (в п. 1) рассуждаем в предположении, что известны коэффициенты

связи α^s, показывающие, какое количество абстрактного труда соответствует 1 часу среднего для работников s-го вида конкретного труда в средних для них условиях производства. Затем (в п. 2) рассмотрим вопрос о нахождении коэффициентов $\alpha^s, s = l, \ldots, n$.

п. 1. Обозначим через k^{is} коэффициент связи между трудом i-го представителя -го вида труда и средним трудом указанного вида. Коэффициент k^{is} показывает, во сколько раз больше абстрактного труда в единицу времени затрачивается i -м работником на его рабочем месте, чем работающим в средних условиях средним представителем s -го вида труда. Следовательно, если i-й работник отработал t часов, то им затрачено $k^{is}\alpha^s t$ абстрактного труда, так как $\alpha^s t$ – количество абстрактного труда, соответствующее t часам среднего труда -го вида.

Коэффициент k^{is} может быть найден как произведение вычисленных отдельно трех коэффициентов: коэффициента умелости $k_{\text{у}}^{is}$, коэффициента интенсивности $k_{\text{и}}^{is}$ и коэффициента воздействия среды $k_{\text{с}}^{is}$, т. е. $k^{ls} = k_{\text{и}}^{is}\, k_{\text{у}}^{is} k_{\text{с}}^{is}$. Коэффициенты интенсивности и умелости сводят интенсивность и умелость i-го работника к средней для представителей s-го вида труда[1], коэффициент воздействия среды связывает затраты труда, вызванные воздействием среды (температурой, шумами, влажностью, вибрацией, освещением и т. д.), на -*м* рабочем месте с соответствующими затратами на среднем по условиям среды рабочем месте.

Теперь мы можем записать, что 1 часу труда -го работника, занимающегося s-м видом труда, соответствует $k_{\text{и}}^{is} \cdot k_{\text{у}}^{is} \cdot k_{\text{с}}^{is} \cdot \alpha^s \cdot$ 1 абстрактного труда.

Пусть t^{is} – затрата рабочего времени i -м работником, занимающимся трудом s-го вида,

[1] Интенсивность труда двух работников считаем одинаковой, если при их одинаковой умелости, при одинаковых воздействиях среды манипулирование с оборудованием требует от них в единицу времени одинаковых затрат рук, мускулов, нервов, мозга и т. д.

$$\sum_{i=1}^{m^s} t^{is} = t^s, \qquad \sum_{s=1}^{n} t^s = T,$$

тогда, как коэффициенты показывают разбиение общей суммы рабочего времени на количества, меряющие абстрактный труд, имеем

$$\sum_{i=1}^{m^s} k_{\text{и}}^{is} \cdot k_{\text{у}}^{is},\ k_{\text{с}}^{is} \cdot t^{is} = t^s, \sum_{s=1}^{n} \alpha^s t^s = T,$$

где $s = 1, \ldots, n$.

п. 2. Мы обозначили через α^s коэффициент, который сводит затраты мозга, нервов, мускулов, рук и т. д., т. е. непосредственные затраты человеческой рабочей силы, занятой s-м видом труда, к затратам, которые несет работник в обществе в среднем в процессе своего труда.

Так как при сравнении труда различных видов количественное сравнение изготовленной продукции невозможно, то α^s нужно искать путем прямого сравнения тех затрат, которые представители этих видов труда несут в результате движений и мыслительных операций, в результате воздействия среды, в которой они вынуждены работать[1]. Сравнивая труд работников горячих цехов (литейщиков например) с трудом станочников, мы ведем сравнение именно таким путем. При прочих равных условиях работающий в горячей, задымленной атмосфере, в атмосфере, содержащей взвешенные частицы (как в текстильной промышленности) или прямо вредные вещества (как в химической), затрачивает за то же время больше абстрактного труда, чем работающий в помещении с кондиционированием воздуха. Поэтому коэффициент α^1 для первого больше, чем

[1] Путь косвенного сравнения затрат тоже возможен. Если предполагать, что рабочая сила абсолютно подвижна, но ставки заработной платы находятся в соотношении, исключающем направленное движение рабочей силы из отрасли в отрасль, то по этим ставкам можно приблизительно судить о затратах труда. Реальную картину можно свести к этой, введя поправки, учитывающие преграды миграции рабочей силы и отсутствие стабилизирующих ставок заработной платы. Впрочем, если говорить точно, таким путем удастся найти не коэффициенты α^s, а близкие к ним δ^s, которые будут определены позже.

коэффициент α^2 для второго.

Больше абстрактного труда в единицу времени затрачивают те работники, труд которых в большей степени связан с загрязненностью, которые в большей степени подвергаются воздействию вибрации и шума, больше сталкиваются с опасностями в процессе своего труда. Следует отметить, что с опасностью сталкиваются далеко не только работающие по доставке взрывчатых веществ, но и все те, кто имеет дело с механизмами, грозящими на малейший недосмотр ответить увечьем, т. е. токари, штамповщики, кузнецы, фрезеровщики и т. д. Опасностям подвергаются также грузчики; каменщики, забойщики и др. В немалой степени влияет на увеличение затрат труда и, следовательно, на увеличение коэффициентов α^s работа в несколько смен, систематически нарушающая режим труда и отдыха работника. Выше эти затраты и в случае более монотонного труда, в котором объективно низок элемент творчества. И вообще затраты того абстрактно человеческого труда, о котором говорил Маркс, будут за то же самое время выше там, в тех отраслях, на тех рабочих местах, где условия труда оказывают на человека большее отрицательное воздействие, где выше интенсивность труда, где, следовательно, приходится прикладывать больше физических, психических и умственных усилий при совершении трудовых операций. Большим затратам труда в единицу времени отвечает и большее значение коэффициента α^s.

Хотя задача определения коэффициентов α^s является весьма сложной, для нашей цели – показать принципиальный путь определения величины трудового вклада – можно предполагать ее решенной, т. е. считать коэффициенты α^s известными, и перейти непосредственно к определению величины трудового вклада работника.

V. Определение величины трудового вклада работника

В социалистической экономике, в отличие от капиталистической, средства производства являются общественной собственностью. Однако нельзя сказать, чтобы от

работника непосредственно зависело, какой техникой ему приходится пользоваться. Он может оказаться работающим и на лучше и на хуже оснащенном предприятии. Но так как каждый работник является одним из собственников всех средств производства, стоит в одинаковом отношении ко всем средствам производства, может переходить с предприятия на предприятие, то закрепление работников на предприятиях с худшими условиями производства возможно лишь при том условии, что худшие условия производства не будут отражаться на оплате: за тот же абстрактный труд работники независимо от условий их производства будут получать одинаковое вознаграждение. Отсюда следует, что не общественно необходимый, а действительно затраченный абстрактный труд является для социалистической экономики основой при распределении по труду. Ведь общественно необходимое количество абстрактного труда определяется с учетом технологических характеристик производственного процесса, а определение абстрактного труда не включает их и учитывает как раз лишь полезные затраты общечеловеческой рабочей силы.

Однако здесь имеется некоторая тонкость. Пусть в обществе имеется N работников. Если перед нами работник квалифицированного груда, то непосредственно в процессе труда он затрачивает меньше абстрактного труда, чем создает индивидуальной стоимости. Точнее, величина созданной работником индивидуальной стоимости больше затраченного работником непосредственно в процессе труда абстрактного труда на величину затраченного обществом (в том числе и самим работником) абстрактного труда на подготовку рабочей силы данного работника. Обозначим через μ^s соответствующий коэффициент, показывающий, какое количество индивидуальной стоимости создается работником за 1 час его труда. Впрочем, организуя распределение по труду, мы должны, помимо затраченного работником непосредственно в процессе труда абстрактного труда, принять во внимание только часть абстрактного труда, затраченного на подготовку этого работника. Нужно учесть лишь труд самого работника. Обозначим через δ^s коэффициент, показывающий, какое количество абстрактного

труда работника будет соответствовать 1 часу его труда, если, помимо непосредственных затрат абстрактного труда, учесть еще лишь затраты абстрактного труда самого работника на подготовку его рабочей силы в расчете на 1 час непосредственного труда.

Знание коэффициентов δ^s дает количественную основу распределения по труду. Заработная плата -го работника, отработавшего t часов, должна уплачиваться в соответствии с величиной его трудового вклада $\delta^s t$. Ниже мы увидим, что для определения коэффициентов δ^s необходимо знать коэффициенты α^s, позволяющие определить количество абстрактного труда, затраченное работником непосредственно в процессе труда. Будем считать, что коэффициенты α^s определены не для среднего представителя -го вида труда, как мы считали раньше, а для каждого работника.[1]

Составим систему уравнений для определения коэффициентов μ^s и δ^s. Если на подготовку и обучение -го квалифицированного работника обществом было затрачено T_s абстрактного труда, а в течение всей жизни работник отработает t_s часов, то, помимо единовременных затрат мозга, мускулов, нервов и т. д., т. е. единовременных затрат рабочей силы, в образовании индивидуальной стоимости продукта 1 часа труда работника участвует еще T_s/t_s часов абстрактного труда. Индивидуальная стоимость продукта, созданного за час труда работника, равна, таким образом,

$$\mu_s \cdot 1 = \alpha_s \cdot 1 + T_s/t_s, \ s = l, \ldots, N,$$

т. е. сумме прямых затрат и затрат при подготовке работника в расчете на час труда; это полные затраты общества на продукт. Чтобы найти T_s, надо сложить стоимость использованных или потребленных для подготовки рабочей силы продуктов и все затраты труда на подготовку:

[1] Если j –му представителю r–го вида труда присвоен теперь номер s, то в качестве нового коэффициента a^s для s-го работника общества необходимо взять произведение k^{jr} и старого коэффициента a^r, которые вместе определяли количество абстрактного труда, затраченное j–м представителем r–го вида труда за 1 час его рабочего времени (см. IV, п. 1).

$$Ts = \sum_{i=1}^{m} b'_{is}\, l_i + \sum_{k=1}^{N} T'_{ks}\, \mu^s,$$
$$s = 1, \ldots, N. \qquad (1)$$

Здесь b'_{is} – затраты i-го продукта на подготовку рабочей силы -го вида, l_i – стоимость i -го продукта $(i = l, \ldots, m), T'_{ks} -$ время, затраченное рабочей силой вида k на подготовку рабочей силы вида s.

Из (1) имеем

$$T_s \,/\, t_s = \sum_{i=1}^{m} (\, b'_{is} \,/ t_s \,)\, l_i + \sum_{k=1}^{N} (T'_{ks} \,/\, t_s) \mu^s,$$

или, переобозначив $b'_{is} \,/ t_s = b_{is}$ и $T'_{ks} / t_s = T_{ks}$, получим

$$\mu^s \cdot 1 = \alpha s \cdot 1 + \sum_{i=1}^{m} b_{is}\; l_i + \sum_{k=1}^{N} T_{ks}\;\; \mu^s,$$
$$s = 1, \ldots, N. \qquad (2)$$

Здесь b^{is} - затраты уже в расчете на 1 час труда работника. Допишем к этой системе уравнений систему для определения стоимости продуктов:

$$l_i = \sum_{j=1}^{m} \alpha_{ij}\, l_j + \sum_{s=1}^{N} \mu^s\;\; t_{is},$$
$$i = 1, \ldots, m. \qquad (3)$$

Здесь l^i– полные затраты абстрактного труда на производство единицы i–го товара, $i = l, \ldots, m;$ α_{ij} – коэффициент расхода -го продукта на единицу i-го; t_{is}–прямые затраты труда s-го вида (квалификации и специализации) на производство единицы i-го продукта.

Система (2) – (3) имеет $N + m$ уравнений, N неизвестных μ^s и

m неизвестных l_i , что дает возможность их определения, так что могут быть найдены коэффициенты μ^s и стоимость продуктов l_i, $i = l, \ldots, m$.

$$\delta^s \cdot 1 = \alpha^s \cdot 1 + \alpha \sum_{i=1}^{m} \bar{b}_{is}\ l_i + \sum_{k=1}^{N} \bar{T}_{ks}\ \delta^s , \qquad (4)$$

которая отличается от системы (2), во-первых, тем, что в первой сумме учитывается меньше продуктов. Учитываются лишь такие, которые работник покупал на свою заработную плату [1], которые, следовательно, можно считать созданными его трудом[2]. Кроме того, под знаком суммы стоят количества продуктов, соответствующие одному часу будущего труда и притом необходимые только для обучения. «Необходимые только для обучения» – это такие, которые не представляют для работника материальных благ сами по себе, независимо от обучения. Например, одежда (кроме специальной), предметы потребления не являются необходимыми только для обучения, они удовлетворяют потребности обучающегося.

Во-вторых, система (4) отличается от системы (2) тем, что учитывает во второй сумме только труд самого работника на свое обучение (в расчете на час будущего труда) и притом только тот, который не был соответствующим образом оплачен. То есть, если на свое обучение работник затратил y абстрактного труда, израсходовал из выплат (стипендий, пособий и т. п.) на свое личное потребление сумму w, а в обществе единицу труда оплачивают продуктом $\frac{1}{a}$ единицы труда, то учесть в квалифицированном труде (записать во второй сумме) нужно только то количество конкретного труда по обучению, которое

[1] Это в предположении, что, помимо обучения, -й работник работал и непосредственно.

[2] Если считать, что в обществе единицу труда оплачивают продуктом $\frac{1}{a}$ единицы труда, то абстрактный труд работника, соответствующий учтенным в первой сумме предметам, в a раз больше стоимости последних. Этим объясняется и множитель a перед первой суммой в (4).

соответствует у – $w\alpha$ абстрактного труда:

$$\sum_{k=1}^{N} \bar{T}_{ks} \quad \delta^s = \frac{y - w\alpha}{t_s}.$$

Здесь t_s – количество рабочих часов, затрачиваемое s -м работником в течение всей жизни.

В-третьих, если считать, что работник уплачивает за обучение (что, впрочем, является редким явлением в странах социализма), то в уравнениях (4) должен появиться еще один член: стоимость, представляемая уплаченными деньгами (в расчете на час будущего труда), помноженная на множитель α. В условиях частной собственности, в период свободной конкуренции, когда все затраты по обучению несет сам работник, коэффициенты δ^s и μ^s совпадают.

Вместе с системой (3) система уравнений (4) дает возможность найти δ^s. Таким образом, если -й работник затратил t часов рабочего времени, то хотя весь вклад в увеличение стоимости продуктов – $\mu^s t$ абстрактного труда, из этого количества только $\delta^s t$ – благодаря затратам труда самого работника.

VI. Доля работника в фонде распределения по труду

Итак, теперь мы можем считать, что количество абстрактного труда, овеществляемого квалифицированным трудом работника в продуктах, и абстрактного труда, затраченного самим работником, известны. Предположим, что все работники отработали одинаковое время *t*. При этом -й работник овеществил квалифицированным трудом в продуктах t^s абстрактного труда, из которого, собственно, ему принадлежало лишь $\tau^s = t\ \delta^s$ абстрактного труда. Всего в общественном продукте овеществлено, таким образом, $\sum_{s=1}^{N} t^s = T$ ($T > \sum_{s=1}^{N} \tau^s$ так как в T вошел и прошлый труд обучавших и создававших условия для обучения работника людей). Если считать, что P абстрактного труда не подлежит распределению в виде предметов потребления (это резервный фонд, фонд возмещения, фонд накопления и т. д.), то распределяться будет только продукт, в котором воплощено

$T - P$ абстрактного труда.

Как же выразится в этих обозначениях принцип распределения по труду? Если его понимать так, что фонд распределения по труду должен быть распределен пропорционально величинам трудовых вкладов, то $T - P$ должно быть разделено пропорционально τ^s. Тогда -й работник получит

$$\frac{T-P}{\sum_{s=1}^{N}\tau^s}\cdot\tau^s = \frac{T-P}{\Theta}\cdot\tau^s,$$

где $\Theta = \sum_{s=1}^{N}\tau^s$. При этом видно, если обозначить через $\frac{1}{a}$ величину $\frac{T-P}{\theta}$, что -й работник получает продуктов, соответствующих $\frac{1}{a}\tau^s$ абстрактного труда, а $(1-\frac{1}{a})\tau^s$ своего абстрактного труда отдает обществу. Отсюда следует, что тот работник отдает обществу больше труда, который больше затрачивает абстрактного труда (если $\tau^s > \tau^i$, то $\left(1-\frac{1}{a}\right)\tau^s > (1-\frac{1}{a})\tau^i$). В частности, человек, занятый более легкой работой и затративший, скажем, только 50 часов абстрактного труда, отдает обществу при α = *2* только $(1 - 1/2)\ 50 = 25$ часов, в то время как работник, выполнявший более тяжелую работу, затративший за то же время 100 часов абстрактного труда, отдает 50 часов абстрактного труда.

Приведенный пример заставляет усомниться в том, что практика строго придерживается формулы прямой пропорциональности. Не исключено, что работники, затрачивающие в единицу времени больше абстрактного труда, чем прочие, отдают обществу своего абстрактного труда хотя и больше, чем последние, но не во столько раз, во сколько больше их трудовой вклад. Априори ясно лишь, что за равный труд уплачивается равная плата, за больший – большая, а в этих границах количественные соотношения между трудовым вкладом и заработной платой определяются нуждами производства.

Как показывает содержание данной статьи, разобрать хотя сколько-нибудь полно вопрос распределения по труду с количественной стороны без математического описания

практически невозможно. Этот вывод – лишь иное выражение того факта, что проблемы, требующие для своего разрешения составления систем уравнений, вызывают необходимость использования соответствующих математических средств. На примере исследования проблемы распределения по труду можно убедиться, следовательно, в необходимости использования математики в политической экономии. Важность же этого использования определяется непрерывным ростом масштабов применения математики в конкретных экономических исследованиях.[1]

Summary

The author demonstrates the principal way of finding of those labor inputs which are necessary for the distribution proportionally to labor.

Статья поступила в редакцию 15 января 1971 г.

[1] В Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану говорится: «В целях совершенствования планирования народного хозяйства и управления обеспечить **широкое применение экономико-математических методов, использование электронно-вычислительной и организационной техники и средств связи».** (Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. Политиздат, 1971, стр. 75).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXIV СЪЕЗДА КПСС[1]

Централизованное управление производством, базирующееся на общественной собственности, дает возможность избегать потерь, вызываемых анархией производства при капитализме, концентрировать ресурсы на главных направлениях, обеспечивающих научно-технический прогресс, удовлетворять потребности производства в кадрах требуемой квалификации, широко внедрять методы оптимизации и вычислительную технику при решении народнохозяйственных задач, использовать помимо материальных стимулов моральные, а также и административные меры, авторитет государственной власти. Это позволяет и в решении задач научно-технического прогресса и повышения эффективности общественного производства двигаться быстрее капиталистических стран.

Экономическая реформа 1965 г. имела в качестве одной из своих главных целей использование в новых условиях всех преимуществ централизованного управления. «Мы говорим, – отмечал Л. И. Брежнев в речи на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, – ...об отраслевом управлении на основе новых принципов планирования и оценки экономической деятельности предприятий, на основе дальнейшего развития как централизации управления, так и расширения оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий».[2]

После сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС была проделана большая работа по налаживанию механизма экономических рычагов и более полному использованию экономических стимулов. «В своей работе по совершенствованию руководства народным хозяйством партия твердо придерживается курса на правильное сочетание директивных заданий центральных органов с использованием экономических рычагов воздействия на производство», – отмечалось в Отчетном докладе

---

[1] Н. А. Моисеенко, М. В. Попов. Вестник ленинградского университета. №17. Выпуск 3.1971 г.
[2] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. М., Политиздат, 1970, стр. 210.

ЦК КПСС XXIV съезду.[1] Центральный Комитет указал на те важные задачи, которые еще предстоит решить на пути совершенствования централизованного управления. «После восстановления отраслевой системы управления, – говорил Л. И. Брежнев, – существенно повысился уровень централизованного руководства народным хозяйством... Вместе с тем жизнь, практика – а это лучшие учителя – показывают, что мы не можем довольствоваться достигнутым».[2]

На первый план теперь выдвигается совершенствование планирования, усиление контроля за выполнением директивных плановых заданий, повышение плановой дисциплины, улучшение организационной структуры управления, включая механизм принятия и реализации решений центральных органов, ускорение процесса концентрации производства.

В Отчетном докладе XXIV съезду КПСС подчеркивалось, что планирование – «центральное звено, сердцевина руководства народным хозяйством в условиях социализма...»[3] Съезд определил основные направления совершенствования как теории, так и практики планирования. Планирование должно опираться на более точное изучение общественных потребностей и платежеспособного спроса, на научные прогнозы экономических возможностей, на всесторонний анализ и оценку различных вариантов решений, их непосредственных и долговременных последствий. Особую важность приобретают проблемы долгосрочного планирования. Необходимо шире использовать весь теоретический арсенал планирования, методы экономико-математического моделирования, быстрее вводить отраслевые автоматизированные системы управления, имея в виду перспективу создания общегосударственной системы сбора и обработки информации.

На съезде было указано, что «с плановым ведением хозяйства... неразрывно связаны все успехи нашей социалистической экономики. От качества планирования в значительной мере будут зависеть и ее будущие достижения. Вот

---

[1] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1971, стр. 85.
[2] Там же, стр. 81.
[3] Там же, стр. 82.

почему его совершенствование должно и впредь находиться в центре нашего внимания».[1] XXIV съезд КПСС особо подчеркнул, что «ведущим и определяющим является директивное планирование... мы отвергаем всякие ошибочные концепции, подменяющие рыночным регулированием ведущую роль государственного централизованного планирования».[2]

Выдвинутые ЦК КПСС положения основываются на обобщении практического опыта управления экономикой и теоретических положений, развиваемых в лучших работах советских экономистов.

К сожалению, в экономической литературе все еще встречается недооценка и преуменьшение значения централизованного управления. Это проявляется как в неисторическом подходе к анализу системы управления 30-х годов, так и в необоснованных предложениях по дальнейшему, выходящему за рамки, установленные реформой, сокращению сферы централизованного управления.

В некоторых публикациях дело представляется так, будто в течение всего времени своего существования (т. е. с начала 30-х годов) действовавшая до реформы система управления не соответствовала требованиям экономических законов.[3]

Отдельные экономисты высказываются в том смысле, что система хозяйствования, предшествовавшая системе 30–40-х годов (т. е. действовавшая в эпоху нэпа, в период борьбы социалистического и капиталистического укладов), полнее выражала ленинские принципы социалистического хозяйствования.[4]

С такими оценками согласиться нельзя. То, что стало «гипертрофированным», «чрезмерным» в конце 50-х годов, было необходимым и чрезвычайно эффективным в предшествовавший

---

[1] Там же, стр. 83.

[2] А. Н. К. о с ы г п н. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. М., Политиздат, 1971, стр. 54—55.

[3] Словами: «гипертрофия прямых связей», «чрезмерная централизация хозяйственного руководства», «громоздкая система административного регулирования», «планово-административная стихия» — характеризует, например, Я. А. Кронрод «существенные черты хозяйственного механизма, который сложился еще в условиях строительства социализма» (см.: Я. А. Кронрод. Закон стоимости и социалистическая экономика. М., «Наука», 1970, стр. 51, 52, 53).

[4] См.: Я. Г. Либерман. Государственный бюджет в новых условиях хозяйствования. М., «Наука», 1970, стр. 28.

период. Достаточно напомнить, что прежняя система управления, обеспечив невиданно высокие темпы роста производительности труда и национального дохода, в короткие сроки вывела страну из отсталости, обеспечила трудящимся высокий жизненный уровень [1] и создала мощный экономический потенциал для завоевания новых позиций на экономическом фронте. Другого же, более высокого мерила эффективности системы управления, чем быстрое повышение уровня жизни народа и создание за столь же короткие сроки базы для еще более быстрого подъема, не существует.

Считать, что система управления 30 – 40 -х годов была обусловлена главным образом политической обстановкой, значит считать централизм несовместимым с социализмом.

Разумеется, политическая обстановка повлияла на сроки индустриализации, а это, в свою очередь, на отдельные элементы системы управления. Однако решающим фактором, определяющим систему управления, является форма собственности на средства производства. Неправильно полагать, что, будь политическая обстановка иной, советский народ отказался бы от использования всех преимуществ планового централизованного управления для повышения в короткие сроки своего жизненного уровня.

В каком направлении надлежит совершенствовать плановое управление социалистическим производством? Верно ли, что предприятиям надо устанавливать «минимум укрупненных эластичных показателей», проводимую экономическую реформу трактовать в смысле ограничения «директивных плановых показателей минимумом», а пока «минимум централизованных заданий, хотя и сокращен реформой, все еще значителен»? [2] Правильно ли выступать даже против тех, кто предлагает установить «оптимальное сочетание между централизованным распределением средств производства и оптовой торговлей

---

[1] С 1932 по 1937 г, среднегодовая заработная плата рабочих и служащих возросла на 113,5% (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК- Издание 7-е, ч. III. М., Политиздат, 1954, стр. 180, 339).

[2] Я. А. Кронрод, ук. соч., стр. 54, 56. — Заметим, что неправы В. Д. Белкин и В. В. Ивантер, утверждая, будто изменение методов руководства означает отказ от административных указаний, «что произвести» и «в какие сроки» (см.: В. Д. Белкин и В. В. Ивантер. Экономическое управление и банк. М., «Экономика», 1969, стр. 4).

ими»?[1]

Будет ли это совершенствованием управления, если системе Госснаба, обеспечивающей гарантии сбыта, отвести только две функции – «организацию оптовой торговли и страхование обращения»? [2] Не означает ли это фактическую ликвидацию системы централизованного снабжения?

Отказ от гарантированного сбыта, полагает автор, создаст ситуацию «борьбы за потребителя», что заставит предприятия повышать качество продукции, будет стимулировать технический прогресс.[3]

Но какой ценой «достигается» поставленная цель? Ценой отказа от сознательного контроля за движением материальных ценностей, следовательно, отказа от составления и реализации оптимальных натурально-вещественных балансов и, значит, ценой отказа от преимуществ социализма, обеспечивающих высокие темпы развития.

Только при капитализме нет иных средств стимулирования научно-технического прогресса, кроме конкуренции. В социалистической же экономике существует множество высокоэффективных способов обеспечить выпуск качественной продукции, например постоянное, идущее в ногу с научно-техническим прогрессом изменение государственных стандартов,[4] аттестация продукции на качество, соответствующая надбавка к цене,[5] штрафы за некачественность, установление условий о качестве продукции в хозяйственных договорах и т. д.

Громадное значение для решения задачи ускорения научно-технического прогресса имеет, как указывалось на XXIV съезде КПСС, проведение единой государственной технической политики. «Выполнение планов по новой технике должно стать важнейшим критерием при оценке деятельности министерств и

---

[1] Я. А. Кронрод, ук. соч., стр. 64, 65. — В другом месте автор пишет: «Переход к торговле средствами производства обусловит постепенное свертывание централизованного планирования ассортимента производства в натуре» (там же, стр. 36).

[2] Там же, стр. 65.

[3] Там же, стр. 57.

[4] См.: А. Н. Косыгин. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. М., Политиздат, 1971, стр. 13.

[5] «Цены на новую технику следует устанавливать с учетом экономического эффекта, который дает ее применение...» (А. Н. К о с ы г и н. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы, стр. 57).

предприятий, а равно и результатов социалистического соревнования...»; «Мы должны располагать научно обоснованными нормами расхода сырья, топлива, электроэнергии, материалов, трудовых затрат. Плановые органы должны своевременно проводить пересмотр нормативов, обеспечивая непосредственную связь этих норм с достижениями технического прогресса». [1] Словом, имеются богатые возможности осуществления технического прогресса и без отказа от преимуществ социализма.

Для обоснования дальнейшего, выходящего за рамки реформы, значительного сокращения сферы централизованного управления сейчас уже, конечно, не может быть серьезных аргументов. Поэтому большинство их сводится к тому, что централизация «связывает», «сковывает», не заинтересовывает, «предопределяет» и т. д. Еще один аргумент: «поле для хозяйственной инициативы предприятий... все еще недостаточно широко».[2] Но ведь хорошо известно, что и чрезмерное сужение централизации чревато для социалистической экономики тяжелыми последствиями.[3]

Нельзя считать идеальным положение, когда предприятия обеспечены только той информацией, «которая необходима и полезна для безусловного выполнения установленных глобальных пропорций». [4] Речь должна идти не только о глобальных пропорциях. Общественный интерес заключается отнюдь не только в установлении наилучших *глобальных* пропорций. Хорошие глобальные пропорции, как и средние цифры, могут прикрывать очень значительные отклонения от действительных народнохозяйственных целей.

И все же нередки случаи критики индивидуальных плановых заданий, даже вытекающих из оптимального (!) плана,[5] хотя такие задания обеспечивают наиболее полную и быструю реализацию

---

[1] Там же, стр. 21, 53.

[2] Я. А. Кронрод, ук. соч., стр. 57.

[3] Столь же слабо обоснованы и предложения Я. Г. Либермана по значительному сужению сферы централизованного планирования. Автором выдвигается система платежей, на основе которых, по его мнению, «представляется возможным отказаться от конкретных индивидуальных плановых заданий каждому предприятию в отдельности и заменить их общественными нормативами, регулирующими хозяйственные процессы при высоком уровне планирования» (Я. Г. Либерман, ук. соч., стр. 168).

[4] См. напр.: Я. Г. Либерман, ук. соч., стр. 174.

[5] Там же, стр. 173.

общественных интересов.

Совершенствование системы управления возможно лишь на основе учета общественных интересов. В противном случае возникает опасность увидеть в расширении хозяйственной самостоятельности цель, забыв о том, что целью реформы является такое изменение методов управления, которое обеспечит наилучшую реализацию общественных интересов, их более полное сочетание с коллективными и индивидуальными, наиболее быстрое повышение эффективности общественного производства.

Если не исходить из общественных интересов, тогда, естественно, приходится ратовать за безграничное расширение хозяйственной самостоятельности, выступать против всего, что этому мешает. Таковы, например, выступления против принципа напряженных плановых заданий.[1]

Решения XXIV съезда КПСС направлены на полное использование всех преимуществ социализма. К числу важнейших преимуществ социалистической экономики относится следующее: в социалистической экономике проблема реализации потребительной стоимости произведенного продукта, вопрос о его потреблении, будь оно производительное или непроизводительное, решается до начала процесса производства, а не по окончании его, априори, а не апостериори.

При социализме движение материальных ценностей, взаимная увязка производства в разных отраслях и на различных предприятиях происходит по заранее намеченному плану и под сознательным контролем Центра. Это позволяет не только достигнуть полного использования производственных мощностей, заранее сбалансировав производство по натурально-вещественному признаку, по ассортименту и обеспечив четкую и своевременную поставку предприятиям сырья и полуфабрикатов, не только избежать громадных потерь в сфере обращения, но и из всех возможных балансов выбрать такой, который в максимальной степени экономит общественный труд, гарантирует наиболее эффективное использование ресурсов.

---

[1] Там же, стр. 125. — Автор здесь же пишет об «ошибочности самой идеи о стимулировании повышенных плановых заданий».

Отсюда следует, что вопрос о том, придерживаться ли принципа напряженных плановых заданий или предпочесть перевыполнение ненапряженных планов, является вопросом о том, обеспечить больший или меньший выпуск конечной продукции, пользоваться ли указанными преимуществами социализма в отношении всей (почти всей) массы произведенного продукта или предоставить реализацию значительной ее части рынку, вне централизованного контроля, подвергнув реализацию этой части воздействию стихийных элементов рынка.

Принцип напряженных планов дает, следовательно, бóльшую эффективность и б ó льшие темпы роста общественного производства, а потому совершенствование системы управления предполагает более полное его проведение.

Решения XXIV съезда КПСС свидетельствуют о том, что суть дела теперь не в сужении централизации. Целью реформы вовсе не является сведение прямого централизованного управления к минимуму. Речь идет лишь об ограничении его тем максимальным кругом проблем, при решении которых оно с народнохозяйственной точки зрения эффективнее косвенного регулирования, об изменении круга вопросов, решаемых Центром.

Главная цель совершенствования системы управления теперь – сосредоточение всех органов управления, и в первую очередь центрального руководства, на решении вопросов интенсификации, повышения эффективности производства, использование для этой цели методов оптимизации, директивных методов, экономических и моральных стимулов.

В свете решений XXIV съезда КПСС особенно ясно, что было бы неверно противопоставлять друг другу директивные, административные методы и экономические рычаги как якобы неэкономические методы экономическим. И те и другие являются экономическими. Но если одни из них – директивные и административные относятся к прямым, непосредственным методам управления производством, то другие представляют собой косвенные экономические рычаги.

Существование последних связано с сохранением товарной формы социалистического производства. Следовательно,

различаются они как *прямые* и *косвенные экономические* методы управления социалистическим хозяйством, а не как экономические и неэкономические методы регулирования общественного производства.

Если экономические рычаги используют личные и коллективные материальные интересы, а директивные и административные являются средством прямого воздействия на руководство предприятий, то ведь в основе директивных и административных методов, опирающихся непосредственно на авторитет государственной власти, тоже лежат экономические интересы, а именно общественные интересы, характеризующие социалистическую экономику в большей степени, чем коллективные и личные.

Авторитет центральной власти в социалистической экономике – не что иное, как самое непосредственное выражение приоритета, общего для всех трудящихся, т. е. общественного интереса, над коллективным и личным.

Цели использования как экономических рычагов, так и директивных и административных методов определяются общенародной собственностью на средства производства, общественными интересами. Как без одних, так и без других плановая социалистическая экономика немыслима. Прямые (директивные и административные) методы во всех случаях, когда удается достаточно полно предусмотреть перспективы, учесть производственные возможности и обеспечить эффективный контроль, быстрее и надежнее реализуют общественный интерес. Однако без использования косвенных экономических рычагов обойтись невозможно.

Во-первых, всегда остается некоторый круг вопросов, который не может быть достаточно полно рассмотрен в центре. Ввиду огромных масштабов производства приходится ограничивать сферу директивного управления только теми областями, которые при данной технике управления лучше поддаются эффективному контролю и в которых Центр может более полно учесть общественные интересы, чем предприятия. В прочих областях для достижения народнохозяйственных целей управление опирается на осознание работниками своих общественных интересов, а

кроме того, заинтересовывает коллективы предприятий материально в самостоятельном принятии таких решений, которые выгодны обществу.

Во-вторых, косвенные экономические рычаги необходимо использовать для подкрепления директивных плановых заданий. Выполнение этого требования ведет к ослаблению противоречий между коллективными и общественными интересами и облегчает выполнение централизованных плановых заданий и в тех случаях, когда общественные интересы коллективом предприятия осознаются.

Административные методы призваны отсекать возможность, использовать самостоятельность предприятий в целях, противоположных общественным интересам. Только при этом условии косвенные экономические рычаги, как средство достижения общественных целей, средство централизованного руководства, не превращаются в свою противоположность.[1]

Учитывая преимущества, которые дает прямое, сознательное установление народнохозяйственных пропорций и производственных заданий, следует стремиться к максимальному использованию этих преимуществ и оставлять косвенному регулированию лишь те вопросы, которые на данном этапе более компетентно, более квалифицированно могут быть решены на месте и притом в интересах народного хозяйства.

Из сказанного следует: как директивные и административные методы, так и экономические рычаги являются неотъемлемыми элементами социалистических производственных отношений.

Для понятий, характеризующих те или иные стороны и элементы производственных отношений, в марксизме принято употреблять термин «экономические». Если строго придерживаться этого принципа, то следует независимо от терминологии считать *экономическими по существу* как директивные и административные методы, так и экономические рычаги. Поэтому не может не вызвать удивления предвзятость, с которой подходят к оценке директивных и административных методов Е. Либерман и З. Житницкий, заявляя: «Если же этот

---

[1] См.: А. Н. Косыгин. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы, стр. 55.

процесс приобретает исполнительный, а не плановый характер (??) и ведется методом прямого указания места, времени и получателя каждого товара, то он неизбежно теряет экономический характер и приобретает все черты административного рационирования наподобие карточной системы».[1]

Улучшение планирования в натуральных показателях – важное направление совершенствования управления экономикой. К. Маркс, исследуя общественное воспроизводство, специально подчеркивал необходимость учета стоимостных и натурально-вещественных моментов, без чего невозможна организация нормального процесса воспроизводства. Стремление отказаться от натуральных плановых показателей, которое свойственно некоторым экономистам, идет поэтому вразрез не только с практикой хозяйствования социалистических стран, но и противоречит марксистской методологии. Именно в способности учесть не только стоимостные, но и натурально-вещественные моменты воспроизводства видел гениальность Марксовых схем В. И. Ленин.

Еще более актуальны эти мысли для общества, идущего к полному отмиранию товарно-денежных отношений.

Если мы хотим сохранить и приумножить те преимущества, которые связаны с возможностью установления стабильных цен, если не хотим лишать цены их социально-экономических функций, если хотим исключить при этом «исчезновение» нужных продуктов, то мы обязаны по всем «невыгодным» для предприятий изделиям указывать конкретно, «что и сколько произвести».

Если мы хотим использовать преимущества высоких темпов развития, то мы не можем обойтись без указаний предприятиям, какие из «выгодных» продуктов, в каком количестве, для кого и к какому сроку они должны обязательно произвести. Только при этом условии возможно свойственное социализму выполнение в исторически короткие сроки обширных социально-экономических программ.

---

[1] Е. Либерман, 3. Житницкий. Экономические и административные методы хозяйственного руководства. «Плановое хозяйство», 1968, № 1, стр. 21.

Для совершенствования централизованного управления очень важно научиться моделировать весь арсенал средств управления социалистической экономикой, не ограничиваясь попытками во что бы то ни стало доказать возможность эффективно управлять экономикой с помощью одних лишь экономических рычагов. Такие попытки среди некоторых математиков-экономистов стали чуть ли не модой. Но в противовес им именно теория оптимального планирования предоставила (мы имеем в виду статью А. Г. Аганбегяна и К. А. Багриновского[1]) новые данные, свидетельствующие о бесплодности этих попыток.

Авторы для линейной модели народного хозяйства доказали, что существует по крайней мере одно предприятие, у которого оптимальный план локальной задачи не будет единственным, и среди оптимальных планов этого предприятия существует такой, который не может войти в оптимальный план народного хозяйства.

Из результатов, полученных А. Г. Аганбегяном и К. А. Багриновским, следует такой вывод. Уж если для простейшей (линейной) модели, даже в случае, когда цены установлены на уровне оценок оптимального плана, не удается обойтись одними лишь экономическими рычагами (предприятия, руководствуясь прибылью в оценках, могут выбрать оптимальный с их точки зрения план, не являющийся оптимальным с народнохозяйственной точки зрения), то тем более нельзя обойтись без использования прямых директивных методов в практике управления реальной экономической системой социализма.

Факты свидетельствуют о том, что еще не все достаточно хорошо понимают роль централизованного управления в социалистической экономике, не все учли опыт чехословацких событий. Не лишне поэтому будет привести следующие слова Первого секретаря ЦК БКП Тодора Живкова: «В социалистическом обществе политика отражает закономерности развития экономики как единого, целостного народно-

[1] А. Г. Аганбегян, К. А. Багриновский. О соотношении народнохозяйственного оптимума и локальных оптимумов в экономической системе социализма. Сб.: Оптимальное планирование и совершенствование управления народным хозяйством. М., «Наука», 1969.

хозяйственного механизма. Единой экономике социализма может соответствовать лишь единая хозяйственная политика... Враги коммунизма и антисоциалистические силы хорошо понимают это. Вот почему они ведут свои атаки прежде всего против централизованного планового руководства, против политической линии, которую проводят коммунистические партии в экономическом развитии социалистических стран: именно в подрыве единой политической линии они видят путь к реставрации капитализма».[1]

На XXIV съезде КПСС подчеркивалось, что возможность использовать кроме косвенных экономических прямые, директивные, административные методы – не единственное преимущество социалистической системы управления экономикой. Тот факт, что трудящиеся, являясь общественными собственниками средств производства, объективно заинтересованы в развитии всего народного хозяйства, открывает безграничные возможности для развития экономической инициативы, для защиты общественных интересов рядовыми участниками общественного производства, и прежде всего рабочими.

Для этого необходимо добиться, чтобы максимальное количество работников ясно представляло свои общественные интересы, понимало, что решающим условием улучшения жизни является общая забота об общем деле. Требуется больше привлекать рабочих к управлению общественным производством. Важно показывать на исторических примерах и экономическим расчетом, какие результаты давала и может давать забота об общественных интересах, и наоборот, каких экономических выгод лишаются сами же трудящиеся, если действуют только в личных и коллективных интересах, пренебрегая общественными,

Здесь – громадный резерв повышения эффективности общественного производства, и его использование по мере движения к коммунизму должно усиливаться все больше и больше. Нельзя поэтому не согласиться с мнением наших немецких товарищей: «Нынешние масштабы экономической

---

[1] Тодор Живков. Ленинизм и единство политики и экономики в социалистическом обществе. «Проблемы мира и социализма», 1971, № 4, стр. 4.

инициативы во многих отношениях сочетаются одновременно и с высокими идеологическими требованиями. Система экономических рычагов может действенно поддерживать такую инициативу, но не может автоматически и в совершенстве ее направлять. Для этого ей необходима движущая сила – она в сознательных социалистических действиях миллионов».[1]

Ленинская мысль о том, что «государство сильно ... тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»,[2] нашла свое выражение уже в самой постановке вопроса о совершенствовании управления экономикой в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду. Речь идет по существу о том, чтобы «еще теснее объединить сотни тысяч коллективов, десятки миллионов трудящихся вокруг главных целей партийной политики».[3]

Это положение развивается в специальном разделе доклада, где указывается, что «одна из центральных задач партии – все более широкое вовлечение трудящихся масс в управление производством. Нужно добиваться, чтобы каждый сознательный трудящийся, каждый сознательный рабочий, как подчеркивал В. И. Ленин, «чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны»[4] ; «Наш долг – еще полнее претворить в жизнь ленинские заветы, добиться того, чтобы все рабочие, колхозники, интеллигенция стали сознательными борцами за осуществление экономической политики партии, действовали как государственные люди, в полной мере проявляя свои способности, инициативу, хозяйственную сметку».[5]

Партия берет курс на полное использование могучих резервов социалистического производства, и прежде всего тех, которые

---

[1] Вернер Ламберц (кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ). Главные направления идеологической работы. «Правда», 1971, 7 января.
[2] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 35, стр. 21.
[3] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 80.
[4] Там же, стр. 86.
[5] Там же, стр. 87.

связаны с глубоким осознанием трудящимися своих общественных интересов.

Summary

The authors, while underlining the priority of the social interests, demonstrate that it is necessary to make full of the use all means of centralized management, without exception.

Статья поступила в редакцию 12 марта 1971 г.

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ[1]

В центре дискуссий, посвященных нормативной эффективности капитальных вложений, стоит вопрос о том, должен ли норматив сравнительной эффективности быть единым или его следует дифференцировать по отраслям. В некоторых работах речь идет о том, при каких условиях норматив является единым и при каких требуются отраслевые нормативы. В частности, Л. В. Канторович отмечает,[2] что сделанный им вывод о наличии единого норматива справедлив лишь в том случае, когда и экономия, и затраты подсчитаны при помощи объективно обусловленных оценок, и на другие случаи не распространяется. К аналогичному результату приходит и Д. А. Арзамасцев,[3] рассматривающий динамическую модель образования и реализации капитальных вложений. В его модели использование единого норматива допустимо лишь при оптимальных ценах, а в условиях неоптимальных цен необходимо устанавливать различные нормативные коэффициенты отраслей. Некоторые авторы[4] предлагали модели, в которых норматив эффективности един при любых ценах. Но этот результат был достигнут лишь благодаря искажению самой цели капиталовложений. В действительности же, когда речь идет о капитальных вложениях в масштабе всей экономики, в качестве критерия оптимальности необходимо брать не суммарную себестоимость продукции, как это делает В. Н. Богачев, а все затраты труда на производство продукции. Безусловно, общество заинтересовано в экономии всех затрат на производство продукции, а не только той их части, которая выражается себестоимостью. Если же изменить модель, предлагаемую В. Н. Богачевым, и исходить из минимизации всех затрат труда на производство продукции, то уже нельзя утверждать по-прежнему о существовании при любых ценах единого норматива. Для рассматриваемой модели указывается

---

[1] М. В. Попов. Применение математики в экономике. Вып. 7. 1972 г.

[2] Л. В. Канторович. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М., 1960.

[3] Д. А. Арзамасцев. О качественном анализе условий сравнительной эффективности капитальных вложений. Экономика и математические методы, т. V, вып. 6, 1969.

[4] См., например: В. Н. Богачев. Срок окупаемости. М., 1966.

условие, которое следует наложить на цены для того, чтобы обеспечить равенство отраслевых нормативов.

Сформулируем модель распределения капиталовложений, отличающуюся от модели, описанной В. Н. Богачевым,[1] критерием оптимальности и введением в рассмотрение помимо себестоимости также полных затрат на производство продуктов.

Пусть имеется n объектов капиталовложений (n отраслей), $j = 1, \dots, n$. Предположим, что существует s^j вариантов вложений в j -й объект (j-ю отрасль), $j = 1, \dots, n$ Соответствующему j -му объекту себестоимость единицы продукции, полные затраты труда на единицу и удельные капиталовложения будем обозначать через c_i^j, p_i^j, k_i^j. Себестоимость единицы продукции j -го объекта считаем функцией $c^j(k^j)$ удельных капиталовложений, полные затраты труда на единицу продукции j-го объекта – функцией $p^j(k^j)$. Как обычно, предполагаем, что c^j и p^j – дважды непрерывно дифференцируемые функции от k^j, убывающие $\left(\frac{dp^j}{dk^j} < 0, \frac{dc^j}{dk^j} < 0\right)$, причем абсолютные величины их производных $\left|\frac{dp^j}{dk^j}\right| = -\frac{dp^j}{dk^j}$ и $\left|\frac{dc^j}{dk^j}\right| = -\frac{dc^j}{dk^j}$ – тоже убывающие функции от k^j (это соответствует тому, что каждый последующий рубль вложений приносит меньшую экономию, чем предыдущий).

В силу неодинакового органического строения фондов в различных отраслях соотношение между себестоимостью продукции и полными затратами труда на производство продукции для этих отраслей может быть разное. Обозначим через α^j коэффициент, показывающий связь между количеством абстрактного труда p^j, затрачиваемого на производство продукции, и себестоимостью этой продукции c^j, т. е. $p^j = \alpha^j c^j, j = 1, \dots, n$.

При этих предположениях требуется найти такие k^j, которые обеспечивают

$$\min \sum_{j=1}^{n} m^j p^j(k^j)$$

[1] Там же, стр. 78—80.

при условии, что

$$\sum_{j=1}^{n} m^j k^j = K.$$

Здесь m^j – планируемый заранее объем выпуска продукции в j -й отрасли; K – общая сумма капиталовложений, подлежащая распределению по отраслям. Иными словами, ставится задача распределения некоторой суммы капиталовложений по отраслям так, чтобы суммарные полные затраты труда на производство заданного количества продукции достигали минимума.

Построив функцию Лагранжа

$$R(k^1, \dots, k^n, \lambda) = \sum_{j=1}^{n} m^j p^j(k^j) + \lambda\left(\sum_{j=1}^{n} m^j k^j - K\right),$$

находим необходимые условия минимума целевой функции поставленной задачи.

В точке минимума должно быть

$\frac{\partial R(\bar{k}^1,\dots,\bar{k}^n,\bar{\lambda})}{\partial k^j} = 0$, т. е.

$$-\frac{\partial p^j(\bar{k}^j)}{\partial k^j} = \bar{\lambda}, j = 1, \dots, n. \qquad (*)$$

Поскольку $-\frac{\partial p^j(k^j)}{\partial k^j}$ предполагается убывающей функцией от k^j для любого $j = 1, \dots, n$, то задача отыскания $\bar{k}^j$, т. е. точки минимума полных затрат труда, может быть решена так.[1] Ищутся $\bar{k}^j$, в которых функция $-\frac{\partial p^j(k^j)}{\partial k^j}$ достигает минимума при условии, что

$$-\frac{\partial p^j(k^j)}{\partial k^j} \geq \bar{\lambda}. \quad (1)$$

Если принять во внимание, что $p^j = \alpha^j c^j$, то (1) можно переписать в виде

$$-\frac{\partial c^j(k^j)}{\partial k^j} \geq \frac{\bar{\lambda}}{\alpha^j}. \quad (2)$$

Мы получили два вида нормативов:

---

[1] Это при условии, что существует единственная точка $\bar{k}^1, \dots, \bar{k}^n, \bar{\lambda}$ удовлетворяющая условию (*).

единый трудовой норматив $\bar{\lambda}$ и, вообще говоря, различные отраслевые себестоимостные нормативы $r^j = \frac{\bar{\lambda}}{\alpha^j}$. Теперь перейдем к выводам.

Первый вывод. Если при выборе вариантов вложений вместо текущих затрат c^j брать полные затраты p^j, то можно пользоваться единым трудовым нормативом $\bar{\lambda}$. Смысл этого норматива в том, что для обеспечения суммарного минимума затрат труда необходимо так распределять вложения по отраслям, чтобы экономия труда от последней единицы вложений была одинаковой для всех отраслей и равной $\bar{\lambda}$. Необходимо, следовательно, знать $p^j, j = 1, \ldots, n$. Цены при социализме, как правило, отклоняются от стоимости, поэтому, чтобы воспользоваться единым трудовым нормативом $\bar{\lambda}$, потребовалось бы специально рассчитывать полные затраты труда на производство продуктов $p^j, j = 1, \ldots, n$.

Второй вывод. Если при выборе вариантов вложений учет текущих затрат производить, как это обычно делается, в форме себестоимости, то чтобы суммарные затраты труда на производство продуктов достигли минимума и, следовательно, чтобы экономия труда от последней единицы вложений в каждой отрасли была одинаковой, равной $\bar{\lambda}$, требуется неодинаковая для различных отраслей экономия себестоимости. Точнее, экономия от последней единицы вложений в j -ю отрасль, $j = 1, \ldots, n$, выраженная в себестоимости, должна равняться соответствующему отраслевому нормативу $r^j = \frac{\bar{\lambda}}{\alpha^j}$. В этом случае, как легко заметить, единым норматив сравнительной эффективности может быть только, если α^j равны между собой. Это накладывает соответствующее требование на цены: для существования единого себестоимостного норматива эффективности необходимо и достаточно существование цен, обеспечивающих пропорциональность себестоимостей продуктов полным затратам труда на их производство. Принимая во внимание различия в органическом строении отраслей, нетрудно убедиться, что ни стоимостные цены, ни цены производства указанному требованию не отвечают и, следовательно, не обеспечивают

равенства отраслевых нормативов.

Следует заметить, что рассмотренная здесь модель является довольно грубым приближением к действительности. Достаточно сказать, что она статична, что в ней предполагается зависимость затрат в данной отрасли только от вложений в эту же отрасль, что все варианты вложений в одну и ту же отрасль тождественны по результатам и отличаются только по затратам. В реальной действительности вложения часто отличаются и по затратам, и по результатам, что заставляет для выбора наиболее эффективного варианта прибегать к расчету общей (абсолютной) эффективности. Расчет общей эффективности необходим также для определения всей подлежащей распределению по отраслям суммы капитальных вложений, для определения эффективности основных фондов.

Использование коэффициента сравнительной эффективности $\bar{\lambda}$ в качестве инструмента приведения разновременных затрат к одному периоду времени тоже может допускаться лишь в качестве первого приближения. Последний рубль вложений сегодня равен $1 + \bar{\lambda}$ рублям завтра, это верно, но в среднем рубль сегодня означает больше, чем $1 + \bar{\lambda}$ рублей завтра, поскольку общая эффективность всегда превышает дополнительную.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на свою неполноту, приводимая здесь модель позволяет продемонстрировать тесную связь между ценами и нормативом сравнительной эффективности. От цен в значительной степени зависит решение вопроса о том, быть нормативу единым или дифференцированным по отраслям.

ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТРУДУ[1]

Каков механизм увязки закона распределения по труду и закона социалистического воспроизводства рабочей силы? Фонд распределения по труду имеет двойственный характер. Рассматриваемый со своей стоимостной стороны, он есть лишь определенное количество предметов потребления вообще, без указания па конкретный вид этих предметов. Рассматриваемый со своей натурально-вещественной стороны, фонд распределения по труду есть совокупность предметов потребления, удовлетворяющих самые разнообразные человеческие потребности. Структура этой совокупности и цены на предметы потребления устанавливаются с учетом требований закона социалистического воспроизводства рабочей силы.

Указывая лишь на долю работника в фонде распределения по труду и оставляя открытым вопрос о составе этой доли, закон распределения по труду оставляет тем самым простор для. действия других законов, и в первую очередь закона социалистического воспроизводства рабочей силы. Одно из главных преимуществ социализма, в том, что в силу его закона воспроизводства рабочей силы подрастающее поколение, независимо от того, в семьях с каким доходом оно развивается, получает близкие условия не только в отношении обеспеченности жильем и медицинским обслуживанием, но и самыми необходимыми предметами потребления. Различия же в доходах семей находят свое выражение прежде всего в различной обеспеченности предметами не самой первой и не первой необходимости. Это достигается за счет того, что цены на предметы первой необходимости устанавливаются таким образом, чтобы сделать их доступными для всего населения, даже если по некоторым из них спрос и превысит предложение. Установление цен на предметы потребления в соответствии с требованиями закона социалистического воспроизводства рабочей силы обеспечивает увязку этого закона с законом распределения по труду.

---

[1] М. В. Попов. Социально-экономические проблемы рабочей силы при социализме (тезисы докладов). Изд. Ленинградского университета. 1972 г. С. 158.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ХОЗРАСЧЕТ[1]

Практический опыт использования ЭВМ и математических методов в управлении экономикой пока ограничен. Но тем важнее изучение и оценка возможностей, которые открываются для совершенствования хозрасчета, и препятствий, которые мешают более широкому использованию этих возможностей.

Современный этап внедрения математических методов в экономику характеризуется переходом от применения математических методов и ЭВМ для решения частных производственных задач к созданию автоматизированных систем управления производством, базирующихся на комплексном использовании математических методов, ЭВМ и средств оргтехники.

По пятилетнему плану на 1971 –1975 гг. затраты на создание автоматизированной системы управления (АСУ) намечается увеличить настолько, чтобы обеспечить автоматизированное управление в основном на всех крупных предприятиях, на которые падает до 50% товарного выпуска страны.[2] В новой пятилетке предусматривается ввести в действие не менее 1600 автоматизированных систем управления.[3] На народнохозяйственном уровне ведется работа по созданию автоматизированной системы плановых расчетов. В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС подчеркивалось, что необходимо «быстрее создавать отраслевые автоматизированные системы управления, имея в виду, что в перспективе нам предстоит создать общегосударственную автоматизированную систему сбора и обработки информации».[4]

Автоматизированная система управления (АСУ) включает: одну или несколько ЭВМ, набор нормативно-справочных данных и программ для решения задач планирования и управления; соединенные с ЭВМ датчики информации, охватывающие все под-

---

[1] М. В. Попов, Д. Б. Эпштейн. Хозрасчет в современных условиях управления промышленностью. 1972 г.

[2] А. П. Мартиросов. Состояние работ по созданию АСУП. «Приборы и системы управления», 1969, № 7, стр. 55.

[3] См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 174.

[4] Там же, стр. 67—68.

лежащие контролю пункты производства; сеть устройств выдачи информации о состоянии производственного процесса и хода выполнения программы. Система осуществляет учет, обработку и выдачу информации о ходе производства, а также решение ряда задач планирования и управления.

Внедрение АСУ сказывается не только на повышении производительности труда работников, занятых управленческим трудом. Благодаря повышению уровня управления растет производительность труда всех работников, обеспечивается: 1) рост объема производства вследствие уменьшения неритмичности производства, более рационального использования оборудования; 2) экономия сырья, топлива, энергии; 3) уменьшение отходов производства и брака; 4) уменьшение непроизводительных затрат (пени, штрафы); 5) ускорение, оборачиваемости оборотных средств, повышение качества продукции и т. д.

Интересны данные опроса 288 крупных американских промышленных фирм, которые занимались внедрением у себя электронно-вычислительных машин. «На отдельные источники выгод указало следующее число фирм: сокращение всех видов издержек – 238; увеличение производительности труда управленческого персонала – 222, улучшение обслуживания заказчиков – 212; сокращение численности персонала – 204; увеличение объемов выпуска продукции –173; повышение конкурентоспособности –168; сокращение уровня запасов ресурсов –137; улучшение кассовых операций – 83; увеличение объемов сбыта – 62».[1]

Результаты внедрения АСУ не сводятся только к количественному сокращению затрат труда на составление документов, получение и обработку информации, расчет. Речь идет о качественно новом уровне управления, об изменении его структуры, о постановке таких управленческих задач, решение которых без АСУ невозможно.

Внедрение автоматизированных систем управления создает условия для дальнейшего совершенствования хозяйственного расчета и последовательного проведения его принципов. Надо исходить здесь из того, что хозяйственный расчет является фор-

---

[1] Г. Н. Андрианов, Г. Д. Бродский. Применение электронных вычислительных машин (ЭВМ) в управлении производством за рубежом. М., «Машиностроение», 1969, стр. 75.

мой хозяйствования в условиях, когда еще необходимо использовать личные материальные интересы для привлечения людей к труду. Он позволяет направить действие личных и коллективных материальных интересов на выполнение государственного плана, связав личные и коллективные материальные интересы с общественными. Следовательно, важнейшим требованием, выражающим предназначение, направленность хозрасчета, указывающим критерий его совершенства, является следующее требование – *хозяйственный расчет должен способствовать осуществлению централизованного планового руководства экономикой.* Посмотрим, что даст для реализации этого требования комплексное внедрение математических методов и ЭВМ.

Автоматизированная система плановых расчетов (АСПР), над созданием которой ведут работу Госплан СССР и ряд центральных научно-исследовательских учреждений, позволит рассчитывать не один вариант государственного плана, как это имеет место теперь, а несколько и выбирать из них наилучший. Это сделает план более совершенным. Чем совершеннее план, чем лучше в нем учтены возможности и особенности производств, тем меньше необходимость его корректировки, тем реже будет нарушаться заинтересованность предприятия в выполнении государственного плана его неожиданными изменениями. Наряду с этим усиление централизации в плановом управлении народным хозяйством как результат введения АСПР, уменьшив необходимость пересмотра планов, даст и новые гарантии оперативно хозяйственной самостоятельности предприятий.

В перспективе с помощью автоматизированной системы информации станет возможно ставить получателя в известность о намечающихся задержках в выполнении плана предприятием-поставщиком. Это позволит либо своевременно воздействовать на поставщика, либо изменять календарный график па предприятии-получателе.

Важным этапом планирования является составление техпромфинплана на предприятии. Облегчая, ускоряя, делая более точным учет и обработку информации о производственных мощностях, резервах рабочей силы, материальных запасах,

поставках материалов, полуфабрикатов и оборудования, АСУП позволяет и на предприятии составить не один, как теперь, а сразу несколько вариантов техпромфинплана, а затем выбрать из них оптимальный с точки зрения улучшения хозрасчетных показателей.

Внедрение АСУ на заводе «Фрезер» (Москва) позволило проводить вариантные расчеты в технико-экономическом планировании и планировании сбыта. Причем, если расчет производственной мощности цехов основного производства вручную ранее требовал 3 тыс. человеко-дней загрузки ИТР, то при использовании ЭВМ – только 72 человеко-дня.[1] На заводе им. 15-летия ЛКСМУ (Донецк) АСУП используется для расчета оптимальной перспективной программы.[2] Вычислительный центр завода проводит расчеты на максимизацию товарного выпуска, загрузки оборудования и прибыли от производства. Таким образом, уже на этапе составления плана выбирается вариант, обеспечивающий наиболее эффективное использование имеющихся резервов.

В период формирования государственного плана планы-предложения предприятий могут быть лучше обоснованы экономически благодаря более совершенному учету информации, условий и возможностей производства. Тем самым АСУП создает предпосылки для выполнения централизованных плановых заданий.

Как известно, АСУП включает организацию оперативно-календарного планирования (формирование технологического цикла, составление графиков запуска деталей в производство, обеспечения рабочих мест заготовками, материалами, инструментами и т. д.). Это позволяет, сократив простои, уменьшив затраты материалов, снизив внутризаводские транспортные расходы, поднять эффективность производства и создать условия для значительного роста производительности труда.

Контроль руководителей за выполнением плана становится более оперативным, поскольку АСУП дает возможность ежедневно информировать все службы предприятия о его выполне-

---

[1] О. В. Козлова. Проблемы автоматизации управления производством. В сб.: Оптимальное планирование и совершенствование управления народным хозяйством. М,, «Наука», 1969, стр. 267.

[2] В. Шевченко и др. Автоматизированная система управления на машиностроительном заводе. М., «Экономика», 1969, стр. 46.

нии по заводу в целом за каждый день и с начала месяца по изготовлению продукции, сдаче ее на склад, отгрузке, остатках на складе и реализации важнейших изделий, за несколько дней предвидеть возможные «кризисы» и предупреждать их. Следить за ходом выполнения плана получают возможность и рабочие, которым сообщается имеющийся задел или отставание. В наиболее ответственных пунктах (конвейер, сборка, некоторые участки механических цехов) устанавливаются специальные табло, отражающие ход выполнения графика.

Можно, следовательно, успеть своевременно принять меры, когда отставание еще только намечается. В случае же, когда по объективным причинам заданный график выдержать не удается, АСУП позволяет быстро пересчитать его на ЭВМ, приняв во внимание изменение обстоятельств.

Характерен опыт Львовского телевизионного завода. До введения АСУП поддерживать ритмичность производства на нем можно было либо за счет резерва мощностей, либо за счет увеличения численности ИТР. Но срывы полностью все равно не исключались, а ведь минута простоя обходится заводу в 500 руб. Теперь же с внедрением АСУП «Львов» ритмичность производства резко повысилась. «Кризисы», которые могли бы образоваться вследствие попадания какой-то партии деталей в брак, машина «предвидит», производит соответствующий перерасчет очередности запуска деталей в производство, изменяет величины очередных сменных заданий. В результате «кризисы» предупреждаются.[1]

Затраты на АСУП «Львов» составили 1 млн. 300 тыс. руб. Благодаря ее использованию в календарном планировании и управлении повысилась ритмичность. Это уже дало экономию свыше 500 тыс. руб. Автоматизированное решение задач материально-технического снабжения уменьшило норматив оборотных средств на 357 тыс. руб. Только за 1968 г. благодаря АСУП было сэкономлено 464,3 тыс. руб.[2]

В функции АСУП может входить решение задач по техниче-

---

[1] А. Земсков, В. Бегитев. Автоматизированная система управления производством на Львовском телевизионном заводе. «Экономическая газета», 1969, № 18.

[2] Там же.

ской подготовке производства. Так, унификация деталей основного производства на московском заводе «Красный Октябрь», проведенная с помощью ЭВМ, дала экономический эффект в 410 тыс. руб. Номенклатура деталей сократилась на 300 наименований, количество конструктивных элементов сократилось с 600 до 100 видов, номенклатура применяемых материалов уменьшилась на 40%. [1] Отметим также, что оперативно-календарное планирование с помощью ЭВМ с выдачей на каждое рабочее место сменно-суточных заданий способствовало увеличению производительности труда рабочих до 25%, производственный цикл сократился на 18 – 20%.[2] На ленинградском заводе «Северный пресс» механизация и автоматизация управления дали возможность сократить сроки технологической подготовки производства в 4 – 5 раз. На 3 – 4 месяца сократился производственный цикл.[3]

АСУП повышает действенность экономических рычагов выполнения плана. Регулярно информируя всех работников о результатах деятельности предприятия в целом, о выполнении предприятием плана, АСУП способствует более полному проведению *принципа материальной заинтересованности* коллектива в общих результатах работы предприятия. Заметим, что ЭВМ могут выдать информацию о том, какова сумма поощрения при выполнении этого плана, при том или ином возможном уровне рентабельности, при том или ином приросте прибыли. Немало способствует усилению материальной заинтересованности в ритмичной работе информирование каждого работника о сумме заработной платы, которая причитается ему за дни, отработанные с начала месяца и за последний рабочий день. С созданием АСУП можно вообще отказаться от выплаты авансов и выплачивать уже за первую половину месяца подсчитанную ЭВМ заработную плату.

Информационно-безнарядная система, обеспечивающая ежедневную информацию рабочих о заработке, внедрена на Московском радиозаводе. Ликвидация нарядов при обеспечении работ-

---

[1] О. В. Козлова. Проблемы автоматизации управления производством, стр. 267.
[2] Там же.
[3] А. Терещенко. ЭВМ помогают и требуют. «Ленинградская правда», 1970, 12 марта.

ников производственными заданиями позволяет избежать 5–6 млн. оформительских подписей, многократно повысить достоверность расчетов. Годовой экономический эффект от внедрения безнарядной системы только по одному цеху точной механики и оптики составил 81,5 тыс. руб.[1]

АСУП создает лучшие условия для проведения внутризаводского хозрасчета, для доведения его до каждого рабочего места. Для решения такой задачи без АСУП потребовалось бы многократное увеличение числа бухгалтерских работников. В частности, с внедрением АСУП оперативные задания каждому работающему на изготовление изделий могут даваться с указанием премии «при перевыполнении планового задания (особенно на «узких» рабочих местах)» [2] В системе внутризаводского хозрасчета может рассчитываться величина поощрений цехам в соответствии с достигнутой величиной хозрасчетных показателей. Открывается возможность использовать более сложные показатели, от которых ранее приходилось отказываться ввиду вычислительных трудностей.

Уже первые опыты внедрения АСУ свидетельствуют о дополнительных возможностях укрепления хозрасчетных отношений между предприятиями. Более совершенное управление предприятием увеличивает вероятность точного, своевременного выполнения хозяйственных договоров. Оперативный учет потерь в случае срыва поставки облегчает проведение *принципа материальной ответственности.* Не могут не сказаться положительно на организации хозрасчетных отношений между предприятиями и лучшая обоснованность, сбалансированность плановых заданий.

Отметим попутно, что АСУ являются еще одним «за» в вопросе о переходе к крупным производственным объединениям. Ведь они дают возможность организовать управление десятками предприятий из единого центра и обеспечить их слаженную работу. На мелких же предприятиях организация АСУ менее рентабельна.

С введением АСУП облегчается проведение *принципа мате-*

---

[1] Межвузовская научная конференция по проблемам внедрения электронной вычислительной техники и управления производством (тезисы докл.). М., Ротапринт, 1969, стр. 7.

[2] Там же, стр. 100.

риальной ответственности на предприятии. Ведь ежедневно могут подаваться сведения как о работе цехов, фактическом выпуске продукции за день и с начала месяца, так и сведения об отставании «в сутко-позициях по системе непрерывного оперативно-производственного планирования, сведения о причинах отставания, простоя и отсутствия сдачи на склад с указанием конкретных позиций и конкретных виновников».[1]

Внедрение АСУП, повышая эффективность производства, позволяет удовлетворить требованиям еще одного принципа хозрасчета – *принципа рентабельности.* Осуществление этого принципа зависит также от системы цен. Совершенствование системы цен в свою очередь – от качества и полноты экономической информации. Следовательно, автоматизированные системы управления способствуют более полному проведению принципа рентабельности.

Те богатые возможности повышения эффективности производства и совершенствования хозрасчета, которые открываются с введением АСУ, требуют форсирования работ по внедрению автоматизированных систем управления. Поэтому принятие решения о том, что при проектировании каждого нового промышленного предприятия в обязательном порядке будет решаться вопрос о целесообразности применения на нем АСУ[2], следует считать фактом чрезвычайной важности. Однако современное состояние дел по внедрению АСУ не дает повода для самоуспокоенности. Количество уже действующих систем в сравнении с потребностями нашего народного хозяйства в АСУ невелико.

В связи с задачей массового внедрения АСУП встают три группы проблем: технико-экономические, организационные и научные.

К первой группе проблем прежде всего необходимо отнести нехватку счетно-вычислительных (в том числе и ЭВ) машин. Потребность предприятий и организаций цветной металлургии в счетно-вычислительных машинах удовлетворяется, например, на

---

[1] Там же, стр. 7.

[2] Временная инструкция по разработке проектов и смет промышленного строительства. Госстрой СССР. М., Стройиздат, 1970.

20–25%.[1] Если недостаток ЭВМ частично можно возместить созданием кустовых вычислительных центров, обслуживающих несколько предприятий, то подобным образом не решить другой проблемы – проблемы повышения быстродействия и надежности ЭВМ.

Далее следует отметить отсутствие необходимого количества высококачественного периферийного оборудования. Применение устаревшего снижает оперативность информирования, уменьшает эффективность управленческого труда. Недостаток средств визуального отображения информации (табло, стенды) не позволяет полностью использовать все возможности АСУП в организации материального стимулирования интенсивной, ритмичной работы. Своеобразие производственных процессов на каждом предприятии затрудняет создание типовых проектов АСУП, пригодных для больших групп предприятий. Отсюда – высокий уровень затрат на разработку и проектирование АСУП. Для сокращения этих затрат необходимо, по-видимому, идти по пути создания унифицированных элементов, блоков, подсистем, из которых затем может быть составлен весь комплекс автоматизированной системы управления для того или иного предприятия. По этому пути пошли, например, в Тбилисском научно-исследовательском институте приборостроения и средств автоматизации.[2] Однако широкое распространение их опыта упирается в решение ряда организационных проблем.

Прежде всего следует отметить слабую централизацию и координацию работ по созданию АСУП, в результате чего подчас наблюдается необоснованный выбор внедряющих АСУП промышленных предприятий, большой параллелизм в работе различных институтов и ведомств, затраты средств в одних институтах на разработку того, что уже сделано в других, отсутствие плановых методик. По мнению ряда авторитетных организаций назрела необходимость в создании центрального координационно-методического органа и выделении плана внедрения вычислительной техники и создания АСУ в самостоятельный раздел го-

---

[1] П. Ф. Ломако. Концентрация производства и совершенствование структуры управления. «Экономическая газета», 1970, № 18.

[2] Г. Лебанидзе. Рождение электронного управляющего. «Правда», 1970, 20 января.

сударственного плана.[1] Надо организовать систему контроля за выполнением плана внедрения АСУ.[2] В числе организационных проблем следует указать на острый дефицит в кадрах, необходимых для выполнения заданий партии и правительства по внедрению АСУ. Например, по Литовской ССР потребность в специалистах на 1971^–1975 гг. составит 6–9 тыс. человек, а планируемый Госпланом Литовской ССР выпуск составляет 1885 человек.[3] При проектировании и внедрении АСУ приходится преодолевать так называемый «психологический барьер». Поэтому с принципами работы АСУП необходимо знакомить руководящих работников всех крупных предприятий, а не только тех, где уже идет разработка и внедрение АСУП. По-видимому, чтение соответствующих курсов следует ввести и в технических вузах.

Ко второй группе проблем, к организационным недостаткам относится плохое использование имеющихся ЭВМ. Подчас значительную долю времени машина простаивает, а работая, решает задачи, связанные только со всякого рода бухгалтерскими расчетами. Этот режим «большого арифмометра» – недопустимое разбазаривание средств.

Предприятия, не имеющие своих ЭВМ и АСУП, могли бы с помощью кустовых вычислительных центров решать те или иные задачи на оптимизацию (например, задачу распределения годовой программы по месяцам или декадам). Это, помимо непосредственного эффекта, способствовало бы подготовке к введению АСУП и более полной загрузке ЭВМ. Однако такая практика еще редкость. Сказывается отсутствие централизации во внедрении и использовании вычислительной техники.

К третьей группе вопросов, которые необходимо решать на стадии широкого распространения автоматизированных систем управления, относятся научные проблемы. Необходимо в цен-

---

[1] Материалы I научно-технической конференции ЦНИИТУ. Опыт разработки и внедрения автоматизированных систем управления. Минск. Ротапринт, 1969, стр. 5.

[2] «Необходимо, чтобы министерства и ведомства по-настоящему возглавили и организовали разработку и внедрение автоматизированных систем управления предприятиями, объединениями и отраслями». — Выступление первого секретаря Башкирского Обкома КПСС М. 3. Шакирова на XXIV съезде КПСС. «Правда», 1971, 6 апреля.

[3] В. Паура. Проблемы подготовки кадров по вычислительной технике в Литовской ССР. Материалы научно-технической конференции. Автоматизированные системы управления организациями и предприятиями (дискретного типа). Вильнюс, «Минтис», 1968, стр. 150.

трализованном порядке развернуть работу по созданию типовых моделей производства и методов решения к ним. Уже имеющиеся и вновь созданные модели должны быть доступны всем организациям, разрабатывающим АСУП. Важным является также исследование влияния различных подсистем АСУП на производственную деятельность людей. Различные стенды, табло и т. д., указывающие план на день, количество изготовленных деталей, запаздывание, опережение, процент брака, а. возможно, и заработную плату за день, могли бы стать действенным звеном в системе материального стимулирования ритмичности производства и повышения производительности труда. Однако мы не имеем рекомендаций по составу информации на этих табло, по установке их. Этим, в частности, объясняется недостаточное внимание к таким вопросам со стороны проектирующих АСУП организаций. В целом теория обоснования, разработки и внедрения АСУ пока не удовлетворяет потребностям практики.

В заключение отметим, что главная, на наш взгляд, задача, которую необходимо решать немедленно, – это координирование и планомерное распределение усилий всех организаций, разрабатывающих и внедряющих АСУП, централизованный контроль за ходом важной работы по автоматизации управления предприятиями. Анализ практического опыта работы АСУ и их еще не полностью реализованных возможностей показывает, что внедрение АСУ будет способствовать более полному осуществлению принципов хозяйственного расчета.

КОЛЛЕКТИВ И СОЧЕТАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ[1]

В предыдущей статье, посвященной производственному коллективу (№ 42 еженедельника) показано, что он занимает особое место в системе экономических отношений социализма, выступая необходимым связующим звеном между обществом и отдельным работником. Такое положение коллектива предприятия определяет специфику его экономических интересов и характер их взаимодействия с интересами общества и работника. Дело в том, что экономические отношения проявляются прежде всего как интересы.

Вопрос о содержании и взаимосвязи экономических интересов в социалистическом обществе относится к числу наиболее важных проблем экономической науки и хозяйственной практики.

ОБЩЕНАРОДНЫЕ, КОЛЛЕКТИВНЫЕ, ЛИЧНЫЕ

В общественной жизни действуют многообразные и весьма различные по своему содержанию интересы. Ведущими и определяющими среди них являются экономические интересы, которые носят объективный характер. Они связаны с общественными потребностями, обусловлены положением людей в системе производственных отношений и выступают в качестве критерия того, какие экономические действия и в какой мере полезны либо наносят ущерб отдельным лицам, их коллективам, социальным группам, обществу.

Общенародная социалистическая собственность на средства производства определяет единство экономического положения всех членов общества в самом основном, главном — по их отношению к общенародному достоянию. Это обусловливает общность их коренных интересов, представляющих собой общенародные экономические интересы. В то же время каждому труженику социалистического общества присущи и свои, личные интересы, отражающие разнообразие индивидуальных

[1] Н. Моисеенко. А. Маркин, М. Попов. Еженедельник «Экономическая газета». №50, декабрь 1972 г.

потребностей. Однако связь между личными и общественными интересами не выступает непосредственно. Она опосредствуется через интересы трудового, производственного коллектива.

Таким образом, необходимо различать общенародные, коллективные и‘ личные экономические интересы.

С уничтожением частной собственности на средства производства и классовых антагонизмов впервые в истории возникает такая система экономических интересов, где на первый план выступает их единство. Эта решающая черта экономических интересов при социализме обусловлена общенародной собственностью на средства производства, которая не разъединяет, а объединяет людей в масштабе всего народного хозяйства. На этой основе обеспечивается объединение всех работников, трудовых коллективов в единое целое, в социальный организм, развивающийся по общему плану и в интересах всех членов социалистического общества.

Общенародная собственность на средства производства, отношения коллективизма, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи свободных от эксплуатации работников создают объективные условия для гармонического сочетания общенародных, коллективных и личных экономических интересов. Это не означает отсутствия противоречий между разными интересами. Такие противоречия, конечно, существуют, поскольку носители различных интересов занимают неодинаковое место в системе производственных отношений, отличаются друг от друга как общее (общество), особенное (производственный коллектив) и единичное (отдельный работник). Однако указанные противоречия носят неантагонистический характер. Из самой их природы поэтому вытекает необходимость и возможность гармоничного сочетания.

Единство экономических интересов при социализме не складывается самотеком. Только в результате планомерного руководства экономикой общество может обеспечить наиболее эффективную реализацию всей системы экономических интересов.

Важную роль здесь приобретает правильное сочетание директивных заданий центральных органов с использованием

экономических рычагов воздействия на производство. Тем самым создаются более благоприятные условия для глубокого осознания каждым тружеником всей совокупности экономических интересов, зависимости его личных интересов от коллективных и общенародных. Это расширяет экономический кругозор работников, вырабатывает у них государственный подход к делу, способствуя решению исторической задачи, поставленной В. И. Лениным, — добиваться, чтобы каждый сознательный трудящийся «чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны» (т. 36, стр. 369).

ЕДИНСТВО ИНТЕРЕСОВ

Экономическое положение членов производственного коллектива имеет ряд специфических черт, обусловленных характером функционирования предприятия как особого звена в системе общественного производства. Это лежит в основе существования коллективных интересов работников предприятия. Дело в том, что возможности удовлетворения их материальных и духовных потребностей в значительной мере зависят от качества работы предприятия — степени напряженности его плана, конкретных результатов производственной и снабженческо-сбытовой деятельности. Эти результаты влияют на величину оплаты труда работников, определяют размер фондов экономического стимулирования, которые могут быть израсходованы на удовлетворение их социально-культурных нужд, улучшение жилищного положения, условий труда и быта. Особенно рельефно это проявляется при новой системе планирования и экономического стимулирования. Ленинградское оптико-механическое объединение, например, в течение минувшей пятилетки значительно увеличило объем реализованной продукции, в три раза – прибыль, производительность труда возросла более чем в полтора раза. Это позволило и более полно удовлетворить интересы коллектива. В объединении значительно выросла заработная плата, ликвидирован тяжелый труд, решена проблема детских дошкольных учреждений; вошли в строй новая поликлиника и

больница, создана база отдыха на Карельском перешейке и начато строительство пансионата в Сочи на 500 мест.

Сумма использованных фондов экономического стимулирования предприятий и хозяйственных организаций возросла с 2,6 млрд, рублей в 1965 г. до 17,3 млрд. руб. в 1971 г.

Основное, коренное содержание интересов коллектива и отдельных его работников выражено общенародными интересами. Коллективам предприятий объективно необходимо руководствоваться в своей хозяйственной деятельности интересами общества, поскольку это ведет к более быстрому развитию общественного производства, повышению реальной заработной платы рабочих и служащих в народном хозяйстве, а следовательно, и оплаты труда работников данного коллектива. Ускорение темпов роста производства, повышение его экономической эффективности обеспечивают также более быстрый рост общественных фондов потребления и более быстрое улучшение условий труда.

Естественно, что осознание коренных экономических интересов — процесс более сложный и трудный, чем уяснение работником его личных и коллективных интересов. Поэтому наряду с экономическим образованием трудящихся, что помогает им правильно понять определяющую роль интересов общества в системе экономических интересов, социалистическое государство непосредственно воздействует на личные и коллективные интересы работников мерами материального стимулирования, которое является, таким образом, одним из необходимых инструментов экономической политики социалистического государства.

XXIV съезд КПСС определил в числе основных направлений использования материальной заинтересованности коллективов предприятий стимулирование борьбы за разработку напряженных планов, повышение эффективности производства, лучшую организацию труда, комплексную механизацию и автоматизацию производства, за облегчение и оздоровление условий труда.

Огромное значение имеет и улучшение организации социалистического соревнования. Последнее является не только могучим средством подъема производства. Оно играет и большую

воспитательную роль, ибо формирует у его участников привычку сочетать свои личные интересы с интересами производственного коллектива и общества в целом, отдавая приоритет общенародным интересам.

Коллективные интересы работников предприятия дают о себе знать во всех отношениях производственного коллектива с отдельными работниками, государством и другими предприятиями. При этом возможно проявление противоречий между коллективными, личными и общенародными экономическими интересами. Это происходит, когда отдельные работники начинают противопоставлять свои неправильно понятые интересы интересам производственного коллектива и действовать ему в ущерб или же когда руководители предприятий, заботясь об увеличении прибыли, стремятся обеспечивать ее такими методами, которые не соответствуют общенародным интересам и обществу невыгодны. Нередки случаи, когда в противоречие вступают экономические интересы коллективов предприятия-потребителя и предприятия-поставщика, что обусловливает необходимость повышения роли хозяйственных договоров и совершенствования цен, учитывающих интересы производителя и потребителя реализуемой продукции.

Общность всех экономических интересов составляет прочную основу для разрешения противоречий между ними.

РОЛЬ ПЛАНА И СТИМУЛОВ

Единство интересов работника, производственного коллектива и общества, необходимость и возможность подчинения коллективных и личных интересов общенародным обусловлены социалистической организацией общественного производства. Планомерный характер развития социалистической экономики, хозяйственный расчет дают полную возможность успешно разрешать имеющиеся и своевременно предупреждать обострение возникающих противоречий путем правильного сочетания всех экономических интересов. Ведущая роль в обеспечении такого сочетания принадлежит социалистическому

государству, которое направляет деятельность всех звеньев общественного производства в общенародных интересах. Это достигается с помощью централизованно утверждаемых планов предприятий, системой критериев и показателей оценки их деятельности, разработанных на основе решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, регулированием системы материально-технического обеспечения работы производственных коллективов.

Значение правильного выбора критериев и показателей оценки деятельности производственных коллективов состоит в том, что они относятся к числу важнейших экономических рычагов, служат ориентирами, направляющими работу предприятий, способствуют правильному сочетанию интересов производственных коллективов с интересами общества. Здесь прежде всего следует отметить такие показатели, как объем реализованной продукции, прибыль, рентабельность и рост производительности труда, а в колхозах — размер валового дохода.

Научно-технический прогресс предъявляет новые требования к оценке хозяйственной деятельности: повышается роль качественных показателей (выпуск более совершенной продукции, рост технического уровня производства). Важно поэтому определить, каким образом, используя разнообразные экономические рычаги (цены, кредит, экономические санкции), государство может создать такие экономические условия для работы предприятий, которые поставят удовлетворение экономических интересов производственных коллективов в максимальную зависимость от того, насколько их деятельность соответствует общегосударственным интересам.

Огромное значение в деле повышения эффективности социалистического производства имеет правильное сочетание личных интересов каждого работника с интересами всего коллектива предприятия. Без этого не может эффективно функционировать вся система экономических интересов общества. Основным средством реализации экономических интересов работников является заработная плата. Отсюда необходимость совершенствования ее форм и систем, внедрения

технически обоснованных норм и решения других связанных с этим проблем.

Совершенствование методов управления и экономического стимулирования — процесс непрерывный. Главное — своевременно учитывать новые тенденции развития экономики и социальные условия развития производственных коллективов. Это позволит еще лучше использовать экономические интересы коллектива в осуществлении задач, поставленных XXIV съездом КПСС.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХ КАК ОРУДИЕ АПОЛОГЕТИКИ[1]

Математика находит все более широкое применение в экономической науке. Математические методы исследования сами по себе лишены какого-либо классового содержания. Их классовая направленность определяется природой экономической теории, в рамках которой они используются. Принципиальное различие в использовании математики и соответствующего набора математических средств марксистской и буржуазной политической экономией обусловлено противоположностью интересов рабочего класса и буржуазии.

В марксистской политической экономии, базирующейся на диалектическом и историческом материализме, математика используется для исследования объективных процессов развития общественного производства в целях решения специфических задач социализма — наиболее полного удовлетворения потребностей трудящихся масс. Одной из главных задач марксистской политэкономии является выяснение социальной сущности экономических категорий.

Такого рода задача не решается и не может решаться буржуазной экономической теорией, что предопределено ее методологическими основами и классовым назначением. Представители буржуазной математической школы, в соответствии с традиционными для апологетики капитализма субъективистскими позициями, создают модели, отражающие лишь внешние проявления рыночного механизма.

В буржуазной политической экономии математика служит не столько исследованию экономической действительности, сколько ее затушевыванию, искажению, извращению; в то же время экономико-математический анализ стремятся использовать и для решения определенных практических задач организации капиталистического хозяйствования с целью извлечения возможно более высоких прибылей. Буржуазные идеологи пытаются при помощи математического оформления выдать

---

[1] М. Попов. Журнал «Экономические науки». №5. 1973 г. С. 103.

старые, отживающие свой век буржуазные теории за нечто новое и прогрессивное. Важной задачей марксистской критики буржуазной идеологии является выяснение идейных истоков и истинного содержания «новых» теорий, разъяснение классового смысла тех предложений и выводов, которые делаются на основании применения математических методов.

Если старые буржуазные теории были открыто апологетическими и основывались на безудержном восхвалении капитализма, то в условиях государственно-монополистического капитализма на первый план выступили более завуалированные апологетические концепции, которые, не отрицая прямо некоторых противоречий капиталистического строя, предлагают средства для продления его существования. Для того чтобы создать видимость «объективности», буржуазные экономисты, вырабатывая те или иные рекомендации, вынуждены признать ряд очевидных пороков капитализма. Поэтому буржуазным теориям государственного регулирования экономики во многих случаях свойствен некий «критический» налет. Так, еще Кейнс был вынужден признать, что стихийный рыночный механизм не обеспечивает соответствия спроса и предложения, что подтверждает (почти через 100 лет после выхода «Капитала») ненаучность теории Ж. Б. Сэя.

Кейнсианство появилось на свет как экономическое течение, использующее математику. Появление этой нового типа апологетики отнюдь не означало, что буржуазия отказывается от апологетики прямой, апологетики старого типа. Следует в этой связи, в частности, отметить, что П. Самуэльсоном была предпринята попытка, воспользовавшись общей математической формой, сплавить в единый конгломерат переложенные на язык математики старые вульгарные теории и теории государственного регулирования. Возникла теория «неоклассического» синтеза, играющая определенную роль в современной буржуазной политической экономии.

Математика в буржуазной политической экономии используется в двух формах: либо в форме математического выражения отдельной количественной зависимости, либо в форме создания экономико-математической модели, т. е.

математической конструкции, призванной изобразить то или иное экономическое явление в его существенных чертах. Поскольку экономическая действительность неисчерпаема и всякое явление содержит бесчисленное множество сторон и связей, постольку от того, какие стороны и связи будут названы существенными и, будучи выражены в математической форме, войдут в модель, зависит, будет ли она верно отображать или искажать явление. Известно, что в каждом явлении можно найти стороны, противоположные скрытой за ним сущности. Отсюда и модель этого явления может оказаться прямым его извращением.

В качестве характерного примера здесь можно привести модель конкурентного равновесия Эрроу-Дебре [1]. Среди параметров модели Эрроу-Дебре нет таких, которые хотя бы напоминали о создателях всего богатства капиталистического мира, о капиталистической эксплуатации как основе капиталистического строя. Модель Эрроу-Дебре — типичная буржуазная модель, задача которой состоит в том, чтобы изобразить капитализм в качестве некой рыночной идиллии. «Доказывается», что, хотя каждый из агентов обмена в этой модели преследует свои собственные цели и заботится лишь о своей выгоде, возможно установить состояние равновесия, от которого никому не будет выгодно отклоняться. На примере этой модели ярко выявляется уход буржуазных экономистов от изучения и выражения капиталистической действительности.

Так, теорема о существовании точки равновесия доказана для модели, а не для экономики капитализма, а между тем буржуазные экономисты вывод из этой теоремы безосновательно переносят на капиталистическую экономику в целом. Для таких выводов авторы этой модели должны были бы доказать, во-первых, что данная модель схватывает суть капиталистической экономики и, во-вторых, что вывод, полученный для модели, можно отнести к реальной действительности, т. е. что данная модель таким свойством обладает. Но не доказывается ни то, ни другое, не предпринимается даже каких-либо попыток в этом направлении. Вместе с тем ясно, что ряд свойств, которые

---

[1] См., например: С. Карлин. Математические методы в теории игр, программировании и экономике. М., «Мир», 1969, пп. 8.8 и 9.2.

предполагаются в модели (непрерывность, выпуклость), отнюдь не всегда и не везде выполняются. Подобное моделирование на деле оказывается просто обманом, ширмой, прикрывающей язвы капиталистического строя. Любопытно, что даже если абстрагироваться от действительности и ограничиться моделью, то и в этом случае она не может дать желаемых результатов. Дело в том, что равновесие в этой модели есть равновесие «по Нэшу», то есть такое, когда от точки равновесия невыгодно отклоняться лишь каждому игроку в отдельности, но нет никаких гарантий, что в случае отклонений от точки равновесия двух или более игроков им будет выгодно к ней вернуться.

Применение математики в политической экономии дает марксистам новое и очень острое наступательное оружие для критики буржуазных экономических теорий. Перевод некоторых положений последних на строгий и четкий язык математики облегчает нахождение внутренних противоречий и алогичностей, выяснение апологетической сущности критикуемых теорий. Ниже делается попытка показать справедливость этого утверждения.

Острую апологетическую направленность имеет, как известно, возникшая в конце XIX в. теория предельной полезности. Характерно, что предпринятые буржуазной политической экономией попытки математического оформления этой теории быстро привели к отказу от некоторых весьма серьезных ее притязаний. Если Джевонс, который наряду с Вальрасом считается основателем математической школы буржуазной политической экономии, еще дает причинное истолкование выведенному им равенству предельных полезностей и цен[1], то в настоящее время применение математики сделало настолько очевидным полное отсутствие оснований для такого истолкования, что буржуазные экономисты более не претендуют на выяснение причинной зависимости между предельными полезностями и ценами и ограничиваются лишь функциональной. Однако злоключения теории предельной полезности, связанные с разработкой математического аппарата для выражения ее идей, на

[1] См.: W. S. Jevons. The theory of Political economy. London, 1924.

этом не кончаются. Воспользовавшись этим аппаратом, легко показать, что при тех предпосылках, которые делаются в буржуазной политической экономии, можно обнаружить причинную зависимость, противоположную той, которую выдвигали столпы теории предельной полезности: не предельные полезности определяют цены, а цены определяют предельные полезности и поведение потребителя, следовательно, именно социальными факторами определяется действие индивидуума на рынке, а не наоборот.

Чтобы убедиться в вышесказанном, рассмотрим модель индивидуального поведения потребителя, выдвинутую представителями математической школы.

Предположим, что U — функция полезности, заданная на множестве наборов предметов потребления $(x_{1,}\, x_2, \dots, x_n)$, изображающая предпочтение потребителя на этом множестве; x_i изображает количество i-го продукта в потребительском наборе. M — доход потребителя, а $p_{1,}\, p_2, \dots, p_n$ — цены продуктов. Предполагаем, что потребитель стремится выбрать самый благоприятный для него набор; математически это выражается тем, что потребитель стремится к получению набора, максимизирующего его функцию полезности на множестве всех тех продуктов, которые могут быть приобретены на сумму M. Задача, которая стоит перед потребителем, запишется тогда так: найти $\max U\left(x_{1,}\, x_2, \dots, x_n\right)$ при $(p_1x_1 + p_2x_2 + \cdots p_nx_n) = M$. С помощью метода множителей Лагранжа получим, что для выбранного потребителем вектора $(x^*_1, x^*_2, \dots, x^*_n)$, максимизирующего его функцию полезности при данном доходе, справедливы следующие соотношения:

$$\frac{\partial U}{\partial x_i}(x^*_1, x^*_2, \dots, x^*_n) = \lambda^* \rho_{i,} \quad i = 1, \dots, n,$$

где $\frac{\partial U}{\partial x_i}$ изображает предельную полезность i-го продукта.

Как видим, в этой модели цены пропорциональны предельным полезностям. Действительно

$$\frac{\frac{\partial U}{\partial x_i}(x^*_1, x^*_2, \ldots, x^*_n)}{\frac{\partial U}{\partial x_j}(x^*_1, x^*_2, \ldots, x^*_n)} = \frac{\lambda p_i}{\lambda p_j} = \frac{p_i}{p_j}.$$

Но какой же вывод (и прежде всего математический) отсюда следует? Доказано, что в данной модели любые заранее взятые цены всегда окажутся пропорциональными предельным полезностям. Стало быть, если взять цены на основе стоимости — они будут пропорциональны предельным полезностям, если взять цены производства — тоже, если взять любые другие — результат не изменится. А из этого следует важный вывод: потребитель будет всякий раз выбирать новый набор $(\tilde{x}^*_1, \tilde{x}^*_2, \ldots, \tilde{x}^*_n)$, и за счет выбора другого набора значения предельных полезностей на новом наборе окажутся пропорциональными установленным ценам. Следовательно, цены управляют потребителем, а не потребитель — ценами. Если последние постоянно стоят на уровне стоимости и изменяются только вместе с ней, то для потребителя, который стремится максимизировать свою функцию полезности, предельные полезности для выбранного им набора благ будут постоянно пропорциональны стоимости. Вставив под равенство словечко «определяют», субъективная школа не только сделала экономическую и философскую ошибку, отказавшись признать примат производства, но и выдала равенство за причинное отношение. В действительности, как научно доказано К. Марксом, центр тяготения цен, их закономерная основа есть выражение определенных производственных отношений, и определяется эта основа производством.

Рассмотрим теперь другой пример использования математики для критики буржуазных теорий. Как известно, в США широкое распространение получила теория Д. Б. Кларка, «доказывающая», в частности, справедливость капиталистического распределения. Теория распределения Кларка [1] послужила идейной основой современных неоклассических теорий распределения дохода. Запись основных положений этой теории в математическом виде помогает показать ее несостоятельность и апологетический характер, а наряду с этим и несостоятельность тех теорий, идейным источником которых она служит.

---

[1] См.: J. B. C1ark. The distribution of wealth. New York, 1924.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы найти в рассуждении Кларка какую-либо математическую ошибку. Порочность его рассуждений — в неверном истолковании функциональной зависимости, в попытке, исходя только из её наличия, сделать вывод о том, какой фактор создает стоимость и сколько он создает стоимости. На несостоятельность этой попытки указывают и некоторые буржуазные экономисты. Функциональная зависимость в данном случае показывает лишь то, что определенному приросту какого-то фактора при фиксированной величине другого соответствует вполне определенный прирост выпуска, и наоборот. Вопрос же о том, какой фактор и сколько создает стоимости, лежит совсем в иной плоскости, и его решение нельзя вывести из указанной функциональной зависимости. Для решения этого вопроса недостаточно знать и то, прирост какого фактора в том или ином случае послужит причиной известного прироста выпуска. Решение этого вопроса требует глубокого экономического исследования, которое и было проведено К. Марксом.

Итак, пусть $Y = f\ (K, L)$ есть производственная функция, однородная, первой степени, Y — национальный доход, K — капитал, L — труд. В теории распределения дохода, выдвинутой Кларком, распределение считается справедливым тогда, когда на каждый фактор придется вся созданная им стоимость[1]. Как узнать, какую стоимость создал данный фактор? Надо зафиксировать, утверждается в рассматриваемой теории, количественное значение другого фактора и изменить на бесконечно малую величину количественное значение первого. Увеличение национального дохода будет тогда обязано только увеличению первого фактора и покажет, как считает Кларк, сколько стоимости создано этим фактором. Тогда отношение прироста стоимости к вызвавшему этот прирост количественному значению фактора покажет, сколько стоимости создается одной единицей данного фактора. Капиталисты должны получить, следовательно, на единицу капитала $\frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\ \bar{L})$ стоимости, а рабочие за час труда —

[1] Предполагается, что получает эту стоимость «владелец фактора».

$\frac{\partial Y}{\partial L}(\bar{K},\ \bar{L})$ стоимости, где $\bar{K}$ и $\bar{L}$ суть суммарные количества использованных капитала и труда. По теореме Эйлера об однородной функции первой степени

$$Y(\bar{K},\bar{L}) = \frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L}) \cdot \bar{K} + \frac{\partial Y}{\partial L}(\bar{K},\bar{L}) \cdot \bar{L}$$

Следовательно, согласно этой теории, национальный доход полностью складывается из «справедливо» высчитанных прибыли на весь капитал и заработной платы всех рабочих. Однако за внешней обоснованностью этой теории скрывается целый клубок логических несообразностей. В этом нетрудно убедиться.

Предварительно укажем, что проповедуемая «справедливость» распределения покоится исключительно на буржуазных апологетических теориях, основывающихся на отрицании трудовой теории стоимости и освящающих право капиталистической частной собственности. Только на этой основе можно было «доказать», что стоимость, «создаваемая капиталом», $\frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L})$ должна быть присвоена владельцами капитала, капиталистами.

Далее. Величина $\frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L})$ в буржуазной политической экономии носит название предельной производительности капитала. В теории Кларка утверждается, что любая единица капитала создает именно такую стоимость. Это утверждение делается на том основании, что якобы прирост стоимости, соответствующий приросту одного из факторов при фиксированной величине другого, отнесенный к величине прироста первого, показывает, сколько стоимости создает единица данного фактора. Однако, во-первых, верно ли то, что если дополнительному приросту фактора при неизмененном количестве другого соответствует некоторый прирост стоимости, то можно считать всю полученную дополнительную стоимость созданной только первым фактором?

И, во-вторых, почему, если взять точку $(K,\bar{L})$, где $0<K<\bar{K}$, надо считать, что единица капитала в точке $(K,\bar{L})$ создает стоимости $\frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L})$, а не $\frac{\partial Y}{\partial K}(K,\bar{L})$ стоимости?

Предположим временно, что ответ на первый вопрос положителен, и займемся вторым. $\frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L})$ – частная производная в точке $(\bar{K},\bar{L})$ – показывает, чему равен прирост стоимости, соответствующий приросту единицы капитала в точке $(\bar{K},\bar{L})$. Величина $\frac{\partial Y}{\partial K}(K,\bar{L})$, частная производная в точке $(K,\bar{L})$, показывает, чему равен прирост стоимости, соответствующий приросту единицы капитала в точке $(K,\bar{L})$. В рассматриваемой теории распределения дохода утверждается, что единицей капитала, следовательно, и единицей капитала в точке $(K,\bar{L})$, создается $\frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L})$ стоимости, несмотря на то что в точке $(K,\bar{L})$ прирост стоимости$\frac{\partial Y}{\partial K}(K,\bar{L})$ (Заметим, что $\frac{\partial Y}{\partial K}(K,\bar{L}) > \frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L})$.). Значит, основополагающий принцип теории, согласно которому стоимость, созданная фактором, может быть исчислена как величина прироста, соответствующая величине прироста фактора, применяется в одной точке $(\bar{K},\bar{L})$ и отвергается в других. Искусственность и бездоказательность этой конструкции бросается в глаза. В буржуазной литературе стало чуть ли не аксиомой считать для нее оправданием справедливость равенства

$$Y(\bar{K},\bar{L}) = \frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L})\bar{K} + \frac{\partial Y}{\partial L}(\bar{K},\bar{L}) \cdot \bar{L}.$$

Это равенство верное. Если принять, что единицей труда создаётся $\frac{\partial Y}{\partial L}(\bar{K},\bar{L})$ стоимости, а единицей капитала — $\frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},\bar{L})$ стоимости, то сумма стоимостей, созданных капиталом и трудом, будет совпадать с общей суммой вновь созданной стоимости[1]. Но буржуазные теоретики умалчивают о том, что для данных $\bar{K}$ и $\bar{L}$ можно найти бесчисленное множество *x* и *y,* которые давали бы

$$Y(\bar{K},\bar{L}\,) = x\bar{K} + y\bar{L}.$$

---

[1] Этого не будет, если считать, что единица капитала создает в точке $(K,\bar{L})$ $\frac{\partial Y}{\partial K}(K,\bar{L})$ стоимости, единица труда в точке $(\bar{K},L)$ $\frac{\partial Y}{\partial K}(\bar{K},L)$ стоимости, что было бы менее нелепым. Но в этом случае получилось бы, что капитал и труд в отдельности создали каждый столько же, сколько оба вместе. В самом деле.

$S_o^{\bar{K}} \frac{\partial Y}{\partial K}(K,L)\, d\,K = Y(\bar{K},\bar{L}) - Y(0,\bar{L}) = Y(\bar{K},\bar{L})$,

$S_o^{\bar{L}} \frac{\partial Y}{\partial L}(\bar{K},L)\, d\,L = Y(\bar{K},\bar{L}) - Y(\bar{K},0) = Y(\bar{K},\bar{L})$

Что ни пара решений этого уравнения с двумя неизвестными, то новая теория стоимости! Достаточно лишь x назвать стоимостью, создаваемой единицей капитала, а y — единицей труда.

Рассмотрим теперь первый из поставленных вопросов. Речь в данном случае идет лишь о функциональной зависимости. Справедливым здесь представляется то, что приросту фактора соответствует прирост стоимости. Ни на что иное, кроме соответствия, функция не указывает. Что же явилось действительной причиной прироста стоимости и, тем более, что является её субстанцией, в данном случае остается невыясненным.

Попутно следует отметить, что даже если речь идет не о стоимости, а об объеме выпуска в натуральном выражении, то и в этом случае прирост продукции, соответствующий приросту одного из факторов, нельзя без обиняков считать созданным одним лишь этим фактором.

Другими словами, если $y = f(x, z)$ есть производственная функция выпуска некоторого продукта от количества затраченного рабочего времени и объема используемых средств производства, то в случае, когда приросту Δz в точке (x, z) соответствует прирост y на Δy, это вовсе еще не означает, что Δy создается одним лишь фактором z. Прирост фактора z может явиться причиной прироста выпуска, а создан весь выпуск $y + \Delta y$, и в том числе прирост Δy, людьми, вооруженными теперь большим количеством средств производства.

Таким образом, теория распределения дохода Кларка, помимо систематического смешения стоимостного и натурально-вещественного аспекта проблемы, во-первых, принимает за аксиому то, что, как и труд, капитал создает стоимость, что его владелец должен получить всю созданную им стоимость. Во-вторых, исходя лишь из функциональной зависимости, она пытается определить, какой фактор и сколько создает стоимости. В-третьих, эта теория не придерживается своих же посылок, приписывая каждой единице капитала такую же величину созданной ею стоимости, как и последней единице капитала. Эти ошибки Кларка обусловили антинаучный, апологетический характер его теории, пытающейся опровергнуть

тот непреложный факт, что стоимость создается трудом.

Рассмотренные модели не являются исключением. Экономико-математические модели не есть чисто математическое средство. Они несут большую социальную и идеологическую нагрузку.

Большинство моделей буржуазной политической экономии — это модели апологетические, лишенные научной ценности. Их единственная задача — приукрашивать капиталистический строй, затушевать капиталистическую систему эксплуатации.

Критика и разоблачение буржуазных экономических теорий требуют дальнейшего всестороннего развития марксистской политической экономии и использования для этого всех средств анализа, имеющихся в ее распоряжении, в том числе и математики.

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

В социалистическом обществе, основанном на общественной собственности, экономика управляется централизованно и у власти стоит класс, объективно заинтересованный в построении коммунизма. Поэтому существует как возможность направить развитие экономики по одному из путей, наилучшим образом отвечающих задаче построения коммунистического общества, так и объективная необходимость в этом. Эта необходимость в наиболее полной реализации исторических интересов рабочего класса выступает в экономике как необходимость обеспечить наиболее полную реализацию общественных экономических интересов. Выступающее проводником этих интересов социалистическое государство призвано обеспечить выбор и осуществление варианта развития экономики, который с точки зрения общественных интересов является наилучшим. Такой вариант получил название оптимального.

Существует, следовательно, объективная необходимость в том, чтобы выяснить, осознать, определить оптимальный путь развития экономики и способы его осуществления. Не случайно поэтому, что для экономической науки при социализме характерны исследования, так или иначе связанные с проблемами экономического оптимума.

Среди проблем, которые наиболее оживленно обсуждаются в математико-экономической литературе, находятся проблема критерия оптимальности социалистической экономики и проблема цен оптимального плана. В настоящей статье делается попытка дать политэкономическую постановку указанных проблем и с этих позиций рассмотреть имеющиеся в математико-экономической литературе точки зрения.

I. Проблема критерия оптимальности социалистической экономики.

Речь по существу идет о цели социалистического производства

[1] М. В. Попов. Вестник ленинградского университета. Вып. 4. 1973 г.

и ее выражении в виде целевой функции. С политэкономической точки зрения принципиальными являются следующие вопросы.

Вопрос первый. Единственна ли целевая функция или возможно существование нескольких целевых функций? В зависимости от ответа на этот вопрос возникает два других. Если целевая функция единственна, то каков ее экономический смысл? Если их несколько, то что их объединяет? Предположение о том, что их ничто не объединяет, противоречило бы марксизму, так как допускало бы плюрализм в экономике и, следовательно, в политике, означало бы отход от принципа детерминизма в истории, объективность которого марксистской наукой в настоящее время уже твердо доказана.

Вопрос второй, более общий. Насколько учение о целевой функции совместимо с методологией марксизма, который враждебен, с одной стороны, телеологическим учениям, допускающим существование каких-либо целей вне сознания людей, и, с другой стороны, субъективным учениям, не стремящимся цели людей объяснять из их объективных жизненных условий? Этот вопрос мы будем рассматривать в конструктивном плане. Спрашивается, какой экономический смысл необходимо придать целевой функции, из чего исходить при ее построении, чтобы учение об этой функции не противоречило марксизму и составило часть марксистской науки?

Начнем со второго вопроса в его конструктивной постановке. Целевая функция призвана отражать цели людей в их экономической деятельности. Но различные люди ставят различные цели, поэтому если на этом остановиться, мы получим и субъективную, и плюралистическую трактовку целевой функции. Речь же должна пойти о цели, которая, хотя и ставится людьми, но ставится независимо от их индивидуальной воли, ставится неизбежно в силу жизненных условий, в которых они пребывают. Это противоречие между субъективным и объективным в деятельности людей было разрешено марксистской наукой благодаря введению понятия цели класса, которая вытекает из объективных интересов класса. Последние же в свою очередь есть лишь выражение тех жизненных условий, в которых пребывает класс.

Чтобы дать верное объяснение целевой функции, необходимо, следовательно, указать тот класс, чьи интересы она выражает. Интересы рабочего класса в социалистической экономике являются главенствующими, определяющими. Поэтому целевая функция социалистической экономики есть изображение целей рабочего класса, есть, следовательно, выражение его исторических интересов. Поскольку интересы рабочего класса включают в себя коренные интересы всех слоев и классов социалистического общества, постольку целевая функция, выражающая интересы рабочего класса, может быть с полным правом названа целевой функцией всего социалистического общества. Ниже, в соответствии с таким экономическим содержанием целевой функции дается постановка задачи оптимизации для социалистической экономики в самой общей форме, что позволяет ответить и на первый из поставленных выше двух больших вопросов. Решающим пунктом здесь является рассмотрение отношения упорядоченности на множестве вариантов развития. Это отношение упорядоченности (предпочтение) задается объективно интересами рабочего класса и является первичным по отношению к функции, выражающей это упорядочение, т. е. целевой функции. Объективные интересы рабочего класса указывают, какой из двух вариантов развития экономики лучше, какой хуже, а целевая функция есть лишь запись этого предпочтения.

Рассмотрим множество A всех возможных вариантов развития социалистической экономики. Уточним во избежание недоразумений, что имеются в виду не плановые варианты, а объективные возможные, но совсем не обязательно познанные. Рассматриваемые варианты отличаются между собой, в частности, тем, какие социально-экономические условия и в какое время они создают трудящимся. Они различаются по темпам и характеру уменьшения социально-экономических различий, по распределению затрат труда между работниками, по условиям труда, по видам и объемам производимой продукции и распределению ее выпуска во времени и т. д. Иными словами, вариант развития социалистической экономики, взятый во всем богатстве его составляющих без всякого исключения, мы

рассматриваем как элемент множества A всех возможных вариантов.

Множество всех объективно возможных вариантов развития A само по себе не предполагает никакого предпочтения между его элементами, никаких отношений «лучше—хуже». Эти отношения появляются как только элементы рассматриваемого множества соотносятся с общественными интересами. Можно утверждать поэтому, что в множестве всех объективно возможных вариантов развития социалистической экономики объективно существует предпочтение P, выражающее эти интересы. Интересы общественного развития выражаются, как известно, передовым классом общественно-экономической формации. На первой стадии коммунистической формации предпочтение P задается, следовательно, историческими интересами рабочего класса.

Возможные варианты развития объективны, интересы рабочего класса — объективны. Объективно, следовательно, и предпочтение на множестве вариантов развития, указывающее, какой вариант, с точки зрения интересов рабочего класса, лучше, какой хуже. Объективно существует, следовательно, вариант или множество эквивалентных друг другу вариантов, которые лучше всех других удовлетворяют интересам рабочего класса. Иными словами, существует элемент или множество элементов из множества A, оптимальных с точки зрения предпочтения P.

Сказанное может натолкнуть на мысль, что задача оптимизации социалистической экономики состоит в нахождении множества элементов из A, оптимальных с точки зрения предпочтения P. Однако этот вывод был бы преждевременным. Ни плановые органы, ни экономическая наука в действительности никогда не познают до конца, во всей полноте ни множества A, ни предпочтения P. Всегда придется довольствоваться лишь относительной истиной. Поэтому в действительности вместо одной идеальной задачи оптимизации мы имеем три реальные.

1. Задача определения множества вариантов развития: получать все более полное и более точное представление $I(A)$ *о* множестве объективно возможных вариантов развития социалистической экономики A. Элементы множества $I(A)$ — познанные, плановые варианты развития.

2. Задача познания предпочтения, объективно заданного на множестве объективно возможных вариантов развития A: полнее и глубже познавать исторические интересы рабочего класса, интересы общественного развития. Достигнутая ступень в этом познании может быть записана как предпочтение $I(P)$, заданное на некотором подмножестве множества $I(A)$. Мы обращаем внимание на то, что $I(P)$ задается, вообще говоря, не на всем множестве $I(A)$. Этим подчеркивается тот факт, что не обязательно относительно любых двух известных плановых вариантов можно на данном этапе развития экономической науки сказать, какой в большей, а какой в меньшей степени соответствует интересам общественного развития, интересам рабочего класса.

3. Собственно задача оптимизации: найти элемент или множество элементов из множества $I(A)$, оптимальные с точки зрения предпочтения $I(P)$. Другими словами: выбрать из всех имеющихся налицо плановых вариантов развития социалистической экономики наилучший с точки зрения интересов рабочего класса.

Заметим, что было бы очень удобно, если бы удалось построить функцию на A, соответствующую предпочтению P на этом множестве, обладающую следующими свойствами. Вариант a' предпочтительнее варианта a'' в смысле предпочтения P, в символической записи $a'Pa''$ тогда и только тогда, когда $G(a') > G(a'')$, вариант a' эквивалентен варианту a'' в смысле предпочтения P, $a' \sim a''$, тогда и только тогда, когда $G(a') = G(a'')$. Однако такое представление совсем не обязательно существует (существование здесь, разумеется, понимается в математическом смысле), это во-первых. А во-вторых, если оно и существует, то остается лишь удобным для дальнейших исследований сокращением, но ни на шаг не продвигает нас в познании самого предпочтения. Если я не знаю предпочтения, то я не могу построить и функции, изображающей это предпочтение, представляющей его.

Вернемся, однако, к нашей реальной задаче оптимизации. Поскольку мы интересуемся только проблемой выбора вариантов, то можем оставить в стороне процесс нахождения множества $I(A)$.

Здесь мы предполагаем, что множество плановых вариантов $I(A)$ *нам дано*. Обращаем внимание на то, что множество $I(A)$ не является подмножеством множества A. Если элемент множества A — объективно возможный вариант развития, взятый во всей полноте, во всем богатстве его составляющих, то элемент множества $I(A)$ не дает всей картины развития и, конкретизируя начальный этап развития, оставляет неясными очертания будущего.

Поскольку решения первой из перечисленных выше задач мы здесь не касаемся, перед нами остаются, во-первых, задача нахождения предпочтения $I(P)$ и, во-вторых, задача выбора оптимального в смысле этого предпочтения решения из множества плановых вариантов $I(A)$. Эти две задачи весьма тесно связаны между собой, но чисто экономической задачей является лишь задача нахождения $I(P)$. После ее решения задача нахождения оптимального плана развития становится математической задачей выбора из множества плановых вариантов оптимального с точки зрения заданного предпочтения.

Точно так же, как для множества A и предпочтения P, для множества $I(A)$ *и* предпочтения $I(P)$, быть может, существует порядковая функция g, описывающая это предпочтение. И так же, как и в предыдущем случае, без знания предпочтения $I(P)$ функция g остается лишь краткой записью нашей неосведомленности о предпочтении; «целевая» функция, поставленная в задаче оптимизации, является тогда лишь записью того, что мы абстрагируемся от выяснения предпочтения и предполагаем его данным.

Поскольку запись предпочтения с помощью порядковой функции имеет лишь тот смысл, что предпочтение нам неизвестно, и мы кратко, но ярко выражаем этой записью свое незнание, то кроме удобства языка мы ровным счетом ничего не получаем. Хотелось бы другого: из функции получить предпочтение. Но из всего предыдущего следует, что первично предпочтение, а изображающая его «целевая» функция вторична. На народнохозяйственном уровне построение «целевой» функции для множества $I(A)$ всех известных вариантов развития социалистической экономики может быть лишь результатом

построения предпочтения, а не его исходным пунктом. После того, как общая задача оптимизации решена (хотя бы даже и не формально-математическими средствами), на основании этого решения можно «спускать» целевые функции для отдельных элементов и звеньев народного хозяйства, задавая ими предпочтения на множествах планов производства этих единиц. Напротив, имея дело при решении общей задачи оптимизации с плановыми вариантами развития всей социалистической экономики, мы не имеем предпочтение априори, а получаем его исследованием объективных интересов рабочего класса, интересов общественного развития. Результаты этого исследования, которое проводится не только экономической, но и всеми другими общественными науками с привлечением данных естественных наук, быть может, и удастся выразить функцией, числом. Но ожидать, что, наоборот, все извлекаемые из действительности знания об исторических интересах рабочего класса, об интересах общественного развития заложены заранее в какой-то функции, которую надо только открыть — значит искать философский камень.

Из сказанного, однако, не следует, что вообще бессмысленны всякие построения целевой функции для множества вариантов развития. Надо только не забывать объективного смысла такой работы. Раз главной задачей является обнаружение предпочтения $I(P)$, выражающего с достаточной точностью объективные интересы рабочего класса, раз можно подходить к построению этого предпочтения не только последовательно, строя его по кирпичам на основании данных общественных наук о предпочтении P, но и путем «примерки» готовых предпочтений, задаваемых различными функциями, раз все это так, то не только можно, но и нужно заниматься построением «целевых» функций, рассматривая их построение как этап в построении предпочтения $I(P)$. Взять, скажем, критерием национальный доход и посмотреть, может ли задаваемое этим критерием предпочтение служить, хотя бы на некотором промежутке планирования, в качестве $I(P)$. Взять критерием число ассортиментных наборов и тоже «примерить». Этот критерий окажется полезным для другого, только короткого промежутка планирования, а за

длительный промежуток времени задаваемое им предпочтение перестает правильно изображать P. Значит, для длительного промежутка времени рассматриваемый критерий не может оказаться полезным для задания $I(P)$. Критерий минимума затрат труда тоже на определенном промежутке, при определенных условиях может быть хорош, но на другом промежутке планирования и при других условиях предпочтение, задаваемое этим критерием, перестает удовлетворительно отражать объективное предпочтение P, а потому указанный критерий для этого промежутка и этих ограничений не может считаться удовлетворительным для задания предпочтения $I(P)$.

Высекая ограничениями из множества плановых вариантов $I(A)$ подмножества и задавая на них конкретные критерии, мы будем получать на этих подмножествах при соответствующем выборе промежутка планирования неплохие реализации неформализованного предпочтения $I(P)$, отражающего современные научные представления о предпочтении P. С помощью этих конкретных критериев можно получать, следовательно, частичные решения общей задачи оптимизации, приближаться к ее решению.

Из сказанного вытекает вывод о том, в каком направлении можно продолжать формализацию процесса выбора плановых вариантов. Это — определение островков в множестве $I(A)$ *и* критериев на них, дающих приблизительно те же решения, что и предпочтение $I(P)$, расширение этих островков, увеличение их количества, уточнение критериев и т. д. Второй путь — продолжить формализацию на предмодельной стадии, пытаясь облегчить нахождение предпочтения $I(P)$.

Другой вывод: поиск единственного, неуточняемого количественного критерия является ошибкой. Зато необходимо выяснение сильных и слабых сторон всех существующих и могущих быть построенными критериев, определение промежутков планирования и подмножеств множества плановых вариантов, на которых задаваемые этими критериями предпочтения пригодны для реализации предпочтения $I(P)$.

К аналогичному выводу пришел А. Л. Лурье,[1] ученый, уже давно занимающийся проблемами оптимизации. Характерно, что постепенно к этому выводу приходят и авторы, прежде настойчиво отстаивавшие идею единого критерия. Вот что пишут, например, А. И. Каценелинбойген, И. Л. Лахман и Ю. В. Овсиенко: «В упомянутой работе А. И. Каценелинбойгена и др. „Методологические вопросы оптимального планирования социалистической экономики"[2] было принято предположение о возможности отыскания „абсолютного" критерия, что существенно обедняло анализ проблемы».[3]

На состоявшемся в июне 1970 г. в Новосибирске Всесоюзном симпозиуме по моделированию народного хозяйства уже никто не защищал идею единого неуточняемого критерия оптимальности. Напротив, было представлено много докладов, рассматривавших различные критерии оптимальности и способы их улучшения. Все же, поскольку идея единственного количественного критерия продолжает еще сохранять сторонников, рассмотрим, какой объективный смысл имеет, например, принятие в качестве абсолютного критерия максимума общественной полезности материальных благ и услуг.[4] Если бы речь шла об использовании указанного критерия в качестве средства задания некоторой грубой реализации $I(P)$ на достаточно узком подмножестве множества плановых вариантов, то против этого, конечно, нельзя было бы возражать. Но речь идет именно об установлении этого критерия в качестве адекватного выражения основного экономического закона развития социалистической экономики, в качестве наилучшего средства выражения целей общественного развития. Нетрудно видеть, что выбор такого критерия равносилен отождествлению задачи оптимизации на множестве плановых вариантов развития экономики $I(A)$ и задачи

---

[1] Лурье А. Л. О проблеме целевой функции социалистического хозяйства. — В кн.: Оптимальное планирование и управление народным хозяйством. М., 1969, с. 84—86.

[2] Каценелинбойген А. И., Овсиенко, Ю. В., Фаерман Е. Ю. Методологические вопросы оптимального планирования социалистической экономики. М., 1966.

[3] Каценелинбойген А. И., Лахман И. Л., Овсиенко Ю. В. Оптимальность п товарно-денежные отношения. М., 1969, с. 24.

[4] К этой позиции наиболее близок А. Д. Смирнов. — См.: Смирнов А. Д. Теоретические вопросы построения системы оптимального функционирования народного хозяйства. — В кн.: Экономико-математические модели. Под ред. Н. П. Федоренко. М., 1969; см. также: Экономико-математический анализ производства и потребления. М., 1969.

оптимизации на множестве наборов благ (иногда к ним добавляют и свободное время), доставляемых каждым из вариантов развития. Установление такого критерия, который вынуждает вносить затраты, социально-экономические характеристики жизненного уровня, связанные с организацией производственного процесса (условия труда, сменность, распределение затрат абстрактного труда по работникам и т. п.), и многие другие характеристики вариантов развития в ограничения, оставляет только две альтернативы.

Либо это отказ на практике от решения общей задачи оптимизации во всей ее полноте, если указанные выше характеристики вариантов внесены в ограничения, поскольку в ограничения внесено то, что должно бы выражаться целевой функцией. Тогда установление такого критерия (в качестве самостоятельного, общего, а не в качестве реализации предпочтения $I(P)$ на подмножестве, высеченном из $I(A)$ ограничениями задачи) бессмысленно. Либо следующее.

Если перечисленные нами характеристики и в ограничения не внесены, то мы имеем дело с разновидностью потребительского социализма, теорией, не учитывающей при выборе вариантов, как добыты материальные и духовные блага, какими социально-экономическими результатами отличаются друг от друга варианты, допустимые с точки зрения принятых ограничений задачи. Эта теория отражает психологию человека, не занятого производительным трудом и представляющего движение к коммунизму лишь в виде процесса потребления все большего количества благ.

К сожалению, потребительская трактовка целевой функции, когда отсутствует даже упоминание о классах и классовых различиях, о необходимости сокращения социально-экономических различий между людьми, когда нет классового подхода к построению целевой функции социалистического общества, эта трактовка еще не изжита в математико-экономической литературе.

Необходимо подчеркнуть, что попытки получить серьезные результаты, не опираясь на фундаментальнейшие достижения человеческого разума, никогда не имели и не могут иметь успеха,

что классовый подход к исследованию общественных явлений — это настолько фундаментальное открытие в области методологии исследования общественных явлений, что отказ от него неминуемо ведет либо к принятию методологии уже отживших реакционных учений, либо к некритическому восприятию некоторых положений современной буржуазной экономической науки.

А. И. Каценелинбойген, Ю. В. Овсиенко и Е. Ю. Фаерман в книге, посвященной вопросам методологии,[1] предпринимают попытки воспользоваться биологическим методом, основывая предлагаемую ими целевую функцию на формализации процессов жизнедеятельности. А так называемую модель критерия оптимальности В. Ф. Пугачева, например,[2] всякий, знакомый с зарубежной математико-экономической литературой, хорошо знает как «Dynamic utility». В. Ф. Пугачев, однако, не только не назвал авторов, но и не подошел критически к тем идеям потребительского социализма, которые неизбежно несет эта модель, если брать ее так, как взял ее В. Ф. Пугачев, т. е. ограничившись лишь изменением терминологии.

Пример работы, затрагивающей проблему критерия оптимальности и при этом недостаточно выдержанной с точки зрения главного принципа марксистской политической экономии — принципа примата производства дает работа Л. И. Довганя.[3] Цель, соответствующий ей оптимальный план, а из него уже — все экономические законы социализма— вот какова концепция этого автора. Между тем, именно с точки зрения лучшего соблюдения важнейших экономических законов и происходит выбор оптимального планового варианта. Именно с этих позиций строится предпочтение $I(P)$ и приближающие его на различных подмножествах целевые функции. Чем точнее и полнее данный план учитывает экономические законы социализма, тем выше значение целевой функции на этом плане; из двух планов тот лучше в смысле предпочтения $I(P)$, который в большей степени

---

[1] Каценелинбойген А. И., Осиенко Ю. В. и Фаерман Е. Ю. Методологические вопросы оптимального планирования социалистической экономики.

[2] См., напр.: Оптимальный план отрасли. М., 1970, с. 21.

[3] Довгань Л. И. О темпах роста двух подразделений общественного производства. М., 1965. '

учитывает требования открытых, исследованных, твердо установленных экономических законов. Такая постановка вопроса о построении критерия оптимальности не противоречит марксистскому принципу примата производства и нё рассчитывает на открытие абсолютной истины. Постановка же Л. И. Довганя по существу телеологична. Оправданием ему может, правда, послужить тот факт, что математика в политической экономии применяется недавно и еще не для всех стала научным методом. Для некоторых применение математики в политической экономии остается пока просто модой.

На почве недостаточно глубокого проникновения в суть марксистской методологии возникают и такие идеи, глубокая ошибочность которых бросается в глаза. Растолковывая «социальный характер» введенного им критерия оптимальности, Е. Ю. Фаерман следующим образом излагает свое отношение «к такому потребительскому фактору, как досуг»: «за пределами времени, необходимого для отдыха, развлечения и гигиенических мероприятий, досуг перестает быть положительным фактором (?!) и легко переходит в свою противоположность. Сами же эти пределы сильно зависят от культуры, образования, развития и рода деятельности. Для большей части образовательных и профессиональных групп они остаются в среднем сравнительно небольшими. Этим, в частности, и объясняется, по-видимому, факт стабильной длительности рабочей недели (около 40 часов) в развитых странах, испытывающих вообще быстрые сдвиги в структуре потребления. Попытки увеличения досуга сверх таких пределов порождают острую социальную проблему «сытого», но неразвитого в достаточной степени человека, не знающего, чем себя занять». [1] Разве автору не известно, что именно так предприниматели в капиталистических странах отвечают на требование сократить рабочий день? И разве это не факт, что при социализме сбываются известные слова Маркса о превращении свободного времени в главное богатство общества? Если уж проблема «„сытого”, но неразвитого в достаточной степени человека, не знающего, чем себя занять», существует, то все же вряд ли следует ее решать путем предоставления этому человеку

[1] Фаерман Е. Ю. Проблемы долгосрочного планирования. М., 1971, с. 175.

возможности распространять подобные далеко не прогрессивные идеи. Вот в среде сторонников теории конвергенции их приняли бы охотно, поскольку Е. Ю. Фаерман говорит вообще о развитых странах, в которых будто бы проблема свободного времени решается одинаково, независимо от общественно-экономического строя.

Заключая этот пункт, подчеркнем, что задача формализации процесса выбора оптимальных вариантов развития весьма сложна не только с математической, но и с экономической стороны. Мы имеем дело с двумя множествами вариантов (объективно возможных и плановых), двумя предпочтениями (объективным и его приближением), с функциями, описывающими то и другое предпочтение, с различными приближениями к общим условиям. При этом хотелось бы особо подчеркнуть, что всегда приходится выбирать не из благ, а из вариантов развития. Этот выбор никак не может быть сведен только к процессу выбора из благ, так как громадное большинство их и прежде всего те, с которыми имеет дело экономика, не даются даром. Поэтому отождествление задачи выбора вариантов и задачи выбора благ было бы крупной методологической ошибкой. Мы встречаемся и с другой ошибкой, характерной для начального этапа внедрения математики в экономику: принимать незнание, выраженное функцией, за знание. Ошибки первого рода — серьезные, так как равносильны забвению того непреложного факта, что основой общественного развития является производство. Ошибки второго рода — менее серьезны и есть всего лишь отражение наивного желания охватить все многообразие мира в двух-трех категориях.

II. Проблема цен оптимального плана.

Эта проблема тесно связана с проблемой соотношения централизации и децентрализации, которая сейчас особенно актуальна. Среди математико-экономических работ, посвященных этой проблеме, есть работы, авторы которых, строя модели, хорошо отражающие экономическую реальность, вносят несомненный вклад в политическую экономию социализма. Примером такой работы может служить статья А. Г. Аганбегяна и К. А. Багриновского.[1]

---

1 Аганбегян А. Г., Багриновский К. А. О соотношении народнохозяйственного

Авторы берут линейную модель народного хозяйства, в которой, несмотря на ее простоту, предприятие остается предприятием: включает не один, а несколько технологических способов и имеет свои локальные ограничения. Предположение о том, что цены на ресурсы принимаются установленными по двойственным оценкам, согласуется в этой модели с тем, что предприятия, выбирая оптимальный для народного хозяйства план, имеют ненулевую прибыль. Это достигается за счет того, что не берется плата за локальные ограничения. Можно показать, что ненулевое значение прибыли значительно повышает ее стимулирующую роль. Действительно, установив плату за фонды на одинаковом уровне для всех однородных предприятий, мы добьемся того, что то предприятие из них, которое лучше работает (больше экономит ресурсы), получит и большую прибыль. Если же брать плату за фонды в размере двойственных оценок, соответствующих локальным ограничениям, как обычно предполагается, то добавочная прибыль, полученная за счет лучшей организации производства, целиком «съедается» платой за фонды. Нулевую прибыль получает и лучше, и хуже работающее предприятие.

Для рассмотренной А. Г. Аганбегяном и К. А. Багриновским модели справедливо следующее утверждение: существует по крайней мере один объект, для которого оптимальный план локальной задачи не будет единственным, и среди оптимальных планов этого объекта существует такой, который не может войти в оптимальный план народного хозяйства — глобальной задачи. Отсюда вытекает такой вывод. Уж если для простейшей (линейной) модели даже в случае, когда цены установлены на уровне оценок оптимального плана, не удается обойтись одними лишь «экономическими рычагами» (предприятия, руководствуясь прибылью в оценках, могут выбрать оптимальный с их точки зрения план, не являющийся оптимальным с народнохозяйственной точки зрения), то тем более нельзя обойтись без использования прямых директивных методов в практике управления реальной экономикой социализма.

оптимума и локальных оптимумов в экономической системе социализма. — В кн.: Оптимальное планирование и совершенствование управления народным хозяйством. М., 1969.

Идея цен, установленных на уровне двойственных оценок оптимального плана, заманчива тем, что обещает, пользуясь всего одним локальным критерием, ликвидировать противоречие между интересами предприятия и народного хозяйства. Этим объясняются и популярность этой идеи и справедливое желание до конца разобраться в том, не удастся ли ее хоть когда-либо и хоть в какой-либо форме осуществить.

Обратим внимание, что от всех остальных концепций ценообразования концепция цен-оценок отличается прежде всего тем, что носит чисто теоретический характер. Если в соответствии с другими концепциями уже сейчас могут быть рассчитаны цены, то данная, даже будучи принята, в таком виде не может быть реализована. Цены придется устанавливать согласно какой-то другой концепции или на основе компромисса между концепцией цен оптимального плана и какой-либо иной, с потерей некоторых из обещанных преимуществ. Причина в том, что оценки, или «теневые цены», как их называют в линейном программировании, тесно связаны с оптимальным планом и возможность их построения равносильна возможности построения оптимального плана I народного хозяйства.

Раз концепция цен-оценок может обсуждаться в ее чистом виде I лишь как теоретическая концепция цен, то ее нельзя и противопоставлять ни практике ценообразования, ни другим концепциям, рассчитанным на соответствующую перестройку цен немедленно по принятии их к реализации. Сторонники концепции цен-оценок, если не имеют в виду компромисса с другими концепциями, противопоставляют, следовательно, не цены одного вида ценам другого вида, а идею цен — системам цен.

Если несколько отступить от крайней позиции и рассматривать двойственные оценки для оптимального плана, составленного в агрегированных показателях (такой план может быть рассчитан уже в ближайшее время), то и оценки получатся не для всех продуктов, а только для групп товаров, которые рассматриваются в агрегированной модели. Раз оценка одна на всю группу, то внутри товарной группы цены приходится устанавливать на основании каких-то других принципов. Но в общем случае

полученная таким образом система цен не дает никаких гарантий сохранения тех стимулирующих свойств, которые обеспечиваются установлением цены именно каждого товара в соответствии с двойственными переменными оптимального плана.

Даже будучи рассматриваемой в качестве чисто теоретической концепции, концепция цен-оценок пока еще не имеет достаточных оснований называться концепцией цен реальной экономики. Чтобы получить эти основания, требуется доказать, что цены-оценки смогут выполнять все те функции, которые в экономике возлагаются на цены, а не только некоторые из них. Ведь если требовать от цен только согласования оптимального плана народного хозяйства и предприятий, то при тех предположениях, которые есть в теории оптимального планирования, это согласование может быть достигнуто при любых ценах, обеспечивающих предприятиям положительную прибыль. Раз оптимальные планы предприятий предполагаются известными, то достаточно только оставлять предприятию при всяком случае отклонения от оптимального плана меньшую прибыль, чем в случае его выполнения, и размер поощрения сделать пропорциональным оставшейся части прибыли. С другой стороны, не все функции, которые выполняют реальные цены, система цен-оценок в ее нынешнем виде в состоянии выполнить.

С помощью В. В. Новожилова концепция цен-оценок смогла исправить один из своих решающих недостатков: необходимость установления нулевых цен на временно избыточные продукты (последнее неизбежно в модели Л. В. Канторовича), с помощью А. Г. Аганбегяна и К. А. Багриновского — другой: необходимость иметь непременно пулевую прибыль для предприятий, что сильно снижало стимулирующую роль цены (см. выше). В будущем, чтобы отстоять себя как концепцию цен реальной экономики, ей необходимо дать ответ па вопрос о выполнении тех социально-экономических функций, которые несет на себе розничная цена, на вопрос о сочетании розничных и оптовых цен, на вопрос о сохранении стабильности цен в динамике. Необходимо ответить и на вопрос о том, как обеспечить действительную оптимальность плана в условиях, когда

предприятия в целях увеличения своей прибыли будут стремиться завышать нормы расходования ресурсов, подаваемых наверх для составления оптимального плана. Те, кто считает возможным отказаться от стабильности цен в динамике, должны ответить на вопрос, можно ли будет указать цены на несколько лет вперед независимо от итогов выполнения данного годового плана и планов ближайших лет. В противном случае обещанное использование местной инициативы превращается в свою противоположность — хозяйственников вынуждают жить только сегодняшним днем и действовать вслепую, без расчета на перспективу... Одним словом, концепции цен-оценок не хватает именно выяснения всех экономических последствий ее хотя бы гипотетической реализации на практике. Это слабости любой новой теории, и на них можно было бы смотреть просто как на слабости роста, если бы не стремление их затушевать или преуменьшить, которое встречается в работах некоторых экономистов.

В противоположность последним можно указать работы математиков-экономистов, в которых авторы к разработке теории цен оптимального плана подходят с необходимой научной осторожностью. Назовем, например, доклад В. А. Волконского, А. Б. Поманского и А. Д. Шапиро на Всесоюзном симпозиуме по моделированию народного хозяйства, состоявшемся в июне 1970 г. Авторы доклада пишут: «все „хорошие" свойства оценок имеют силу для моделей линейного и выпуклого программирования. Однако, как известно, с помощью линейных и выпуклых моделей не всегда можно адекватно отобразить реальные хозяйственные ситуации.

Возникает законный вопрос: можно ли вообще пользоваться оценками и хозрасчетным механизмом как универсальным инструментом оптимального управления, раз нельзя обойтись при моделировании народного хозяйства линейными и выпуклыми моделями? „Нелинейные" ситуации настолько часты, что от них нельзя отмахнуться, как от „нетипичного" явления. Ответ таков. Не все хозяйственные решения можно принимать, руководствуясь оптимальными ценами и принципами хозрасчетных (товарно-денежных) отношений. Но это не мешает построить

взаимоувязанную систему планов и оценок таким образом, чтобы она помогла находить оптимальные или приближенно оптимальные решения для очень широкого круга задач».[1]

Главной проблемой, которая сейчас стоит перед экономико-математическим направлением, является проблема более глубокого проникновения в социалистическую экономическую действительность, что, разумеется, немыслимо без более тщательного усвоения теоретических завоеваний марксистской науки.

Summary

The following problems are discussed in this paper: the notion of the optimal plan and the function of a goal, centralized and decentralized adjustment, the use of a dual variable of the linear programming as prices.

Статья поступила в редакцию 15 июня 1973 г.

[1] Волконский В. А., По манский А. Б., Шапиро А. Д. Интерпретация и использование оценок в задачах оптимального планирования. Всесоюзный симпозиум по моделированию народного хозяйства. Тезисы докладов. М.., 1970 (ротапринт).

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ[1]

А. М. Еремин. Отношения социалистической собственности и экономическое управление. М., «Экономика», 1973, 120 стр.
Редактор А. И. Торсунов

В литературе долгое время отношения собственности и управления рассматривались вне связи между ними. Автор рецензируемой монографии пытается положить конец искусственному разделению анализа собственности и управления и показать их действительное соотношение.

Книгу можно разделить на четыре части. В первой содержится критический анализ категории собственности, во второй раскрывается взаимосвязь между собственностью и управлением, в третьей дан анализ социалистической собственности в связи с социалистической системой управления, и, наконец, в четвертой исследуются некоторые проблемы совершенствования управления на современном этапе.

Такое построение работы как бы подчеркивает, что, когда производство принимает общественный характер, для конкретизации представлений об отношениях собственности необходимо исследование отношений управления. Изучение отношений собственности не должно оставаться лишь в сфере абстракций владения, распоряжения и пользования; необходимо, чтобы оно вело к рассмотрению живой практики тех отношений, которые обеспечивают существование той или иной формы собственности, в данном случае общественной. А. М. Еремин рассматривает категорию собственности в развитии. С этих позиций он подходит, в частности, и к вопросу о связи между собственностью и владением. Автор, соглашаясь с известным положением о том, что владение не есть собственность, не ограничивается этим, а стремится показать, что из отношений владения развиваются отношения собственности, но с таким развитием первые не уничтожаются, а лишь принимают подчиненное, обусловленное отношениями собственности

[1] Н. Моисеенко, Г. Ширинов, М. Попов. Экономические науки. №7. 1974 г.

значение. Из проведенного А. М. Ереминым анализа убедительно следует, что владелец — это почти полный собственник, в ряде же случаев (землевладелец, домовладелец, товаровладелец) «владелец» и «собственник» — просто одно и то же. Нельзя поэтому никак принять появившиеся в нашей литературе утверждения о том, будто социалистические предприятия — владельцы принадлежащих обществу средств производства.

При анализе социалистической собственности автор раскрывает то значение, которое для обобществления на деле имеет налаживание системы планового централизованного управления общественным производством. Мысль о тесной связи собственности и управления получает тем самым дальнейшую конкретизацию. «Управление, — сказано в книге, —... предопределено конкретным видом собственности; оно составляет отношения по конкретной организации соединения факторов производства и наиболее эффективному их использованию в интересах собственника» (стр. 24).

Внимание читателя несомненно привлечет рассмотрение проблем социалистической кооперации труда. Интересна мысль автора о том, что «прямое распоряжение условиями производства позволяет конституировать кооперацию труда как особый вид обмена деятельностью, противостоящей товарному обмену и основанной на согласованном управлении отдельными работами, вне зависимости от косвенного соизмерения затрат труда, исходя из целесообразности этих затрат для возможно более полной реализации интересов собственника» (стр. 50—51). С этой позиции, которая выражает суть социализма как непосредственно общественной формы производства, автор аргументированно критикует случаи фактического отхода от представления о социализме как единой экономике, о «единой фабрике», говоря словами В. И. Ленина.

Иерархическая структура экономических отношений означает, что каждая ступень этой иерархии специфически самостоятельна и в то же время связана со всеми остальными. В книге правильно отмечается, что собственность иногда трактуется по разряду юридических категорий в противоположность производственным отношениям как реальному базису, показывается

необоснованность этой трактовки. Правомерно говорить — и проведенный автором анализ еще раз в этом вполне убеждает — об обособленном существовании отношений собственности на средства производства в системе производственных отношений. Отсюда, кстати, ясно, что нельзя отождествлять производственные отношения и отношения собственности на средства производства.

В книге справедливо утверждается, что «характер и способ соединения рабочей силы и средств производства определяют весь характер производства, а, следовательно, характер экономического управления как специфической сферы экономических отношений» (стр. 16). По нашему мнению, это утверждение автора полностью соответствует положению К. Маркса о том, что специфическая функция капитала есть функция управления[1]. Общий подход к выявлению сущности экономического управления, как считает А. М. Еремин, должен начинаться с рассмотрения простого процесса труда как труда коллективного.

Процесс же организации труда, который направлен на экономное и производительное расходование наличного фонда рабочего времени и материальных средств для достижения полезного результата, представляет собой основное содержание управления производством.

Управление образует особый аспект экономических отношений, связанный с гармонизацией индивидуальных затрат труда в пространстве и во времени. Связь управления с разделением труда объясняется тем, что выделение самой функции управления есть выделение труда особого рода. Управление есть связь в трудовом процессе, процесс соединения факторов производства, т. е. форм реализации отношения собственности. Отношение управления носит объективный характер, социальное содержание, характер, масштаб, формы и методы его предопределяются конкретными типами собственности.

Исследуя проблемы социалистической кооперации труда и

---

[1] См.: К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 20.

содержание экономического управления, автор раскрывает сущность и отличительные черты социалистической кооперации труда и ее диалектическую связь с экономическим управлением. Социалистическое управление, говорится в книге, «есть организация общественного распоряжения факторами производства, направленная на эффективное использование этих факторов в непосредственно общественных интересах» (стр. 54).

Интерес представляет вывод автора о том, что кооперация труда в масштабе всего общества впервые появляется только в социалистическом обществе, хотя кооперация производства может существовать и в стихийно-рыночном хозяйстве, и что экономическое управление социалистическим хозяйством есть имманентное свойство кооперации труда в масштабе общества.

Особое внимание уделено в книге анализу государственной формы общественной собственности на средства производства. Существование такой формы общественной собственности справедливо связывается с тем, что на первой стадии коммунистической формации социальное неравенство еще существует, классы полностью еще не уничтожены, следовательно, экономическое управление не может не иметь классового и как следствие — государственного характера.

Аргументированной критике подвергнуты в рецензируемой работе те авторы, которые отрывают чисто политические, надстроечные функции государства от экономических. В обществе, где еще существуют классы, не может существовать бесклассовое, неклассовое или надклассовое экономическое управление, не имеющее политического характера.

Процесс «отмирания» государства, подчеркивает А. М. Еремин, не есть просто «отмирание» всякого управления в масштабе народного хозяйства, а процесс внутреннего изменения содержания государственной деятельности. Государство при этом все более глубоко «погружается» в экономический базис общества, постепенно превращаясь исключительно в центр хозяйственного управления.

Сформулированные в начале книги методологические позиции использованы автором для рассмотрения главных черт механизма управления социалистической экономикой. В работе рассмотрены

вопросы о соотношении субъективного и объективного в управлении социалистической экономикой, о структуре процесса управления, методах управления.

Хотя отношения управления объективны, обусловлены процессом общенародной кооперации труда, говорит А. М. Еремин, сами по себе они предполагают сознательную выработку целей, постановку конкретных задач по эффективному использованию условий производства, выработку системы мер для обеспечения планомерности развития экономики. Причем роль субъективного фактора в осуществлении объективных целей общественного развития будет постоянно расти. Иначе и не может быть в хозяйстве, где плановое централизованное управление составляет форму осуществления экономических законов.

Говоря об ошибках управления, автор справедливо подчеркивает, что до известной степени они являются выражением противоречия между необходимостью сознательного руководства хозяйством и уровнем познания экономической действительности. В то же время субъективно обусловленные ошибки в планировании и управлении, нечеткость в организации следует отличать от объективно обусловленных отношений социализма.

Комплексный подход к рассмотрению структуры управления не мог не привести автора к критике попыток сделать панацею от всех бед из какого-либо одного метода, рычага, показателя. А. М. Еремин анализирует недостаточность показателей прибыли, рентабельности, объема реализованной продукции, и этот анализ позволяет ему сделать вывод о том, что «надежды на шаблонную оценку деятельности предприятий не оправдались» (стр. 85). Исследуя структуру процесса управления, автор прежде всего излагает существующие на этот счет мнения. Не отрицая в принципе имеющуюся трактовку структуры управления как слагающегося из принятия решений, регулирования, контроля и т. д., он, однако, считает, что с точки зрения экономической теории социализма эта трактовка недостаточна. А. М. Еремин полагает, что управление социалистической экономикой в широком смысле включает в себя также познание системы экономических законов и конкретных форм их проявления,

исследование и разработку организационной структуры управления, ее системы и подсистем, развития экономических связей между звеньями и ячейками производства, а также исследование и рационализацию совокупности инструментов управления. Эти элементы тесно взаимосвязаны.

Говоря о показателях работы предприятия, автор критикует мнение некоторых экономистов, утверждающих, что прибыль якобы стала теперь целью предприятия и даже общества в целом. Так, А. М. Еремин пишет, что «прибыль как форма чистого дохода народного хозяйства в целом не только не является его целью... но не является и достаточно надежным показателем социалистического хозяйствования, иное дело, что выполнение предприятием плана по прибыли всегда было и остается существенным моментом, поскольку денежные накопления имеют значение для общего регулирования хозяйства» (стр. 83).

Особое место занимает в книге вопрос о методах управления. При этом автор правильно замечает, что, «говоря о методе, надо вначале решить вопрос, идет ли речь об экономическом управлении как таковом или о руководстве хозяйством» (стр. 86). Здесь справедливо подчеркивается, что методы экономического управления обычно выступают в административной форме, за которой всегда нужно видеть экономическую сущность процесса. В связи с вопросом о методах управления следует отметить сомнительность положения автора о том, что наиболее общим методом хозяйствования является метод экономического расчета (см. стр. 86). Отнесение же административных методов экономического управления к числу экономических по своему содержанию вполне обосновано. Поскольку речь идет о социалистической экономике, постольку прямое директивное установление государственных заданий является выражением общественной собственности на средства производства и служит главным средством экономической реализации этой собственности. Юридическое же оформление экономических отношений не может изменить их экономической сути.

В последней главе, исследуя вопросы, связанные с развитием управления и главным образом с экономическим значением создания объединений, А. М. Еремин подчеркивает, что

поскольку единство социалистической экономики обеспечивается прежде всего прямыми методами управления, постольку их развитие и укрепление составляет главную задачу совершенствования управления. В целом же необходимо, как считает А. М. Еремин, добиваться ориентации всех других методов управления на прямые методы и общественные интересы. Эта мысль получает в работе определенное развитие. В частности показано, что оптовая торговля никак не может превратиться в главный способ снабжения средствами производства, она должна развиваться лишь как дополнительная форма по отношению к плановому распределению. Автор решительно выступает против того, чтобы проблему совершенствования управления в целом подменяли проблемой расширения сферы рынка или акцентировали все внимание лишь на расширении самостоятельности предприятий и развитии хозрасчета. Говоря о конкретных формах развития управления, автор обоснованно подчеркивает, что на каждом этапе развития экономики имеются центральные, узловые проблемы, от решения которых зависит совершенство всей системы управления. Такой проблемой на современном этапе выступает проблема организации производственных объединений, которые в перспективе станут основными хозрасчетными звеньями общественного производства.

Заслуживает внимания анализ положительных и отрицательных сторон хозрасчета, тем более что о последних почему-то умалчивается в экономической литературе. Приводя известное высказывание В. И. Ленина, что хозрасчет помимо положительных сторон «неминуемо порождает известную противоположность интересов»[1], автор на конкретных примерах показывает, при каких, условиях могут возникнуть эти противоречия, если их своевременно не устранять.

Особое место в книге уделено вопросу рационализации функционирования экономики, критериям и показателям эффективности объединений.

Отмечая положительные стороны рецензируемой монографии,

---

[1] См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 44, стр. 343.

нужно отметить и некоторые ее недостатки. Так, исследуя проблему управления, автор кое-где теряет связь с проблемой собственности. Это, видимо, объясняется тем, что изложение в ряде мест носит конспективный характер. С некоторыми же положениями книги вообще трудно согласиться. Весьма странным, на наш взгляд, выглядит заявление автора о том, что присвоение, владение и использование в определении собственности следует относить «не к материально-вещественному фактору производства... а к факторам производства в целом» (стр. 13). Если при капитализме и существует собственность на рабочую силу, то лишь как иррациональная форма собственности, порожденная свойственным капитализму, и только ему, отчуждением рабочей силы от ее владельца. Говорить же о собственности на рабочую силу при социализме нет никаких оснований. Не находит таких убедительных оснований и А. М. Еремин; тем не менее он прочно придерживается тезиса о рабочей силе людей социалистического общества как объекте собственности (см. стр. 15, 27).

На наш взгляд, автор вступает в противоречие со своей же концепцией, когда утверждает, что «отношения управления не могут быть главными экономическими отношениями». Это положение неприменимо по отношению к централизованному хозяйству (см. стр. 66).

Представляется неправильным говорить о собственности как об одном отношении, что делает иногда автор (см. стр. 6). Не выглядит обоснованным и отождествление автором распоряжения с владением (см. стр. 9).

В заключение надо сказать, что отмеченные недостатки никак не умаляют достоинств рецензируемой работы. Для читателей она безусловно представит интерес, в ней много глубоких мыслей, которые заставляют задуматься и по-новому подойти к рассматриваемой в книге сложной проблеме.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ»

Изд-во Московского университета, 1973, 193 стр. Под редакцией Н. В. Баутиной[1]

Идея выпуска сборника аспирантских научных работ вызывает в известной мере противоречивое отношение. Возникает вопрос: если это научные работы, почему не издать их так же, как издаются все другие научные работы? Если же это не научные работы, то стоит ли их публиковать? Вероятно все же практически надо прийти к следующему: аспирантские сборники — это научные работы, авторам которых предоставлены определенные льготы с учетом их научной молодости. Целесообразны ли эти льготы, какими они конкретно должны быть — все это, как нам представляется, вопросы открытые, на которые нужно искать ответы. Чтобы способствовать таким поискам, и стоит, очевидно, повнимательнее присмотреться хотя бы к каким-то из этих сборников.

Посмотрим, насколько удался в этом смысле рецензируемый сборник, подготовленный кафедрой политической экономии естественных факультетов МГУ. Перед авторами и редакторами сборника стояла задача создать единое коллективное исследование «проблем, связывающих эффективность общественного производства и объективные основы хозяйственного механизма...» (с. 6). Сборник состоит из введения, двух вступительных глав и четырех разделов. Вступительная глава (автор Д. А. Багиров) констатирует определенные структурные сдвиги в экономике — такие, как повышение удельного веса обрабатывающей промышленности, изменения в структуре топливного баланса, ускорение темпов роста группы «Б» и ряд других. Однако эта глава не содержит ни новых интересных выводов, ни данных, которые не были бы общеизвестными. Вводной она, как нам кажется, может послужить лишь для тех, кто не знаком с текущей литературой.

Вторая вступительная глава «К вопросу о критериях фонда

[1] Авторы рецензии М. Попов, Д. Эпштейн.

потребления при социализме» посвящена исследованию понятия «фонд потребления», установлению его качественной и количественной определенности, его связи с понятием «необходимый продукт». Здесь сразу же следует отметить, что само название главы оставляет желать лучшего. Автор этой главы (В. Т. Иванов), несомненно, прав в том, что «объективная основа образования фонда потребления находится не в распределении как таковом, а в самом производстве» (с. 19). Критикуя точку зрения, сводящую фонд потребления к чисто распределенческой категории, автор правильно подчеркивает тесную связь необходимого продукта и фонда потребления, хотя и не проводит четкого различия между ними. Необходимый продукт по стоимости равен стоимости фонда потребления только производительных работников, в то время как весь фонд потребления в целом включает и фонд потребления непроизводительных работников (причем, не только работников управленческих, как считает В. Т. Иванов).

В этой связи следует отметить разногласия, существующие в трактовке понятия «необходимый продукт». С одной стороны, общепризнано, что трудом каждого производительного работника создается и необходимый, и прибавочный продукт, т. е. выходит, что необходимый продукт может состоять из любых продуктов. С другой стороны, считается, что необходимый продукт состоит только из жизненных средств. Здесь имеется явное противоречие, во избежание которого следует строго различать создание необходимого продукта в смысле производства соответствующего количества стоимости и создание его в натурально-вещественном выражении, что, конечно, не может быть делом работников всех отраслей. В целом эта глава представляет интерес, однако ввиду определенной специфичности содержания она не связана логически ни с предыдущей главой, ни с последующими. Во всяком случае, вводной ее, с нашей точки зрения, не следовало бы делать.

Основную часть открывает раздел I — «Повышение эффективности экономической деятельности социалистических предприятий». Таким образом, без рассмотрения проблем народнохозяйственного уровня осуществляется переход к уровню

предприятия. Необходимо заметить, что вообще в этом сборнике проблемам управления на народнохозяйственном уровне не повезло. Во втором разделе рассматриваются вопросы материального стимулирования работников предприятий. В третьем разделе лишь глава о резервных фондах имеет отношение к управлению на народнохозяйственном уровне. А четвертый, последний раздел, посвящен проблемам экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. Тем самым как раз центральным проблемам планово управляемого социалистического воспроизводства не оставлено самостоятельного места. Это привело к отсутствию единой целеустремленности в формировании сборника, к тому, что перед нами оказалось не цельное произведение, а совокупность разрозненных более или менее близких по тематике статей.

Первый раздел книги открывается главой «Относительная экономическая обособленность и коллективный интерес», написанной Н. С. Загородним. К сожалению, в этой главе нельзя найти четких указаний на границы относительной экономической обособленности, не определены автором и пути ее постепенного преодоления, ничего не сказано о средствах подчинения предприятий общественным интересам, не изучены гарантии сохранения относительного характера экономической обособленности. Автор, правда, говорит, что экономическая обособленность существует на базе общественной собственности на средства производства, тем самым он справедливо и явно отмежевывается от теории «кооперативного социализма» (см. с. 31). Но, провозгласив верное положение, автор не дал его реального анализа.

Следующая глава этого раздела (автор В. Н. Калинин) посвящена экономической эффективности новой техники. Критерием эффективности новой техники при социализме, по мнению автора, является рост прибавочного продукта. С таким безоговорочным критерием никак нельзя согласиться. Указанный критерий явно неприменим к тем случаям, когда внедрение новой техники выражается не в увеличении прибавочного продукта, а в сокращении рабочего дня. Но и при том предположении, что новая техника не будет использована для сокращения рабочего

времени, рост прибавочного продукта не может служить единственным критерием. Если, например, техника ведет к улучшению условий и сокращению тяжести труда, а прибавочный продукт не растет, то, согласно предложенному автором критерию, эффективность новой техники при социализме не возрастает. Избегнуть подобных нелепостей можно, очевидно, лишь в том случае, если считать критерием эффективности степень удовлетворения общественных экономических интересов, а рост прибавочного продукта рассматривать как один из показателей, при известных условиях, представляющих этот критерий. Складывается впечатление, что В. Н. Калинин не сумел найти правильного подхода к проблеме критерия эффективности новой техники.

Из других глав этого раздела необходимо отметить главу «Экономическое стимулирование качества продукции» (автор З. И. Бушуева). Здесь убедительно показана необходимость повышения качества продукции в современных условиях научно-технического прогресса, в особенности необходимость повышения надежности, точности и долговечности машин. Эту проблему автор рассматривает всесторонне. Среди предложений З. И. Бушуевой главное место занимают рекомендации по совершенствованию централизованного планирования качества, по повышению роли стандартов. Большое внимание автор уделяет вопросам материального стимулирования повышения качества продукции. При рассмотрении, в частности, существующей системы надбавок справедливо отмечается, что эта система не может стать вполне эффективной, пока надбавки за повышение качества продукции не дополнятся скидками в случае ее низкого качества, пока руководители предприятий и подразделений, отдельные работники не будут нести персональной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции.

Второй раздел сборника посвящен вопросам материального стимулирования работников государственных и кооперативно-колхозных предприятий. В первой главе этого раздела (автор Е. К. Орехова) рассматривается роль поощрительных фондов в системе экономического стимулирования. Глава сводится в основном к описанию

существующей практики стимулирования. В следующей главе, написанной К. М. Хайруллиной, сделана попытка проанализировать роль дополнительной заработной платы в системе стимулирования труда. Приводятся интересные данные о роли дополнительной оплаты в заработной плате рабочих, ИТР, служащих (на примере объединения «Башнефтехимзаводы»), свидетельствующие о дифференциации движения заработной платы различных категорий трудящихся.

Известный интерес представляет третья глава этого раздела: «Роль общественных фондов потребления в регулировании уровня доходов колхозников» (автор Н. Г. Хайруллин). Приведя данные о том, что из всей суммы общественных фондов потребления колхозникам в 1970 г. поступило около 10%, хотя они составляют более 20% населения, автор анализирует тенденции роста общественных фондов потребления в колхозах и структуру этих фондов.

Третий раздел сборника открывается небольшой главой «Объективные основы хозяйственного механизма при социализме». На наш взгляд, эту главу, судя по названию, надо было бы поместить не в середине сборника, а в начале. Автор В. Н. Дулыцикова сделала попытку осветить, как она выражается, «механизм движения социалистического производства», выделить «систему движущих сил экономического механизма» (с. 112—113). К сожалению, автору этой главы свойственно увлечение этими и другими подобного рода образными, звучащими научно, но недостаточно точными терминами. В результате оказывается, например, что «потребность есть цель движения производства» (с. 114). Причем, по ходу рассуждений можно понять, что речь идет не о конкретной общественно-экономической формации или ее фазе, а о производстве вообще. Между тем ясно, что капиталистическое производство не ведется с целью удовлетворения потребностей. Более того, даже цель социалистического производства не может быть сведена только к удовлетворению потребностей. Как указывал В. И. Ленин, социалистическое производство ведется для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов.

В следующей главе Т. В. Селезнева доказывает необходимость резервных фондов для нормального функционирования социалистической экономики, анализирует опыт создания и использования финансовых резервов. В третьей главе этого раздела поставлен вопрос о критериях экономической эффективности системы управления отраслью. Анализируя некоторые из возможных подходов к этой проблеме, А. И. Воробьев приходит к выводу, что наиболее плодотворным является подход, при котором сравниваются затраты на функционирование системы управления с показателями работы всей производственной системы (см. с. 139). Последняя глава раздела посвящена аграрно-промышленным объединениям как форме совершенствования организации сельскохозяйственного производства (автор Н. В. Морей).

Завершает книгу раздел, посвященный проблемам развития экономического сотрудничества стран — членов СЭВ.

Как следует из сказанного, в рецензируемом сборнике рассматриваются многие важные проблемы воспроизводства и управления. Если оценивать сборник только с позиций льгот авторам или только в сравнении со многими другими подобными изданиями, о рецензируемой работе можно дать вполне благоприятный отзыв. Если же исходить из того, что перед нами разновидность научного издания, которая должна соответствовать всем предъявляемым к последнему требованиям, придется признать, что в сборнике по содержанию и по форме много серьезных изъянов. Издание сборника должно было бы помочь молодым ученым в их первых шагах в науку, но, к сожалению, эта возможность использована не в полной мере, хотя в книге есть интересные мысли и факты, глубокие статьи (например, статья З. И. Бушуевой). Рассматриваемый сборник позволяет, как мы считаем, высказываться в принципе в пользу подобных изданий, но с одним совершенно обязательным условием: нужна большая и упорная работа по повышению их научного уровня.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ[1]

Марксизм действия людей объясняет не из их сознания, а из их бытия. Общественное бытие людей определяется их экономическим положением. Экономическое положение выражается экономическими понятиями и категориями. Одной из наиболее важных при этом является категория экономических интересов.

Экономические интересы характеризуют экономическое положение субъектов производственных отношений тем, что показывают, какие действия в рамках данной системы отношений и какие её изменения улучшают или ухудшают это положение, какие выгодны им, а какие невыгодны и насколько.[2]

Что выгодно или невыгодно тому или иному субъекту производственных отношений, что улучшает или ухудшает его экономическое положение и, наконец, что означает само улучшение или ухудшение экономического положения – это определено характером производственных отношений и тем местом, которое субъект в них занимает. Так, например, пролетарий в системе капиталистических производственных отношений есть продавец своей рабочей силы, и, как всякому продавцу, ему выгодно продавать свой товар подороже, но коренной его интерес состоит в уничтожении самой этой продажи.

Для того чтобы знать, в чём состоят экономические интересы того или иного субъекта производственных отношений,

---

[1] Н. А. Моисеенко, М. В. Попов. Вестник ленинградского Университета. № 11, 1975 г.

[2] Нетрудно убедиться, что именно так подходил к трактовке экономических интересов В. И. Ленин. Он писал, например: *«Рабочий класс безусловно заинтересован поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу безусловно выгодно устранение всех остатков старины, мешающих, широкому, свободному и быстрому развитию капитализма... Поэтому буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата... в известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии»* (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 37–38).

вовсе не обязательно знать его субъективные устремления, его представления о своём экономическом положении и возможностях изменения этого положения. Нужно определить, что ему объективно выгодно. *«Дело не в том,* – подчеркивали Маркс и Энгельс, – *в чём в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат на самом деле и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать»*.[1] Экономические интересы людей характеризуют их бытие, а не сознание. По отношению к этим интересам человек выступает лишь как персонификация своего экономического положения. И только благодаря этому факту экономические интересы и являются одной из важнейших категорий марксистского экономического анализа, в котором в качестве определяющего фактора принимается общественное бытие, а не сознание людей, и важно не то, кто непосредственно отстаивает известную политику, известные взгляды, предложения, меры, *«важно то, кому выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры»*.[2]

Итак, экономические интересы – это такая объективная характеристика экономического положения людей, которая показывает, что им в силу этого положения выгодно или невыгодно и в какой степени, какие действия в рамках данной системы общественно-экономических отношений или какие изменения этой системы улучшают или ухудшают их экономическое положение и в какой мере.

Экономические интересы характеризуют экономическое положение людей через те объективно возможные изменения, которые оно может претерпевать при различных общественно-экономических обстоятельствах. С каждым действием, затрагивающим экономическое положение индивида, у него связан поэтому какой-либо экономический интерес.

---

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 40.
2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 61.

Описать экономические интересы индивида – значит указать, какие действия, вызывающие изменение жизненной обстановки, в которой он пребывает, ему выгодны, а какие нет и в какой мере. Жизненная обстановка индивида – это, во-первых, его материальные жизненные условия (понимаемые узко, т. е. как вещные условия), включая условия труда и производства, и, во-вторых, отношения его с другими людьми, и прежде всего производственные отношения, которые определяют всю его жизненную обстановку в целом.

Поскольку в одних действиях и изменениях индивид заинтересован в большей степени, в других – в меньшей, его интересы различаются по значению. С такими изменениями, которые коренным образом улучшают его экономическое положение, связаны коренные интересы, а с такими, которые не ведут к существенному улучшению положения, – побочные, второстепенные.[1] В зависимости от длительности изменений интересы делятся на долговременные и кратковременные, преходящие.[2] Действия и изменения, с которыми связаны интересы индивида, могут быть как независимыми, так и зависимыми. Соответственно этому независимыми или зависимыми являются и сами интересы. Два экономических интереса индивида называются независимыми, если осуществление действия, приводящего к удовлетворению одного интереса, никак не отражается на удовлетворении другого, и зависимыми, если удовлетворение одного интереса связано с удовлетворением или неудовлетворением другого. Когда

---

1 Так соотносятся, например, такие интересы пролетария, как уничтожение капиталистической эксплуатации и повышение номинальной заработной платы. В. И. Ленин писал: *«Из того, что экономические интересы играют решающую роль, отнюдь не следует никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены только коренными политическими преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»* (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 46).

2 Ср.: *«Оппортунизм есть принесение длительных и существенных интересов партии в жертву её минутным, преходящим, второстепенным интересам»* (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 35).

удовлетворение одного интереса ведет к удовлетворению второго, а удовлетворение второго не ведет к удовлетворению первого, второй подчинен первому. Побочные интересы, как правило, являются подчиненными по отношению к основным, коренным, существенным. Если интересы таковы, что удовлетворение одного ведёт к удовлетворению другого, и обратно, они называются однонаправленными.[1] Противоречащими называются интересы, связанные с действиями и изменениями, из которых хотя бы одно исключает другое. Два интереса, связанные с взаимоисключающими действиями, называются противоположными.

Экономические интересы индивида, таким образом, внутренне связаны и образуют единую систему. Это объясняется тем, что вместе взятые они характеризуют его экономическое положение в данной системе общественно-экономических отношений через те экономически и исторически возможные действия и изменения, которые в той или иной мере затрагивают это положение, ухудшая его или улучшая.

Поскольку различные индивиды занимают неодинаковое экономическое положение, постольку системы их экономических интересов не тождественны между собой. Действие, улучшающее положение одного из них, может оказаться менее выгодным другому, совсем не изменить или даже, ухудшить его экономическое положение. В соответствии с этим у них могут оказаться общие интересы, может случиться так, что изменение, с которым связан экономический интерес одного индивида, не порождает никакого интереса у другого, или так, что интерес одного противоположен интересу другого. Если два субъекта производственных отношений находятся в такой объективной взаимосвязи, что удовлетворение интересов одного ведёт к

---

[1] Однонаправленными являются, например, интересы, состоящие в развитии общественного производства при социализме и в удовлетворении потребностей до определенного уровнем развития производства предела.

удовлетворению интересов другого, то первый называется выражающим интересы второго. Чаще всего при этом бывает, что один субъект производственных отношений выражает не все, а только некоторые интересы другого.

Таким образом, не только интересы одного индивида связаны в систему. Систему представляет собой и вся совокупность экономических интересов общества. Их взаимосвязи определены структурой производственных отношений. Ф. Энгельс, выражая это, отмечал, что *«экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы»*.[1]

Среди всех экономических интересов выделяются материальные. Всякий материальный интерес индивида заключается в каком-либо определенном улучшении его материальных жизненных условий. Все другие экономические интересы тесно связаны с материальными, и их удовлетворение в конечном счете приводит и к удовлетворению материальных. Материальные интересы трудящегося при социализме, например, состоят в улучшении условий и обогащении содержания его труда, увеличении свободного времени, создании лучших материальных условий для физического, духовного и социального развития. Какой бы другой экономический интерес работника мы ни взяли – выполнение народнохозяйственного плана, увеличение темпов роста производства, укрепление и совершенствование централизованного управления и т. п., – удовлетворение его приводит в конечном счете и к удовлетворению материальных интересов.

Материальные интересы людей не только зависят от их положения в системе производственных отношений, но и удовлетворяются через эту систему, посредством производства. Именно в силу этого то или иное действие в рамках

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 271.

производственных отношений, то или иное их изменение оказываются выгодными или невыгодными для данного индивида.

Материальные, а через них и другие экономические интересы тесно связаны с потребностями. Это следует из того, что изменение материальных жизненных условий можно считать их улучшением только в том случае, если оно обеспечивает лучшее удовлетворение потребностей в исторически определенной совокупности жизненных условий, необходимых для нормального функционирования и развития человека в обществе. При этом речь идёт именно о связи интересов и потребностей, а не об их тождестве. Личные потребности, если брать их в целом, хотя и имеют глубокую объективную основу, всё же субъективны по форме и зависят от целого ряда неэкономических факторов. Они определяются не только экономическим положением человека, но и сферой общественного сознания, не только наличной жизненной обстановкой индивида, но и обстоятельствами, давно прошедшими, воспитанием, наконец. Для того чтобы выделить из потребностей их объективное содержание, различают поэтому общественно необходимые потребности как потребности в исторически определенной и объективно необходимой для развития человека совокупности жизненных условий и фактически существующие у конкретного человека потребности, которые в том или ином отношении отличаются от первых. Человек может испытывать и такие потребности, в удовлетворении которых он объективно не заинтересован. Потребности, являясь отражением в сознании людей условий их индивидуального развития, следовательно, субъективны не только по форме, но до известной степени и по содержанию. В интересах же, если речь идёт об экономических интересах, нет ни грана субъективности, так что как бы ни различались два человека как личности, но в той мере, в какой совпадает экономическое положение этих людей, совпадают и их экономические интересы,

являющиеся объективной характеристикой их экономического положения.

Чехословацким ревизионистом О. Шиком экономические интересы определялись субъективистски как *«концентрированная, относительно устойчивая направленность внимания человека на удовлетворение определенных объективно обусловленных потребностей, которые либо удовлетворяются далеко не полностью и поэтому постоянно приковывают внимание человека, либо вследствие силы вызываемых эмоций и чувств рождают особое, всё более сильное желание человека»*. При таком понимании экономический интерес превращается в разновидность психологических интересов. Нет, однако, ничего более ошибочного, чем подмена экономических категорий, являющихся объективными характеристиками производственных отношений, категориями психологии. Неверно было бы подменять объективные экономические категории категориями сознания, как в том случае, когда интересы определяются как осознанные потребности. Совершить такую подмену – значит в корне порвать с марксистской методологией изучения общественных движений, ибо на место объяснения действий людей из общественного бытия, из объективных экономических интересов ставится в этом случае объяснение их из сознания, на место объективных экономических интересов классов – их субъективные устремления, и по существу отвергаются объективная основа и неизбежность классовой борьбы. Такой подход освещает и возводит в ранг решающих классовых интересов устремления отсталых слоёв трудящихся, ещё не поднявшихся до осознания своих коренных интересов и приносящих их в жертву побочным и сиюминутным.

Оппортунизм получает, следовательно, своё теоретическое оправдание и марксистское по форме выражение, что не может не быть выгодным реакционным классам, не может не отвечать их объективным классовым интересам.

Различие между экономической и психологической категориями интересов нашло своё выражение даже в языке. Про экономический интерес не говорят «интерес к чему-либо», говорят, что он заключается в чём-либо. А история изобилует ситуациями, когда люди интересуются тем, в осуществлении чего они объективно не заинтересованы, и довольно долгое время не интересуются тем, что составляет их коренной интерес. Вся практика классовой борьбы является тому подтверждением и показывает, сколь сложна проблема осознания трудящимися классами своих объективных экономических интересов. Главной задачей политической партии по сути дела и является разъяснение своему классу его объективных интересов и руководство его борьбой за реализацию этих интересов.[1] Поэтому отождествление интереса как объективной категории и интереса как уже осознанного, прошедшего через голову и ставшего в качестве стимула элементом сознания, не только было бы грубейшей методологической ошибкой, но и вело бы к ревизионистскому принижению роли партии как сознательного авангарда класса.

Из понятия экономических интересов вытекает, что любая группа людей, положение которых в системе производственных отношений имеет общие черты, обладает и определенной общностью интересов, поскольку выгодное одному оказывается выгодным и другим представителям рассматриваемой группы, что социальные группы, отличающиеся по своему положению в системе производственных отношений, отличаются и по характеру и способу удовлетворения своих материальных интересов, что различия в экономическом положении означают и различия в интересах. При этом ни интересы личностей, ни интересы коллективов, ни интересы классов и слоёв не могут полностью совпадать.

---

[1] «Именно для того, чтобы масса *определенного класса* могла научиться понимать свои интересы, свое положение, научиться вести свою политику, именно для этого необходима организация передовых элементов класса» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 37).

Наибольшее совпадение интересов, когда можно сказать, что всем представителям данной группы людей выгодно практически одно и то же, наблюдается у членов одного и того же класса, поскольку в один класс индивидуумы попадают как раз в силу их одинакового положения в системе производственных отношений. В. И. Ленин о понятии классов писал следующее: *«… действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собой по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства, и следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, – одним словом, к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества»*. [1] Что выгодно представителям данного класса – это определяется их местом в исторически сложившейся системе общественного производства, отношением к средствам производства, ролью в общественной организации труда, размером и способами получения той суммы общественного богатства, которой они располагают, т. е. вытекает из самой природы класса, глубоко вскрытой в известном ленинском определении. Интересы класса существуют поэтому объективно, независимо от воли его представителей или степени осознания ими этих интересов. Интересы классов отличаются в той мере, в какой отличается положение классов в экономической структуре общества.

В. И. Ленин подчёркивал, что политика классов есть выражение их осознанных экономических интересов. Он писал: *«...самые глубокие корни и внутренней и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами,*

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 430.

экономическим положением господствующих классов нашего государства».[1] В этом плане и надо понимать знаменитую ленинскую формулу: *«Политика есть концентрированное выражение экономики...»*.[2] Из этого исходят, когда говорят, что всякий политический союз есть «брак по расчёту», в основе которого лежат объективные экономические интересы классов.

Будучи осознан, интерес превращается в движущую силу, в побудительный мотив, рождает стремление отстаивать его, действовать в направлении реализации этого интереса. Положение рабочего класса в системе капиталистических производственных отношений таково, что ему объективно выгодно уничтожение эксплуатации и построение бесклассового коммунистического общества. Осознание интересов подняло рабочий класс на борьбу и привело к установлению его диктатуры.

С превращением рабочего класса в класс, господствующий не только в политическом, но и в экономическом плане, т. е. с установлением общественной собственности на средства производства, его экономические интересы стали господствующими. Это значит, что все вопросы в социалистическом обществе решаются с позиций рабочего класса, с целью построения коммунистического общества и действия всех подчиняются этому главному направлению действий. Подчинение развития всего общественного производства интересам рабочего класса реализует общественную собственность экономически. Это следует из того, что общественная собственность как экономическая реальность может иметь место лишь благодаря подчинению производства общественным интересам, а общественные интересы, пока классы

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 327

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

ещё не уничтожены, имеют классовый характер и суть интересы наиболее передового, рабочего класса.

Определение общественных интересов как наиболее прогрессивных, наиболее передовых, является принципиальным. Всякое иное их понимание означало бы, что в ранг общественных возведены интересы не самые передовые и из числа общественных исключены действительно прогрессивные интересы.

При социализме впервые складывается общность интересов в масштабах всего общества. И рабочий класс, и колхозное крестьянство, и интеллигенция в силу своего экономического положения объективно заинтересованы в построении коммунизма. Однако пока сохраняются различия в экономическом положении, наряду с общностью сохраняются и различия в интересах. Наиболее заинтересованными в осуществлении полного коммунизма являются рабочие и крестьяне, так как им он несёт коренной переворот в условиях и содержании их труда, в повышении образовательного уровня и овладении богатствами мировой культуры. В то же время по сравнению с колхозным крестьянством рабочий класс лишён целого ряда интересов, противоречащих коренным интересам, поскольку он связан с самой передовой формой собственности. *«Рабочие – самая революционная, дисциплинированная и организованная сила общества, наиболее последовательно заинтересованная в осуществлении социалистических и коммунистических целей общественного развития»*.[1]

Рабочий класс занимает такое положение, что удовлетворение его интересов необходимо ведёт к удовлетворению интересов всех слоёв и классов социалистического общества и интересы, совпадающие по направлению с интересами рабочего класса, составляют ядро

---

[1] Брежнев Л. И. Речь на заводе «Авто-Прага», 27 мая 1971 г. – «Правда», 1971, 28 мая.

личных экономических интересов всех трудящихся. Как подчеркивается в резолюции XXIV Съезда КПСС, *«на базе социалистических интересов и коммунистических идеалов рабочего класса всё более укрепляется единство советского общества»*. [1] По мере развития производительных сил социалистического общества, по мере роста кооперации труда в масштабах всего общества и перерастания социалистической собственности в коммунистическую будут преодолеваться социально-экономические различия между людьми и возрастать общность экономических интересов. В то же время, как подчеркивается в Программе КПСС, *«поскольку рабочий класс – самая передовая, организованная сила советского общества, он осуществляет свою руководящую роль и в период развёрнутого коммунистического строительства. Выполнение своей роли руководителя общества рабочий класс завершит с построением коммунизма, когда исчезнут классы»*.[2]

Глубинной основой единства интересов трудящихся при социализме служит общественный характер производства, усиливающийся в условиях быстрого научно-технического прогресса. Но сам по себе общественный характер производства не гарантирует этого единства. Интересы – характеристика не производительных сил, а производственных отношений, поэтому единство интересов может быть обеспечено лишь при условии объединения общественной собственностью на средства производства всех предприятий в единое целое, в единый организм, развивающийся по общему плану в общественных интересах. Без этого, без планового централизованного управления экономикой единство интересов было бы ограничено рамками «кооперативного социализма» – идеала анархосиндикализма, ликвидирующего общность интересов в

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 203.

[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, с. 101.

масштабах общества. Такой «идеал» пытались реализовать ревизионисты в Чехословакии.

Коллективные интересы работников предприятия появляются как свидетельство известной общности условий, в которых находятся члены производственного коллектива. От лучшей организации производства на данном предприятии выигрывают все работники. Удовлетворение их материальных интересов в значительной мере опосредствуется предприятием и связано с выполнением плана предприятия, который составляет часть общего плана всего народного хозяйства. Интересы коллектива поэтому в значительной мере определяются формой связи, сочетания интересов отдельных трудящихся, входящих в его состав, и общества.

Общность интересов работников предприятия ещё более рельефно проявляется в условиях новой системы планирования и материального стимулирования, так как более полное их удовлетворение поставлено в прямую зависимость от итогов работы всего предприятия.

При плановом централизованном управлении экономикой в общественных интересах трудящиеся, будучи членами своих производственных коллективов, являются одновременно и прежде всего членами общества ассоциированных производителей, членами единого всенародного производственного, коллектива. Основное, коренное содержание интересов коллектива выражено поэтому общественными интересами.

Общественные интересы – ядро коллективных. Коллективу предприятия объективно выгодно руководствоваться в своей хозяйственной деятельности общественными интересами, даже если это и не обеспечит ему немедленного повышения заработной платы. При условии аналогичного подхода со стороны других коллективов (что обеспечивается производственной дисциплиной и социалистическим соревнованием) это не может не вести к

более быстрому развитию общественного производства и, следовательно, к более быстрому росту среднего уровня заработной платы в народном хозяйстве вообще и в данном коллективе, в частности.[1] Это, во-первых. Кроме того, надо учесть, что рост общественных фондов потребления и улучшение условий труда связаны опять-таки с развитием всего общественного производства. Таким образом, материальные интересы коллектива предприятия наилучшим образом удовлетворяются тогда, когда коллектив стремится действовать в общественных интересах.

Часто выдвигающийся в литературе лозунг «То, что выгодно обществу, должно быть выгодно и предприятию» ставится, как следует из предыдущего, не вполне корректно, так как подвергает сомнению тот факт, что с установлением социалистических производственных отношений в силу самого их характера то, что выгодно обществу, не может не быть объективно выгодным коллективу предприятия. Другое дело, что эта выгода не всегда является непосредственной, не всегда выражается в рублях заработной платы или премии; бывает, что она не сразу осознаётся. Но от этого она отнюдь не перестает существовать. Достаточно вспомнить, что переход от неполного среднего к всеобщему среднему образованию принадлежит как раз к числу таких выгод. То же можно сказать об увеличении общественных фондов и средней заработной платы в народном хозяйстве. Речь, по-видимому, ведут о том, чтобы сделать то, что выгодно

---

[1] Если обратиться к данным статистики, то легко убедиться в том, что рост заработной платы работников определяется успехами в развитии всего общественного производства.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих (в руб.)

1940 г.	1950 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1974 г.
33,1	64,2	80,6	96,5	122,0	140,7

Нельзя забывать о том, что фонд распределения по труду есть величина переменная, а не неизменная, поэтому всем коллективам даже с точки зрения увеличения заработной платы следует прежде всего заботиться о росте этого фонда, а не об увеличении своей доли в этом фонде. Надо помнить, что при социализме одним из важнейших интересов общества является повышение заработной платы трудящихся и этот интерес реализуется в той мере, в какой растёт общественное производство.

обществу, непосредственно влияющим на уровень заработной платы и премии – следовательно, всего лишь о материальной заинтересованности.[1] Однако было бы крупной ошибкой сводить весь комплекс экономических интересов личности лишь к формам непосредственной материальной заинтересованности.

При анализе социалистической системы интересов нельзя, как следует из вышесказанного, рассматривать общественные интересы, с одной стороны, и коллективные и личные – с другой, как абсолютно тождественные друг другу или как не имеющие ничего общего. Общественные интересы, по крайней мере основные, будучи коренными, объективно составляют ядро экономических интересов каждого трудящегося и коллектива и обеспечивают единство интересов личности, коллектива и общества. Нельзя, конечно, забывать, что среди интересов как личности, так и коллектива есть и такие, которые объективно противоречат общественным. Однако нет ничего более нелепого, чем изображение интересов личности и коллектива как чего-то противостоящего общественным интересам или интересам других коллективов. Различие интересов есть, но единство является здесь определяющим, господствующим моментом и составляет прочную основу для разрешения возникающих противоречий.

К сожалению, рядом авторов даётся такое определение личных и коллективных интересов, которое лишает их коренного содержания и как следствие извращает структуру экономических интересов при социализме. Б. В. Ракитский, например, пишет: *«Личный экономический интерес, носителем и выразителем которого является отдельный работник, состоит в обеспечении общественно необходимого уровня удовлетворения потребностей этого работника»*. [2] Такое определение

---

[1] Принято считать, что материально заинтересовать личность или коллектив в выполнении того или иного планового задания – значит поставить (прежде всего через оплату труда) уровень удовлетворения их материальных интересов в непосредственную зависимость от выполнения этого задания.

[2] Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования. М., 1969, с. 40.

превращает интересы субъектов производственных отношений из характеристики их положения в системе этих отношений в отражение общественно необходимых потребностей работников. Построение бесклассового коммунистического общества, составляющее важнейший экономический интерес трудящихся, этим определением не выражено и согласно ему не входит в состав личных экономических интересов. *«В социалистическом обществе,* – пишет Б. В. Ракитский, – *должен быть самостоятельный носитель общественного экономического интереса, способный действовать в целях его осуществления. Эту функцию выполняет социалистическое общество в целом, представляемое государством»*.[1]

Б. В. Ракитский в своих книгах нигде прямо не указал, является ли трудящийся при социализме носителем общественных интересов или эту функцию выполняет лишь общество в целом, представляемое государством. Оставлять этот вопрос невыясненным и, более того, давать определение личных интересов как не включающих в себя общественные в качестве ядра и главного содержания – значит оставлять не просто лазейку, а распахнутую дверь для немарксистских, буржуазных трактовок социализма. Буржуазные идеологи изображают социализм строем, в котором общественные интересы существуют как нечто чуждое непосредственным производителям, никто лично в построении коммунизма не заинтересован, и все понуро бредут вперёд, лишь понукаемые большевистским государством. Исходя из такого представления о социализме буржуазные советчики предлагают в максимальной степени сократить сферу централизованного планирования и управления, отказаться от директивных и административных методов управления и заменить государственное управление стихийностью товарно-денежных отношений.

---

[1] Ракитский Б. В. Формы хозяйственного руководства предприятиями. М., 1969, с. 10.

Трудно согласиться и с трактовкой коллективных интересов, которую даёт Б. В. Ракитский. *«В чём,* – пишет он, – *состоит интерес социалистического предприятия, или, что то же самое, интерес коллектива? Он состоит в получении возможно большего поощрения от общества за выполнение государственных заданий».* [1] Здесь отсутствует главное в содержании интересов производственного коллектива социалистического предприятия: первостепенное обеспечение общественных интересов. Из этого определения вытекает, что производственному коллективу выгодно получать за выполнение заданий возможно большее «поощрение» и этим круг его экономических интересов исчерпывается. Между тем каждый коллектив при социализме в силу своего положения в структуре общественного производства объективно заинтересован во всём, что способствует росту общественного производства и развитию социалистического общества, и общественные интересы входят в круг его экономических интересов, причём в качестве не просто составной, но главной его части.

На этом основана социалистическая система взаимоотношений между предприятием и обществом: управление предприятиями осуществляется так, чтобы они, стремясь выполнить общественный заказ, получали и высокую прибыль. Той трактовке, которую интересам коллектива даёт Б. В. Ракитский, соответствует прямо противоположная схема. По мнению Г. Лисичкина, нужно *«так управлять предприятиями, чтобы они, стремясь увеличить свою прибыль, выполняли в то же время общественный заказ».*[2] Но ведь речь должна идти не о товаропроизводителе, работающем на заказ, для которого дело обстоит именно таким образом, а о социалистическом предприятии, ведущем непосредственно общественное

---

[1] Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 39–40.

[2] Лисичкин Г. Что человеку надо? М., 1974, с. 40.

производство. В противном случае легко прийти к тому, к чему и пришёл Г. Лисичкин, – к отрицанию общественной собственности на производимый предприятием продукт: *«Ориентация на валовой доход обеспечивает такое положение, когда предприятие становится собственником созданного им продукта»*.[1]

Единство действий производственных коллективов при социализме может быть обеспечено только благодаря единству интересов, благодаря тому, что общественные интересы составляют ядро экономических интересов непосредственных производителей материальных благ, и именно на эти, общие для всех интересы и опирается социалистическое государство при организации планового централизованного управления экономикой.

Заключая, подчеркнем, что общественные интересы при социализме имеют классовый характер и суть интересы рабочего класса, выражающего коренные интересы всех трудящихся. Они оказывают решающее влияние на всю экономическую жизнь. Интересы, совпадающие по направлению с общественными, непосредственно присущи каждому трудящемуся и коллективу и составляют ядро их экономических интересов. К этим выводам можно прийти, рассматривая экономические интересы при социализме как объективную характеристику социалистических производственных отношений, характеристику того положения, которое трудящиеся в них занимают.

---

[1] Там же, с. 188.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ[1]

Вопрос о роли социалистического государства в использовании экономических законов в литературе решается по-разному, в зависимости от того, как понимается общественная собственность на средства производства. Целесообразно поэтому начать с выяснения этого понятия.

Собственность – это такая категория, которая характеризует производственные отношения как отношения присвоения, то есть как отношения между людьми, обеспечивающие господство определенных лиц или групп лиц над определенными материальными благами. Формы собственности отличаются, во-первых, тем, кто и над какими материальными благами господствует и, во-вторых, тем, как посредством производственных отношений обеспечивается, закрепляется и воспроизводится это господство. Взятые с этой стороны, производственные отношения выступают как "развернутые" отношения собственности, как такие производственные отношения, которые обеспечивают обществу фактическое господство над средствами производства.

Господство общества нельзя понимать иначе как господство общественных интересов. Поэтому общенародной собственности соответствует система производственных отношений, в которой средства производства используются в общественных экономических интересах. Такая система противостоит системам частной собственности, где средства производства используются в интересах экономически обособленных лиц или групп лиц.

Общенародная собственность проявляется тем полнее, чем полнее реализуются в экономике общественные интересы и чем надежнее исключаются случаи присвоения общенародного достояния отдельными лицами или коллективами. Степень подчинения действий производителей общественным интересам

---

[1] Н. А. Моисеенко, М. В. Попов. В кн. «Теоретические аспекты использования экономических законов в развитом социалистическом обществе». Москва. 1975 г.

дает поэтому количественную меру развития этой собственности. Общенародная собственность может существовать лишь как система отношений планомерно управляемого производства. Для того, чтобы развивалось обобществление на деле, необходимо наличие экономического центра, объединяющего единым планом всю экономику и направляющего весь ход общественного производственного процесса в интересах общества. Отсюда следует, что центр хозяйственного управления при производстве, основанном на общенародной собственности, является неотъемлемым элементом базиса, а отношения директивного управления – важнейшими базисными, экономическими отношениями. Было бы неправильно поэтому представлять себе базисные отношения коммунистической формации по аналогии с базисными отношениями капиталистической формации, где экономика в масштабах общества практически не управляема, и попытки регулирования общественного производства со стороны буржуазного государства противоречат самой сути капиталистической экономики как экономики обособленных частных производителей. В основанном на частной собственности капиталистическом обществе отношения управления могут иметь экономический характер только на уровне отдельных монополий. Напротив, в обществе ассоциированных производителей, характеризующемся непосредственно общественным характером производства, отношения директивного управления охватывают всю экономику, и, обеспечивая кооперацию труда в общественных масштабах, становятся важнейшими экономическими отношениями.

Субъективная по форме деятельность по управлению экономикой является здесь объективно необходимой деятельностью, существенное содержание которой заключается в том, чтобы объединять экономику в единый организм, развивающийся в общественных интересах. Степень соответствия деятельности по управлению этой задаче является мерилом объективности этой субъективной деятельности. Чем больше использование средств производства подчиняется общественным интересам, чем полнее обеспечиваются они экономической деятельностью, тем полнее проявляется общественная

собственность на средства производства.

Поскольку экономика коммунистической формации – это экономика централизованно управляемая, то и законы коммунистической формации – это законы централизованного, планомерно управляемого хозяйства. Планомерное развитие народного хозяйства и управление им из единого центра – это необходимое условие того, чтобы действовали экономические законы коммунистической формации.

Плановое централизованное управление экономикой является не только условием действия, но и формой проявления экономических законов коммунистической формации. План, определяя посредством натуральных и агрегированно-натуральных заданий натурально-вещественную структуру производства, подчиняет производство объективной цели производства, основному экономическому закону. Посредством плановых заданий по росту эффективности производства и внедрению новой техники обеспечивается соблюдение закономерности повышающейся эффективности производства. В планировании фонда накопления и капитальных вложений находит свое проявление закон социалистического накопления и т. д.

Поскольку в коммунистической формации наиболее точное следование объективным экономическим законам является важнейшим требованием общественных интересов, постольку управление в соответствии с экономическими законами является формой их использования. Плановое распределение средств производства, например, непосредственно соответствуя закону планомерного развития, уничтожает стихийность производства и позволяет благодаря этому обеспечить удовлетворение общественных экономических интересов. Организация планового распределения средств производства (т. е. управление их распределением) – есть поэтому форма использования закона планомерного развития.

Использование экономических законов в коммунистической формации состоит, таким образом, в том, чтобы, подчиняя функционирование экономики общественным интересам, обеспечивать тем самым реализацию требований объективных

экономических законов. Следует, однако, отметить, что к использованию экономических законов деятельность по управлению экономикой отнюдь не сводится, ибо требования общественных интересов не исчерпываются требованиями соблюдать экономические законы, а являются значительно более богатыми.

При социализме, пока еще классы полностью не уничтожены, непосредственно общественные экономические интересы имеют классовый характер; они суть интересы передового, рабочего класса, являющегося выразителем коренных интересов всех трудящихся. Этот факт не может не наложить отпечатка на всю экономическую жизнь. Остановимся на данном вопросе подробнее.

Для того, чтобы развивалась социалистическая собственность на средства производства, необходимо, как уже говорилось, обеспечить господство в экономике интересов общества. Они обеспечиваются лишь при том условии, что руководство экономикой осуществляет политически господствующий рабочий класс в союзе с колхозным крестьянством. Рабочий класс руководит экономикой через свой авангард – коммунистическую партию, которая, опираясь на познание экономических законов, использует их в практике коммунистического строительства.

Использование экономических законов при социализме, так же, как и на высшей стадии коммунизма, состоит в том, чтобы на основе познания этих законов выполнять их требования и обеспечивать реализацию общенародных экономических интересов в том конкретном содержании, которое они здесь имеют.

Поскольку интересы общества при социализме выражены интересами политически господствующего класса, а аппаратом для проведения интересов господствующего класса является, как известно, государство, постольку управление экономикой при социализме имеет государственный характер; только государство может быть центром экономического управления, а общенародная собственность на все основные средства производства неизбежно принимает государственную форму.

Обеспечивая развитие производства по единому плану в государственных интересах, т. е. в интересах политически господствующего класса, социалистическое государство обеспечивает тем самым развитие экономики в общественных интересах, обеспечивает обобществление на деле.

Совершенно очевидно, что центр хозяйственного управления при социализме, составляя единое целое с политическим центром, не теряет от этого своего базисного характера, равно как и отношения директивного управления экономикой, получив государственную форму и правовое опосредствование, не теряют экономического характера. В условиях социализма отношения управления являются важнейшими базисными отношениями. Социалистическое государство управляет экономикой не откуда-то извне самой экономики, а находится этой стороной своей деятельности как бы внутри ее.

Мы видим, таким образом, что в социалистическом обществе базис и политическая надстройка находятся не только в соотношении определяющего и определяемого, взаимодействуя друг с другом, но что они теснейшим образом переплетаются, внутренне проникая друг в друга, и эту особенность социализма нельзя не учитывать. Тот факт, что центр политического руководства является в то же время и центром экономического управления, предъявляет большие требования к политическому руководству, к революционной теории, к сфере идеологии и вообще к сфере общественного сознания. Правильное понимание экономических интересов и экономических законов, дальновидное и твердое марксистско-ленинское руководство экономикой со стороны коммунистической партии, как показывает опыт Советского Союза, в громадной степени способствует ускорению социального развития. События в Чехословакии конца шестидесятых годов дали пример, показывающий, что с другой стороны, замедление экономического развития и развитие нежелательных тенденций в экономике является неизбежным следствием заражения партии и общества оппортунизмом и ревизионизмом. Только после того, как здоровое марксистско-ленинское ядро КПЧ победило,

чехословацкая экономика смогла оправиться от кризиса, в который ввергло ее прежнее оппортунистическое руководство.

Социализм – более сложный и более высокоразвитый по сравнению с капитализмом общественный строй. Именно поэтому задачи управления здесь весьма сложны. Недаром В. И. Ленин в качестве главной задачи социалистического строительства выдвигал задачу научиться управлять. Учиться управлять, совершенствовать научную и техническую базу управления, его формы и методы – вот что нужно для полного использования экономических законов социализма. Что же касается различных рецептов, выписанных сторонниками концепции "рыночного социализма" и подчас вроде бы подкупающих простотой конструкций (когда проповедуемая стихийность выдается за надежный автоматизм), то эти рецепты реакционны не только по отношению к социализму, но и по отношению к высшей стадии капитализма, на которой уже подорвано товарное производство.

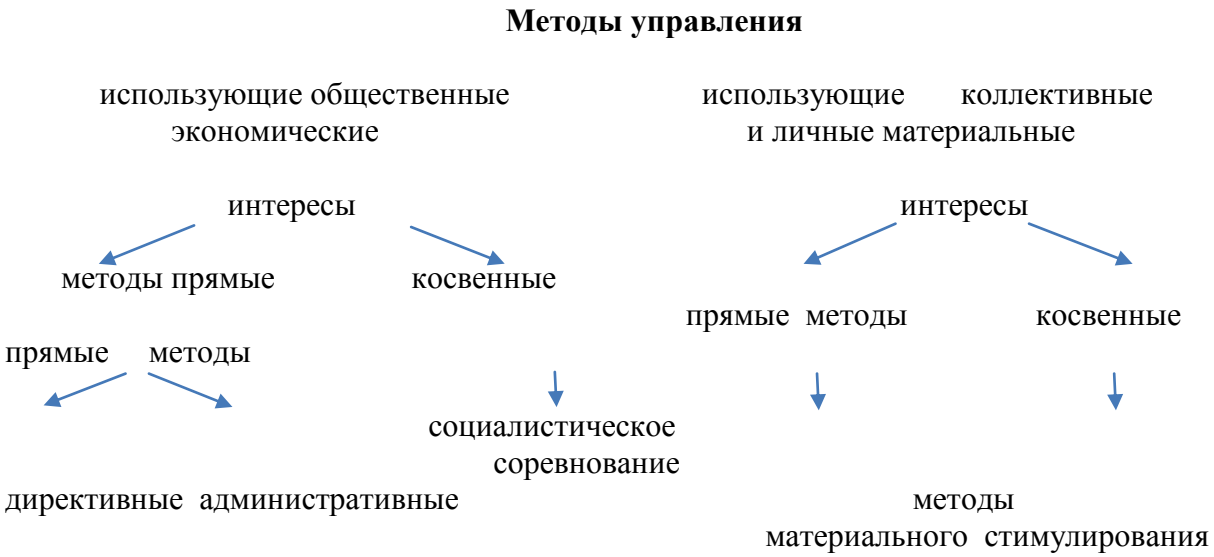
Познание экономической действительности и, прежде всего, экономических законов, выражение интересов передового класса в виде государственных планов, учитывающих требования экономических законов, проведение этих планов в жизнь – такой в самом общем виде смысл использования экономических законов в социалистическом обществе.

Государственный план представляет собой комплекс директив, в совокупности предопределяющих будущее экономическое развитие. Взаимосогласованность и взаимоувязанность директив, входящих в план, должна соответствовать взаимообусловленности и взаимозависимости экономических процессов – только в этом случае эти директивы могут предопределить будущее экономическое развитие и составить план. Поскольку план есть комплекс директив, постольку приоритет планового управления в социалистическом обществе означает приоритет отношений директивного управления, которые в планомерно организованном производстве составляют ядро экономических отношений, обеспечивающих реальное функционирование общественной собственности.

Экономический характер директивного управления со

стороны социалистического государства делает экономическими по содержанию и директивные, и административные методы. Поскольку успешное проведение в экономике общественных экономических интересов на этапе социализма невозможно без использования личного и коллективного материального стимулирования, постольку экономическими при социализме являются и методы материального стимулирования.

Экономическими называются методы, имманентно присущие данному экономическому строю и составляющие элементы базисных отношений управления. Система экономических методов управления при социализме может быть представлена следующим образом:



Директивные и административные воздействия состоят в том, что на основе изучения хода экономических процессов (и, в частности, хода выполнения планов) формируются и доводятся до исполнителей необходимые для успешной реализации общественных интересов управляющие команды, проверяется их выполнение и, в случае невыполнения по вине исполнителей, принимаются меры государственного принуждения. По форме эти методы тождественны и отличаются лишь по значимости управляющих команд: директивы определяют задачи, общее направление и общий ход процесса, а административные указания и распоряжения детализируют их и направлены на их

выполнение.

Директивные и административные (экономически обоснованные) распоряжения, подкрепляемые авторитетом власти, представляют собой наиболее полное и непосредственное выражение общественных интересов. Экономическая необходимость в форме обязательных заданий общества воздействует непосредственно на сознание участников производственного процесса, так что управление в этой форме при условии организации социалистического соревнования в наибольшей степени является управлением людьми, признавая в них способных к осознанию и активной реализации объективной экономической необходимости субъектов. Однако без опосредствованного воздействия на сознание человека, без использования личного и коллективного материального стимулирования на этапе социализма обойтись еще нельзя.

Если предприятие получает конкретное задание, но его невыполнение предполагает только материальную ответственность, мы имеем дело с прямым методом материального стимулирования. Такой метод используется, например, тогда, когда в связи с невыполнением установленных повышенных требований к качеству продукции фонд материального стимулирования сокращается, однако административной ответственности руководство предприятия не несет. Чаще всего материальная ответственность дополняется административной, поэтому в чистом виде прямые методы материального стимулирования на поверхности экономической жизни проявляют себя довольно редко.

Косвенные методы материального стимулирования, как и социалистическое соревнование, не предполагают прямых заданий и лишь стимулируют деятельность коллективов в определенном общественными интересами направлении. Косвенные методы материального стимулирования связаны с целой системой использования стоимостных и товарно-денежных форм, однако как методы социалистического управления функционируют лишь при условии господства директивного планового управления, ориентируя действия трудящихся на выполнение плана и директив центра.

Систему планового управления социалистической экономикой нельзя рассматривать как конгломерат, механическое соединение различных, органически не взаимосвязанных приемов и методов регулирования экономических процессов. Напротив, это есть система диалектически взаимообусловленных и, таким образом, органически взаимосвязанных элементов (мер, приемов, методов) сознательного целенаправленного управления экономическими процессами в общественных интересах, использования в хозяйственной практике объективных экономических законов. Эта система построена на принципе разделения и спецификации функций, выполняемых каждым ее составным элементом в ходе планового регулирования развития всего народного хозяйства. В ней директивные, административные методы, равно как и методы материального стимулирования, каждые выполняют свои специфические функции. Поэтому место и роль тех или иных методов управления всегда следует рассматривать не изолированно, а обязательно с учетом последствий, с учетом того, как будет функционировать в случае утраты или недостаточного использования каких-либо методов вся система управления в целом и будет ли она вообще воспроизводиться как социалистическая. Несмотря на кажущуюся абстрактность, спор о методах управления, развернувшийся в экономической литературе, имеет, следовательно, далеко не только теоретический аспект.

Народнохозяйственный план составляет основу системы социалистического управления. Он развивается директивами, направленными на выполнение плана. Директивы, как входящие, так и не входящие в план, дополняются административными распоряжениями и указаниями, призванными обеспечить выполнение директив. В сфере оперативно-хозяйственной самостоятельности действия трудящихся направляются па реализацию общественных интересов с помощью социалистического соревнования и методов материального стимулирования. Кроме того, выборочная детальная проверка выполнения директив, предание гласности всех фактов нарушения общественных экономических интересов и принятых по ним мер также является одним из эффективных средств,

позволяющих добиваться проведения общественных экономических интересов в сфере оперативно-хозяйственной самостоятельности.

Правильное понимание соотношения методов управления прямо связано с определением роли социалистического государства как центра экономического управления воспроизводственными процессами, места плана и систем плановых показателей. Неверная трактовка сути организации планомерного процесса воспроизводства обуславливает негативное отношение к натуральным и агрегированно-натуральным показателям, индивидуальным плановым заданиям предприятий, к системе планового распределения средств производства и обязательности планов, приводит к попыткам представить план всего лишь регистратором складывающихся хозяйственных ситуаций[1] и т. д.

Ревизионисты, во главе которых выступил чехословацкий ревизионист и ренегат О. Шик, приложили максимум усилий к тому, чтобы дискредитировать экономический характер отношений директивного управления и вообще систему директивного планового управления, которую они третировали как чисто административную, противопоставить ей "истинно экономическую систему, основанную на полном использовании товарно-денежных отношений и экономических рычагов” (под которыми они понимают исключительно лишь методы материального стимулирования).

Социалистическому государству отводилась по существу лишь роль органа рыночного регулирования и центра экономических прогнозов, основанных на изучении тенденций стихийного рыночного развития. Исходя из ревизионистского утверждения о том, что социалистическое производство является товарным по своему характеру, они требовали дать свободу регулятору товарного производства – закону стоимости (а для этого предлагали устранить плановые цены, планирование выпуска и централизованное снабжение средствами

---

[1] "Можно сказать, – пишет, например, Е. Г. Либерман, – что план – это проекция на сетку времени всех действующих договоров (нарядов), срок исполнения которых приходится на данный год или квартал” (Е. Г. Либерман. Экономические методы повышения эффективности общественного производства, "Экономика", 1970, стр.77).

производства). Механизм действия закона стоимости – это есть механизм спроса-предложения, свободных колебаний цен и объемов производства, механизм рыночной конкуренции. Предоставить ему свободу регулирования означало бы подрыв социалистического хозяйствования, между тем экономическая литература продемонстрировала целый спектр подобных идей и рекомендаций, от наиболее открытых до замаскированных фразами о переходе к макроэкономическому, индикативному, параметрическому планированию, к "истинно экономическим методам" и т. д.

Отрицание экономического характера отношений директивного управления социалистической экономикой является по существу отрицанием экономического характера кооперации труда в масштабе общества, отрицанием общенародной собственности, ибо отношения директивного управления являются важнейшими отношениями, обеспечивающими использование средств производства в общественных интересах. Благодаря прежде всего директивному управлению со стороны социалистического государства, общество осуществляет реальное господство над условиями производства.

К сожалению, в нашей литературе еще не изжито стремление "лишить" отношения управления их экономического характера, исключить их из числа экономических отношений. У некоторых авторов распространенным стало противопоставление ведущих для социалистической плановой экономики и тесно связанных с директивным планированием директивных и административных методов методам материального стимулирования. Первые объявляются неэкономическими не только по названию, но и по существу, и характеризуются негативно, последние освещаются в розовом свете. Вот характерное высказывание Я. А. Кронрода: "Административное руководство часто (?) не считается с наличием противоречий между общественными и коллективными, коллективными и личными интересами, обязывает предприятие вопреки его интересам заниматься деятельностью, нужной обществу, а работника – деятельностью, необходимой предприятию, безотносительно (?) к тому,

насколько это соответствует его личным интересам. Во многих (?) случаях эти задания или совсем не выполняются, или их реализация дает очень мало эффекта, ибо вместо экономического побуждения действуют только (?) административные рычаги"[1]. По Я. А. Кронроду фактически выходит, что в случае возникновения противоречий между общественными и групповыми интересами следует поступиться первыми во имя последних; что экономические побуждения, проходящие непосредственно через сознание, ниже рангом, чем те, которые проходят через желудок.

Казалось бы, каждый метод хорош в своей области и не годится в других, что методы – это только инструменты в руках хозяйственных органов и будут ли они использоваться в соответствии с требованиями экономических законов или вопреки им, зависит не от методов, а от хозяйственных органов и тех рекомендаций, которые дает им экономическая наука. Однако то отношение, которое к директивным методам развивает Я.А.Кронрод, получило все же распространение. Некоторые экономисты настойчиво пытаются закрепить за директивными методами ярлык "административно-волевых" и тем самым противопоставить их методам материального стимулирования, которые, по их мнению, одни только заслуживают право считаться экономическими. Вот, например, характерное заявление: "Усиление экономических методов руководства народным хозяйством сопровождается серьезными изменениями в экономических отношениях людей, ибо центр тяжести в этих методах с административно-волевых функций переносится на экономическое саморегулирование производства"[2]. По мнению Н. Д. Колесова, в ходе экономических реформ должно происходить "вытеснение административно-волевых методов руководства народным хозяйством экономическими"[3]. Вряд ли с этим можно согласиться. Собственность социалистического

---

[1] Я. А. Кронрод. Закон стоимости и социалистическая экономика. М.,1970, стр.47.

[2] Н. Д. Колесов, Социалистическая собственность. В кн.: «История политической экономии социализма (очерки)», изд-во ЛГУ, 1972, стр.117–118.

[3] Н. Д. Колесов. Общественная собственность на средства производства - основное производственное отношение социализма, изд-во ЛГУ, 1967, стр.108.

государства, как было показано выше, реализуется прежде всего в отношениях директивного управления, и с вытеснением этих отношений, как продемонстрировали события в Чехословакии, собственность социалистического государства неизбежно разрушается.

Несмотря на то, что экономические реформы, как и всякие реформы, по самой сути этого понятия не предполагают коренных, принципиальных изменений в системе производственных отношений социализма, буржуазные критики социализма и ревизионисты использовали их как предлог для того, чтобы выступить против централизма и посредством подрыва отношений директивного управления попытаться разрушить государственную форму общественной собственности, а вместе с ней и саму общественную собственность, которая не может существовать вне присущих ей форм. Подрывая руководящую роль государства в экономике, они стремятся подорвать руководящую роль коммунистической партии и рабочего класса, разрушить социализм как общественный строй.

Нельзя также, говоря об управлении экономикой социализма как государственном управлении, не подвергать критике концепции, в которых преуменьшалось единство экономики социализма и преувеличивалась обособленность производственных коллективов. Нельзя в связи с этим считать обоснованными и проявившиеся в работах некоторых авторов представления о социалистических предприятиях как владельцах принадлежащих обществу средств производства. "Предприятие, – пишет, например, Н. Д. Колесов, – выступает владельцем не только юридически, но и экономически"[1]. К. Маркс, напротив, писал и подчеркивал, что производительные силы "возьмет в свое владение организованное для совместной планомерной работы общество"[2]. Владение, конечно, еще не есть собственность, но это утверждение не снимает вопроса о том, в чьем же владении находятся средства производства – производственных

---

[1] Н. Д. Колесов. Общественная собственность на средства производства, характер труда. Основной экономический закон социализма. В кн. «Политическая экономия социализма (научно-методическое пособие преподавателю)». Изд-во ЛГУ, 1970, стр.34.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр.154.

коллективов или общества в целом, кто фактически господствует над ними, ибо, как совершенно справедливо вслед за Марксом заявляет Н. Д. Колесов, под владением "понимается фактическое господство субъекта над вещью"[1].

Нечеткое же представление о сущности отношений собственности тесно связано с нечетким представлением о методах управления. "Принижение роли отдельных коллективов в присвоении общенародного достояния, – пишет Н. Д. Колесов, – отрицательно сказывается на организации производства, принижает значение экономических рычагов. Оно является причиной выдвижения на передний план административно-волевых методов руководства народным хозяйством".

Попытки представить директивное управление неэкономическим не только по названию, но и по существу, явно несостоятельны. Поскольку план есть комплекс директив, постольку эти попытки равносильны отрицанию экономического значения плана. Поскольку директивные методы определяют всю систему социалистических производственных отношений в целом, постольку не признавать их экономического характера означало бы не признавать социализм как экономический строй. При истолковании директивных и административных методов как неэкономических по сути получается, что все грандиозные экономические успехи социализма обязаны в первую очередь неэкономическим методам.

В вопросе о том, какие методы считать экономическими, а какие – нет, требуется историческая точка зрения. Экономическими для данной системы отношений являются такие методы, которые внутренне присущи этой системе, составляют неотъемлемые элементы базисных отношений данной общественно-экономической формации. С этих позиций директивные и административные методы, являющиеся при капитализме экономическими лишь в пределах капиталистического предприятия (капиталистической монополии) и неэкономическими для народного хозяйства в

---

[1] Н. Д. Колесов. Общенародная собственность и относительная обособленность социалистического предприятия. В кн.:"Предприятие в системе народного хозяйства", М.,1972, стр.10.

целом, при социализме, когда они охватывают всю экономику, обеспечивая кооперацию труда в масштабах общества, и когда их содержанием становятся интересы непосредственных производителей материальных благ, являются важнейшими экономическими методами управления.

Экономические реформы предполагали дальнейшее развитие и совершенствование планового централизованного управления, всего арсенала средств и методов социалистического управления и, прежде всего, директивных методов, как важнейших экономических методов управления социалистической экономикой. Уже в самом слове "реформа" содержится указание на то, что оно не предполагает коренных изменений в системе социалистического управления и лишь в известной мере модифицирует ее.

Возникает, однако, вопрос, что побудило некоторых экономистов отказаться от много лет употреблявшегося термина "методы материального стимулирования" и принять для обозначения этих методов термин "экономические методы"? Многие, видимо, просто не заметили такой подмены. Что же касается чехословацкого ревизиониста О.Шика, то он такую подмену совершил вполне сознательно. Поскольку план есть комплекс взаимосвязанных директив, постольку лучшим способом низвести его до уровня необязательных рекомендаций и порвать тем самым с принципом демократического централизма является изображение директивных и административных методов как неэкономических не только по названию, но и по существу, с тем, чтобы требования отказаться от неэкономических методов управления ударяли по директивным и административным методам. Этот прием был использован О.Шиком, чтобы устранить те экономические методы, которые составляют существо социалистического управления.

Приходится поэтому сожалеть, что еще встречаются попытки представить осуществление экономических реформ как отказ от директивных и административных методов управления, а некоторые экономисты совершенствование управления изображают как отказ от преобладания директивного управления, директивных и административных методов. Р. Н. Евстигнеев,

например, не считаясь с тем, что историческое развитие идет от товарности к нетоварности и от стихийности к сознательному управлению экономикой, утверждает: "Преобладание административных связей по сравнению с экономическими не обеспечивало подлинной целостности (?) хозяйств и свидетельствовало о недостаточной еще развитости внутреннего хозяйственного механизма социалистических стран»[1]. Роль директивных и административных методов как формы экономического расчета в управлении социалистической экономикой, вопреки мнению Р. Н. Евстигнеева, отнюдь не уменьшается. Следуя же его мнению, мы должны были бы заключить, что высшая фаза коммунизма, с установлением которой окончательно отомрут методы материального стимулирования, будет иметь совершенно "неразвитый внутренний хозяйственный механизм". Подлинная целостность социалистических хозяйств обеспечивается прежде всего планом и господством отношений управления в общественных экономических интересах.

Некоторые авторы в весьма странном смысле ставят вопрос о "целостной системе экономических рычагов"[2]. Система экономических рычагов, если под ними понимать лишь методы материального стимулирования, может быть целостной сама по себе лишь в системе буржуазного регулирования экономики или в модели "рыночного социализма". Целостная же система экономического управления при социализме ядром своим имеет директивное планирование и управление, а экономические рычаги ориентированы на выполнение директив, как входящих, так и не входящих в план, но направленных на его выполнение. С исключением директивных и административных методов из этой системы она теряет всякую целостность как целостность системы социалистического управления.

Осуществляя экономическую реформу, партия выдвинула формулу: "переход на новые условия планирования и материального стимулирования". Эта четкая формула, видимо, не

---

[1] Р. Н. Евстигнеев. Новые тенденции в управлении экономикой (из опыта европейских стран СЭВ), М., "Мысль", 1972, стр.86.

[2] Л. А. Леонтьев. Экономические проблемы развитого социализма. М., "Наука", 1972, стр.133.

вполне устраивает некоторых авторов, противопоставляющих одни методы планового руководства другим, как якобы неэкономическим, и они заменили ее иной формулой о "переходе к экономическим методам хозяйствования". В результате получилось, что до реформы использовались какие-то неэкономические методы хозяйствования. Следует поэтому подчеркнуть, что задача реформы заключалась в том, чтобы повысить эффективность хозяйствования путем таких изменений в условиях планирования и материального стимулирования, которые позволяют учесть новые возможности, созданные развитием производительных сил, чтобы приспособить систему управления к современным масштабам производства. Речь идет о том, чтобы, развив инициативу трудящихся, во главу угла поставить вопросы интенсификации и повышения эффективности производства и сосредоточить на их решении весь арсенал методов управления социалистической экономикой и, в первую очередь, методов планового управления, как решающих экономических методов управления экономикой при социализме.

Н. А. Моисеенко, М. В. Попов

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ – ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ

ЛЕНИЗДАТ 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросы совершенствования управления экономикой являются предметом всеобщего неослабевающего интереса. Экономика – материальная основа общества. Поэтому речь, по существу, идет о совершенствовании того механизма, посредством которого общество осуществляет сознательное, основанное на познании объективных законов воздействие на ход своего развития. Дискуссия о структуре, формах и методах управления экономикой является, по существу, спором о понимании социализма, о способах и методах строительства коммунизма. Проблема планомерного формирования, функционирования и развития социалистического общества после победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата превратилась в центральную проблему научного коммунизма.

Вот почему этой проблеме уделяют такое большое внимание ЦК Коммунистической партии Советского Союза, советские экономисты, наши друзья и недруги за рубежом. Вот почему она является проблемой, вокруг которой идет острейшая идеологическая борьба.

Социализм, развиваясь, сохраняет и укрепляет себя, воспроизводит себя как социализм. Сохранение и воспроизводство социализма осуществляется планомерно, в результате сознательной деятельности людей. Поэтому важно, чтобы все люди, так или иначе воздействующие на процесс общественного воспроизводства, каждый на своем месте ясно представляли себе ту общественно-экономическую обстановку, в которой они действуют, и те отношения, которые они должны сохранять и развивать, меняя или модифицируя те или иные черты, стороны или моменты производственных отношений, приводя производственные отношения в соответствие с изменившимися производительными силами.

Опыт экономических реформ в странах СЭВ еще раз подтвердил, что при решении проблем совершенствования управления наибольшую сложность представляет не осознание

необходимости изменений, а умение провести эти изменения так, чтобы они были действительно необходимыми при данных изменениях производительных сил и не переходили те границы, за которыми они немедленно превращаются в свою противоположность. Без прочной марксистской научной базы вместо приведения производственных отношений в соответствие с изменившимися производительными силами, вместо укрепления производственных отношений социализма можно получить ослабление или даже извращение и разрушение социалистических производственных отношений, как это имело место в Чехословакии.

Диалектика развития такова, что всякое явление сохраняет и развивает себя лишь в борьбе. Борьба за укрепление и развитие социализма требует уяснения глубинных, сущностных характеристик социализма, неразрывно связанных с этим строем и составляющих основу всех его преимуществ. Централизованное плановое управление экономикой относится как раз к числу таких характеристик. Хорошо известно, что с плановым централизованным управлением связаны все успехи нашей социалистической экономики. Но известное еще не есть вполне познанное.

Проблемы управления социалистической экономикой выдвинуты XXIV съездом КПСС в разряд первоочередных. В материалах съезда с особой силой подчеркивается непреходящее значение ленинского принципа демократического централизма для практики управления народным хозяйством. Многолетний опыт осуществления хозяйственной реформы с непреложной убедительностью показывает, что магистральный путь совершенствования управления – это путь укрепления и развития демократического централизма в экономике, использования общественных интересов и расширения инициативы трудящихся.

Позитивную разработку проблем авторы дают в полемике со сторонниками концепции «рыночного социализма», сочетая ее с наступательной критикой современных ревизионистских концепций.

ГЛАВА I. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ – ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ

1. ПРОЛЕТАРСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ – ОБЪЕКТИВНОЕ ТРЕБОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Общественный характер современного производства. Объективная необходимость пролетарского централизма и планомерности. Усиление тенденции к росту общественного характера производства – основа дальнейшего развития централизма в управлении социалистической экономикой.

Необходимость централизации в управлении социалистической экономикой, нераздельность централизма и общественной собственности, централизма и социализма – одно из важнейших положений марксистской науки об обществе. Эта истина, как и всякая другая марксистская истина, выводится из действительной жизни. Общественная собственность и централизм как проявление этой собственности – объективное требование современных производительных сил, неизбежное следствие роста разделения труда и усиления общественного характера производства.

В развитии общественного характера производства можно проследить две тенденции – объединение прежде различных производственных процессов, слияние всех производственных процессов в единый общественный производительный процесс и, напротив, раздробление, разъединение на отдельные, но взаимосвязанные процессы прежде единых трудовых операций. Отдельные технологические цепочки, связывающие производство сырья и производство предметов потребления, соединяются, таким образом, все более тесно в единую производственную сеть. И в то же время с развитием разделения труда каждая цепочка удлиняется, включая в себя все большее число пунктов перехода от одного звена производства к другому. Каждый же такой пункт – это пункт возможной несогласованности действий, включенных

в общий производственный процесс хозяйствующих субъектов.

В товарном хозяйстве, где господствующей связью между производителями является обмен, пункты возможной несогласованности становятся пунктами действительной несогласованности, и возрастающее единство производственного организма вступает во все большее противоречие с возрастанием числа пунктов нарушения производственного процесса. Без того, чтобы взаимозависимость, взаимопереплетенность и взаимообусловленность экономических процессов были познаны и представлены в виде плана, устанавливающего заранее, до начала производства, соответствующую согласованность действий его участников, без того, чтобы эта согласованность была обеспечена посредством управления экономикой из единого центра, без планового централизованного управления всем общественным производством производство уже не может идти нормально, не говоря уже об эффективном его ведении, об использовании всех потенциальных резервов, заложенных в производительных силах; неизбежны задержка, ограничение или даже остановка производства. Кроме того, стихийно устанавливающиеся пропорции имеют очень мало общего с теми пропорциями, которые могли бы быть установлены сознательно на основе познания законов общественного развития и в соответствии с общественными интересами.

Лишь плановое, централизованное управление может устранить явления, неразрывно связанные со стихийной формой ведения хозяйства, и сделать возможным выбор и реализацию оптимального пути развития экономики. Планирование позволяет заранее учесть, а директивное управление – гарантировать ту цепь событий, которая должна пройти для того, чтобы процесс общественного воспроизводства совершался без сбоев и совершался в соответствии с общественными интересами.

Преимущества планомерности – это, можно сказать, преимущества знания перед незнанием, сознательности перед стихийностью. Производство, имеющее развитый общественный характер, при стихийной его организации постоянно спотыкается, двигаясь путем проб и ошибок, растрачивая в блужданиях по неверным направлениям огромные материальные и трудовые

ресурсы.

Усиление общественного характера производства все более настоятельно требует сознательного установления производственных пропорций и строгого контроля за их соблюдением, следовательно, планирования и централизации в управлении производством. Уже давно пройден тот пункт, когда капиталистические производственные отношения обеспечивали производительным силам наиболее быстрое развитие. Капитализм стал тормозом на пути роста производства.

Наиболее быстрое, наиболее полное и бескризисное развитие может обеспечить современным производительным силам только социализм, как система производственных отношений, характеризующаяся общественной собственностью па средства производства и планомерным ведением хозяйства. Установление социалистических производственных отношений в результате социалистической революции – неизбежное будущее любой капиталистической страны.

На современном этапе развития производительных сил основное противоречие капитализма – между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения – с ростом общественного характера производства обостряется, несмотря на все попытки буржуазии смягчить его (важнейшая из которых – государственное регулирование экономики). Эти попытки являются лишь внешними актами, которые не затрагивают и не могут в принципе затронуть существа этого противоречия.

Действительной планомерности капитализм не давал, не дает и не может дать, поскольку планомерность как целенаправленное управление процессами воспроизводства из единого центра требует единства целей агентов производства, а для единства целей необходимо единство интересов, чего при капитализме нет и не может быть.

Буржуазные идеологи нередко употребляют по отношению к программам, составляемым буржуазным государством, термин «планы», но программы эти потому и называются программами, а не планами, что намечают лишь самые общие макроэкономические пропорции и самые куцые мероприятия,

способные удовлетворить все монополистические круги, не могущие встретить сопротивления ни одной из влиятельных монополистических групп. Связанное по рукам и ногам своим же законодательством, предусматривающим жестокие наказания рабочих и на практике никаких наказаний капиталистов, буржуазное государство не может заставить анархических капиталистических предпринимателей следовать общей капиталистической воле. И наконец, если уж интересы капиталистов и групп капиталистов вступают во внутриклассовые противоречия, то интересы рабочего класса и буржуазии непримиримо противоположны.

Любой план при капитализме, следовательно, вырождается в такого рода прожект, программу, прогноз, которые отличаются от плана неосуществимостью, неполной и необязательной осуществимостью или вообще представляют лишь «пророчество» относительно будущего стихийного развития.

Планирование при капитализме может существовать лишь на микроуровне, в рамках отдельного частнокапиталистического предприятия, отдельной капиталистической монополии. Поскольку в пределах своего господства каждая монополия осуществляет планирование и централизацию, увеличение размеров монополий означает увеличение тех плавающих островов в бушующем море частнокапиталистической конкуренции, на которых обеспечено соответствие структуры производственных потребностей и производства.

Производственная сеть экономики, в которой господствует частная собственность, оказывается как бы состоящей из частей, в рамках которых есть и планирование, и централизация. Но все пункты соединения этих частей – это пункты нарушения нормального хода воспроизводства, ибо совпадение потребностей и производства, необходимое согласование действий участников производства на них ничем не гарантируются. Устранение таких нарушений невозможно до тех пор, пока не будет уничтожена частная собственность, пока буржуазное государственное регулирование конкурентной борьбы не сменится в результате социалистической революции планированием всего общественного производства в интересах трудящихся, пока

централизм пролетарского государства не объединит все общественное производство в единый механизм, превратив средства производства в общественную собственность.

Смысл положения «производительные силы требуют планомерности» не только в том, что в условиях планомерности они развиваются бескризисно, гармонично и неизмеримо более быстрыми темпами, чем при капитализме, и что установление планомерности в результате социалистической революции неизбежно. Это положение имеет и буквальный смысл, обозначая упорную классовую борьбу рабочих под руководством Коммунистической партии за совершение социалистической революции и установление диктатуры пролетариата как орудия уничтожения капиталистической эксплуатации и построения бесклассового общества.

Подчеркивая созидательную роль государства диктатуры пролетариата, В. И. Ленин писал: «Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»[1].

В. И. Ленин указывал, что «коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся»[2], но эта новая дисциплина вырастает из материальных условий крупного машинного производства, только из них, и без них она невозможна. Носителем же этих материальных условий и проводником их является класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным машинным производством, – рабочий класс.

«Диктатура пролетариата, – писал В. И. Ленин, – если перевести это латинское, научное, историко-философское

---

[1] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 39, с. 13.

[2] *Там же,* с. 14.

выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов... Диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее – вплоть до уничтожения классов – но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда»[1].

Эти ленинские положения о роли государства рабочего класса в создании новых производственных отношений, во всей борьбе за уничтожение классов являются основополагающими в марксистском понимании социализма. Неудивительно, что ревизионисты пытались и пытаются пересмотреть эти положения, выдавая их за устаревшие, не отвечающие новому этапу развития и т. д. Венесуэльский ревизионист и ренегат Теодоро Петков, например, «отрицает историческую миссию рабочего класса, его авангардную роль в борьбе за свержение капитализма и в строительстве нового общества». Рабочий класс, по мнению Петкова, «стремится превратиться в фактор консерватизма», подлинной же революционной силой, которая «заражает» рабочий класс революционностью, является якобы

---

[1] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 39, с. 14 — 5.

«революционная интеллигенция и молодежь». Социализм он представляет себе без диктатуры пролетариата, без руководящей роли Коммунистической партии, при полной свободе распространения буржуазных идей. Это как раз то, к чему стремились контрреволюционные силы в Чехословакии [1].

Для чехословацкого ревизионизма было характерным «чрезмерное подчеркивание количественной стороны развития демократии, без учета ее классовой сущности. Диктатура пролетариата объявлялась историческим анахронизмом либо признавалась лишь как временный эпизод после завоевания рабочим классом политической власти»[2]. Первый секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак в докладе на XIV съезде Коммунистической партии Чехословакии подчеркивал, что «оппортунистическое несоблюдение ленинских идей о классовом подходе к функции государства причинило нам колоссальный вред»[3].

Из ленинского учения о государстве следует, что экономическая роль государства рабочего класса состоит прежде всего в том, что оно устанавливает централизованное управление общественным производством, развивает его в плановое централизованное управление. Создав тем самым ядро общественной собственности на средства производства, это государство налаживает всю систему отношений общественной собственности и само является субъектом государственной формы этой собственности. На современном этапе тенденция к росту общественного характера производства продолжает усиливаться. В капиталистических странах нарастающее противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения буржуазия пытается смягчить путем расширения государственного регулирования конкурентной борьбы.

В социалистических странах усиление общественного характера производства проявляется как необходимость в укреплении централизации, в совершенствовании методов

---

[1] См.: *Мосинев А.* Накануне IV съезда венесуэльских коммунистов. — «Правда», 1970, 20 октября.

[2] «Проблемы мира и социализма», 1971, № 8, с. 20. См. об этом также: В. Г. Усенко. Политическая экономия и управление производством. Л., Изд. ЛГУ, 1975.

[3] «Правда», 1971, 26 мая.

централизованного управления социалистической экономикой. Прежде всего совершенствуются те методы, которые обеспечивают сбалансирование общественного производства с натурально-вещественной стороны и соблюдение запланированной структуры производства.

Тенденция к росту общественного характера производства, которая приводит в конечном счете к ликвидации капиталистического строя, в условиях социализма получает новое и особенно бурное развитие. Планомерность – не только продукт, но и могучий рычаг развития производства и усиления его общественного характера. Обусловленная ростом общественного характера производства необходимость в дальнейшем развитии централизации – важнейшая черта современной стадии развития производственных отношений социализма.

Технический прогресс не только способствовал росту общественного характера производства, но и создал новые мощные средства управления. Потребовав усиления централизации, он предоставил и средства для удовлетворения этого требования. Внедрение электронно-вычислительной и организационной техники на всех уровнях управления обеспечит в недалеком будущем перевод управления на новую техническую базу, будет способствовать повышению научного уровня планирования и управления, усилению контроля за выполнением планов и директив центра, позволит сделать реакцию центра на изменение хозяйственной ситуации более оперативной.

Показателен опыт Министерства промышленности стройматериалов Белорусской ССР.

На каждом предприятии отрасли установлены телетайпы. Еженедельно специально выделенные работники передают вычислительному центру несколько исходных показателей о выпуске продукции и расходе материалов. На основе этих данных рассчитывается потребность в сырье, и итог тут же передается руководителям предприятия, министерства, снабженческим органам. И хотя по существующему положению министерство не вправе вмешиваться в оперативное планирование, которое входит в функции самого предприятия, но при еженедельном контроле, который становится возможным с созданием вычислительных

центров, министерство получает точную оперативную информацию о положении дел на каждом заводе, оно видит, где создается угроза срыва планов производства, и не реагировать на нее министерство уже не может. Следовательно, меняется методика управления, но меняется на новой, более совершенной основе[1].

Создание новых технических основ управления в нашей стране идет широким фронтом. В настоящее время совершается переход от применения математических методов и электронно-вычислительных машин (ЭВМ) для решения частных производственных задач к созданию автоматизированных систем управления производством (АСУ), базирующихся на комплексном использовании математических методов, ЭВМ и средств оргтехники.

Автоматизированная система управления включает: одну или несколько ЭВМ; набор нормативно-справочных данных и программ для решения задач планирования и управления; соединенные с ЭВМ датчики информации, охватывающие все подлежащие контролю пункты производства; сеть устройств выдачи информации о состоянии производственного процесса и ходе выполнения плана или программы. Система осуществляет учет, обработку и выдачу информации о ходе производства, а также решение ряда задач планирования и управления.

Результаты внедрения АСУ не сводятся только к количественному сокращению затрат труда на составление документов, получению и обработке информации, расчету. Речь идет о качественно новом уровне управления, об изменении его структуры, о постановке таких управленческих задач, решение которых без АСУ невозможно.

В рамках капиталистического хозяйства невозможно в полной мере использовать преимущества АСУ. Только социализм открывает возможность перехода от автоматизированного управления предприятиями и объединениями к автоматизированному управлению народным хозяйством в целом. В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС подчеркивалось, что

---

[1] См.: Новиков Б. Без «толкачей». — «Правда», 1973, 26 января.

необходимо «быстрее создавать отраслевые автоматизированные системы управления, имея в виду, что в перспективе нам предстоит создать общегосударственную автоматизированную систему сбора и обработки информации»[1].

Общегосударственная автоматизированная система сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством (ОГАС) должна представлять собой систему, предназначенную для совершенствования планирования и управления на основе широкого применения экономико-математических методов, использования электронно-вычислительной и организационной техники и средств связи.

Создание ОГАС в законченном виде предполагается вести в два этапа. На первом этапе должны быть созданы отраслевые и ведомственные автоматизированные системы управления во всех министерствах и ведомствах СССР и в ряде министерств и ведомств союзных республик. На этом же этапе должны быть разработаны основные функциональные системы, входящие в ОГАС: автоматизированная система плановых расчетов (АСПР), автоматизированная система государственной статистики (АСГС), автоматизированная информационно-управляющая система стандартизации и метрологии Госстандарта СССР (АИУС), автоматизированная система обработки информации по ценам (АСОИ цен), автоматизированная система управления научно-техническим прогрессом (АСУНТ). В этот период должно быть осуществлено взаимодействие вычислительных центров отраслевых и ведомственных автоматизированных систем управления с АСПР и АСГС. Должны начаться также работы по созданию автоматизированных систем управления в нескольких союзных республиках.

На втором этапе должно быть завершено создание и ввод в действие системы АСПР Госплана СССР и госпланов союзных республик, общегосударственных функциональных АСУ, отраслевых и ведомственных систем управления во всех министерствах и ведомствах. Второй этап характеризуется

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, с. 67-68.

включением в ОГАС всех общегосударственных, отраслевых, ведомственных и территориальных систем управления. До полного завершения работ общегосударственная система может функционировать частично, опираясь на существующие автоматизированные системы и вычислительные центры[1].

Создание автоматизированных систем управления будет означать крупный шаг в совершенствовании и развитии планового централизованного управления экономикой. У центральных органов появится возможность охватить из единого центра больший круг управленческих проблем, повысить научную базу управления, и на этой основе неизбежно усиление централизации управления производством.

Грандиозная работа по созданию автоматизированных систем управления базируется на том, что плановое централизованное управление производством, если производство принимает общественный характер, становится объективной необходимостью. Эту необходимость можно реализовать только в социалистической экономике на базе общественной собственности на средства производства. С развитием производительных сил и ростом общественного характера производства эта необходимость усиливается и создаются средства для ее реализации.

В связи с этим особенно ясны заблуждения теоретиков «рыночного социализма», вытаскивающих на свет через 100 лет после выхода «Капитала» концепцию свободной игры рыночных сил. Даже лорд Кейнс [2] в 1935 году от лица буржуазной экономической науки вынужден был признать, что стихийная игра рыночных сил не гарантирует соответствия спроса и предложения, неспособна обеспечить эффективное ведение хозяйства, и призвал к отказу от упований на этот механизм. С тех пор прошло почти 40 лет, признание Кейнса стало общепринятым в буржуазной литературе, экономический либерализм увял, превратился в реакционное мелкобуржуазное течение и, наверное, никак не рассчитывал увидеть свою вторую молодость в

---

[1] См.: Жимерин Д. Г. Проблемы автоматизации управления. Автоматизированные системы управления. М., «Экономика», 1972, с. 12–13.

[2] Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., ИЛ, 1948.

творениях «социалистических» писателей типа О. Шика.

2. ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ – ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАВОЕВАНИЙ

Установление централизма пролетарского государства – первый шаг в создании социалистических производственных отношений. Преимущества централизма. Централизованное плановое управление экономикой в интересах рабочего класса – становой хребет общественной собственности на средства производства. Нападки ренегатов и ревизионистов, не выступающих прямо против общественной собственности, на централизм. Действие законов социализма только в плановой, централизованной экономике.

Как наши друзья, так и наши классовые враги хорошо понимают, что без централизованного управления были бы невозможны успехи социализма, и, в частности, быстрый подъем жизненного уровня народа, что без централизованного управления экономикой – нет социализма как общественного строя.

Централизованное управление экономикой – одно из важнейших наших революционных завоеваний. В. И. Ленин писал:

«Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его; за отыскание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие, деньги, но... но мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять работы добросовестно и полно *в интересах* трудящихся.

Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план

пролетарского государства...»[1].

Централизованное управление производством, являющееся выражением общественной собственности, дает возможность избегать потерь, вызываемых анархией производства при капитализме, концентрировать ресурсы на главных направлениях, обеспечивающих научно-технический прогресс, формировать прогрессивную отраслевую структуру производства, удовлетворять потребности производства в кадрах требуемой квалификации, широко внедрять методы оптимизации и вычислительную технику при решении народнохозяйственных задач, использовать помимо материальных стимулов моральные, а также и административные меры, авторитет государственной власти. Это позволяет и в решении задач научно-технического прогресса и повышения эффективности общественного производства двигаться быстрее капиталистических стран.

Государственное централизованное управление превращает экономику в единый механизм, гарантируя обобществление производства на деле. Это важнейшая из форм проявления общественной собственности на средства производства, причем такая, без которой общественная собственность хотя и может еще некоторое время оставаться юридическим и политическим фактом, но перестает быть фактом экономическим.

Эту истину подтвердили события в Чехословакии, когда под лозунгами «демократического», «гуманного» социализма и «социализма с человеческим лицом» ревизионисты во главе с О. Шиком систематически разрушали централизованное управление, а вместе с ним и общественную собственность на средства производства.

Успеху ревизионистских атак в немалой степени способствовало то, что им удалось задолго до своих прямых выступлений внедрить в сознание людей метафизическое представление о связи между собственностью и управлением. Общественная собственность изображалась ревизионистами как изолированный, всецело самостоятельный фундамент, на котором стоит система управления. Существование общественной собственности представлялось поэтому совершенно не

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 320.

зависящим от изменений в системе управления.

О.Шик воспользовался этим представлением, чтобы протащить свои предложения. Казалось, что они не затрагивают общественной собственности на средства производства и суть их лишь в том, чтобы на фундаменте общественной собственности на средства производства воздвигнуть иную, «экономическую, а не административную» систему управления.

Для развития теории управления социалистической экономикой и для борьбы с ревизионизмом в этой области необходимо твердо уяснить, что существование общественной собственности на средства производства обеспечивается при социализме существованием государственного централизованного управления процессом общественного воспроизводства в интересах рабочего класса.

Остановимся на этом вопросе подробнее.

Собственность – одна из важнейших характеристик производственных отношений. Категория собственности, характеризуя производственные отношения, показывает, кому и над какими материальными благами эти производственные отношения позволяют господствовать. Отношения собственности – это отношения между людьми, обеспечивающие господство определенных лиц над определенными материальными благами.

Индивидуум, группа или общество в целом являются при существующих производственных отношениях собственниками данных материальных благ, если производственные отношения, в которые они вступают, обеспечивают им господство над этими материальными благами. Господствующий субъект называется при этом собственником, материальные блага, господствовать над которыми ему позволяют производственные отношения, носят название объекта собственности, а производственные отношения выступают как отношения собственности.

Некоторые экономисты собственность понимают не как характеристику всей системы производственных отношений, а как одно отдельное основное отношение[1], но такое понимание по существу исключает из числа отношений собственности как раз те

---

[1] См.: Колесов Н. Д. Общественная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма. Л., Изд-во ЛГУ, 1967.

отношения, благодаря которым обеспечивается реальное функционирование собственности. Критикуя Прудона, Маркс писал: «Собственность образует последнюю категорию в системе г-на Прудона. В действительном мире, наоборот, разделение труда и все прочие категории г-на Прудона суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют **собственностью:** вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное, как метафизическая и юридическая иллюзия. Собственность другой эпохи, феодальная собственность развивается при совершенно иных общественных отношениях. Определяя собственность как независимое отношение, г-н Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает непонимание той связи, которая соединяет все формы **буржуазного** производства, он обнаруживает непонимание исторического и преходящего характера форм производства определенной эпохи»[1].

Указание на то, кто при данных производственных отношениях и над какими материальными благами господствует, характеризует собственность в основном и главном. Но для полного описания собственности недостаточно сказать, кто посредством данных производственных отношений и над какими материальными благами господствует, надо еще показать, как сохраняется, как воспроизводится это господство, объяснить, почему все новые и новые материальные блага, все новые и новые продукты производства становятся объектами господства определенных лиц или групп лиц. Для полного описания собственности определенной эпохи необходимо, следовательно, дать и полное описание господствующей формы производства, полное описание существующих производственных отношений. Маркс писал: «В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность – это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»[2].

В соответствии с данным определением собственности

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф, Соч., т. 27, с, 406.

[2] Маркс К- и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 168.

общественная собственность на средства производства имеет место тогда и только тогда, когда производственные отношения обеспечивают господство общества над средствами производства.

Итак, общественная собственность на средства производства по своему понятию есть отношения господства общества над средствами производства. Это предполагает, во-первых, превращение всей экономики в «единую фабрику» (централизм, планомерность); во-вторых – подчинение функционирования всего народнохозяйственного механизма общественным интересам[1].

Движимый своими экономическими интересами, «пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность»[2]. Налаживая систему всестороннего, всеобъемлющего государственного учета и контроля за производством и распределением, планомерную государственную организацию производства, рабочий класс создает такую систему отношений, которая объединяет всю экономику в единый механизм, развивающийся в его интересах, интересах всех трудящихся.

С уничтожением эксплуататорских классов интересы рабочего класса, оставаясь выражением коренных интересов трудящихся, становятся в то же время выражением интересов всех членов общества. Поскольку они являются наиболее передовыми, общественными интересами, государственная собственность является формой общественной.

Итак, при социализме собственность государства рабочего класса является формой общественной собственности. Более того, общественная собственность на решающие средства производства при социализме не может не иметь государственной формы. Это следует из того, что реальное функционирование общественной собственности на средства производства имеет место тогда и только тогда, когда средства производства используются в общественных интересах. Общественные же интересы при социализме, пока классы еще не уничтожены, имеют

---

[1] См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 175.

[2] Маркс К., и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 291.

классовый характер и суть интересы передового, рабочего класса.

Органом господствующего класса для проведения его интересов является государство. В. И. Ленин писал: «В противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть»[1].

Вот почему социалистическое государство – верховный орган управления всей хозяйственной жизнью общества, субъект общественной собственности на средства производства. В этом и состоит его экономическая роль.

Итак, общественную социалистическую собственность на средства производства дают лишь такие производственные отношения, посредством которых только общество, организованное в социалистическое государство, господствует над решающими средствами производства.

Таким образом, одни производственные отношения дают обществу, организованному в социалистическое государство, и только ему, безраздельное господство над решающими средствами производства. Это отношения социалистические. Другие производственные отношения не обеспечивают господства общества или не обеспечивают его в полной мере, и эти отношения либо совсем не являются социалистическими, либо представляют изуродованные, извращенные, больные отношения социализма, до смерти залечить которые и стараются ревизионисты. Если разрушение производственных отношений и уничтожение общественной собственности проводится при этом даже из самых добрых намерений или называется, как, например, у О.Шика, «совершенствованием системы управления», то разрушение не перестает от этого быть разрушением, а уничтожение не превращается в укрепление и развитие.

Если общественная собственность имеет государственную форму, значит, всякое ограничение функций государства в экономике, всякое принижение государственного планового

---

[1] Ленин В. И. Пода. собр. соч., т, 38, с. 424.

централизованного управления – шаг к ослаблению общественной собственности. С другой стороны, как показали события в ЧССР в конце 60-х годов, заражение правящей партии оппортунизмом, которое чревато потерей государством его классового характера, тоже есть шаг к подрыву общественной собственности на средства производства.

В самом деле, в той мере, в какой государство перестает защищать в экономике интересы рабочего класса, составляющие при социализме общественные интересы, в такой же мере государственная собственность по сути дела перестает быть общественной. Это следствие того, что государственная собственность является общественной лишь в такой степени, в какой средства производства используются государством в общественных интересах. Здесь недостаточно просто централизма. Централизм должен быть в интересах рабочего класса, а значит, в коренных интересах трудящихся, т. е. он должен быть демократическим централизмом. В. И. Ленин писал: «Когда государство будет пролетарским, когда оно будет машиной насилия пролетариата над буржуазией, тогда мы вполне и безусловно за твердую власть и за централизм». «Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план *пролетарского* государства»[1].

Из понятия общественной собственности на средства производства следует, что переходный период от капитализма к социализму есть период становления общественной собственности. Прежде чем общественная собственность на средства производства смогла развиться в полной мере, необходимо было достичь такой степени централизации в управлении экономикой, которая означала бы обобществление на деле, т. е. планомерное управление общественным производством в интересах рабочего класса и, следовательно, в общественных интересах.

Социализм, писал Ленин, «есть построение централизованного хозяйства»[2], «социализм может сложиться и упрочиться только

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 34, с. 318, 320.

[2] Там же, т. 37, с. 422.

тогда, когда рабочий класс научится управлять»[1], «превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, – вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи»[2].

Первым организационным мероприятием Советского государства по созданию пролетарских органов управления промышленностью явилось установление рабочего контроля над производством и распределением.

Вторым шагом было создание Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

Система главков, система трестов и совнархозов, отраслевая система управления – вот те ступени, на которые поднималось управление производством, прежде чем была построена система централизованного управления, вполне отвечающая общественному характеру современного производства.

С развитием централизма повышалась ответственность хозяйственных руководителей. В постановлении, принятом Советом Труда и Обороны 12 августа 1921 г., например, подчеркивалось, что «правление объединения (предприятия)... несет полную ответственность за выполнение производственного плана, качество выпускаемых изделий, сохранность имущества, состояние хозяйства и отвечает за свои действия не только в административном порядке, но также и по суду»[3].

Создавалась и совершенствовалась система социалистического планирования. Был составлен первый перспективный план социального переустройства страны – план ГОЭЛРО. Все больше охватывали производство текущие планы. Первым текущим планом по промышленности явился ориентировочный план топливоснабжения на 1921 г. В дальнейшем начали составляться отраслевые планы. На 1921/22 г. Госпланом были утверждены хозяйственные планы по трем отраслям (металлургии, резиновой

---

[1] Там же, с. 139.

[2] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 7.

[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). М., Политиздат, 1967, с. 235.

и сахарной промышленности), а на 1922/23 г. по 13 отраслям, на 1923/24 г. – по 19 отраслям, на 1924/25 г. – по 22 отраслям, которые охватывали 65–70% продукции государственной промышленности[1].

В своей зародышевой форме текущие планы представляли собой лишь ориентировочные задания, включавшие некоторые важнейшие показатели по производству продукции и капитальному строительству, и охватывали группы предприятий отдельных отраслей промышленности. В то время они еще не могли быть ни конкретно-адресными, ни директивными. «С повышением же обоснованности отраслевые планы становятся директивными плановыми заданиями»[2].

В октябре 1928 г. советский народ приступил к выполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Благодаря развитию социалистической экономики и наличию перспективного пятилетнего плана, начиная с 1931 г. стало возможным перейти от годовых контрольных цифр к оперативным годовым народнохозяйственным планам. «Уже разработанный на 1931 г. план предусматривал адресные задания по всем отраслям народного хозяйства» [3]. Планирование становилось все более конкретным и оперативным, все в большей мере подчиняющим общественное воспроизводство интересам рабочих и крестьян.

В это же время совершается переход на отраслевой принцип организации управления, позволяющий теснее связать развитие производства с удовлетворением общественных потребностей.

Таким образом, в годы довоенных пятилеток сложилась система государственного планового централизованного управления производством по отраслевому признаку, обеспечивающая высокую степень централизации управления. Построение такой системы управления явилось одним из важнейших звеньев построения социализма. Оно обеспечило четкое, квалифицированное и оперативное руководство экономикой, позволило государству направлять общественное

---

[1] См.: Планирование народного хозяйства СССР. М.., «Экономика», 1965, с. 568.

[2] Рубин А. М. Организация управления промышленностью в СССР. М., «Экономика», 1969, с. 96.

[3] Там же, с. 104.

воспроизводство по единому плану в интересах рабочего класса, коренных интересах трудящихся.

Развитие пролетарского централизма в экономике в государственное плановое централизованное управление экономикой в интересах рабочего класса означало все более полное подчинение функционирования экономики общественным интересам и, следовательно, вызревание ядра отношений общественной собственности, создание социалистических производственных отношений.

О том, что установление централизации в управлении экономикой выражает общественный характер современных производительных сил и означает создание адекватных им производственных отношений, обеспечивающих наиболее быстрое развитие производства, говорят следующие данные развития экономики СССР. В 1940 г. национальный доход был больше, чем в 1913 г., в 5,3 раза, объем валовой продукции промышленности – в 7,7 раза, машиностроение увеличило производство в 30 раз, электроэнергетика – в 24, химическая промышленость – в 16,9 и сельское хозяйство – в 1,4 раза[1].

Тяжелейшим испытанием для экономики социализма, для системы планового централизованного управления экономикой, составляющей ядро отношений общественной собственности на средства производства, явились годы Великой Отечественной войны. Война СССР и гитлеровской Германии представляла собой борьбу двух типов производственных отношений, двух классов, двух мировых систем и показала, на что способен тот и другой общественный строй при максимальном напряжении всех сил. Уже со второго года войны Советский Союз стал выпускать больше техники, оружия и боеприпасов, чем Германия вместе с оккупированными ею странами, хотя война шла на территории СССР и у нас производилось 8,1 млн. т. стали и 75,5 млн. т угля, в то время как Германия и оккупированные ею страны выпускали 31,8 млн. т стали и 400 млн. т угля. «С наступлением войны количество продукции, распределяемой из единого центра по государственному плану, увеличилось более чем в два раза»[2].

---

[1] См.: Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. материалов. М., «Статистика», 1967, с. 23, 51, 53, 80.

[2] Гладков И. А. Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М., «Знание», 1970, с. 28.

Централизовав свои ресурсы, советский народ сумел вынести все тяготы войны и победить. Союзники за всю войну поставили всего 2% артиллерийского вооружения, 12% самолетов (уступавших советским по тактико-техническим данным) и 10% танков[1]. Победа советского народа явилась доказательством огромных преимуществ социалистических производственных отношений над капиталистическими.

За послевоенное время народное хозяйство СССР гигантски выросло, превратилось в еще более могущественный и более сложный организм. С 1950 по 1970 г. национальный доход увеличился в 5,2 раза, производственные фонды народного хозяйства – в 6 раз, производство продукции промышленности – в 6,7 раза. «В огромной степени расширились и усложнились межотраслевые связи и взаимозависимости различных отраслей. Все это повышает роль и значение планирования, организации и управления»[2].

Дальнейшее развитие общественной социалистической собственности и перерастание ее в коммунистическую обеспечивается развитием централизма в управлении экономикой на основе роста общественного характера производства, совершенствованием средств и методов, гарантирующих выполнение планов.

XXIV съезд КПСС поставил совершенствование государственного централизованного управления в центр внимания экономистов, организаторов общественного производства, всех трудящихся. Принятое в 1973 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью» предусматривает переход на двух- и трехзвенную систему управления промышленностью, укрупнение производства путем создания объединений и комбинатов и является новым шагом в развитии социалистического централизма.

Для совершенствования управления социалистической

---

[1] См.: Там же, с. 26.

[2] Хейнман С. Научно-технический прогресс и эффективность производства. — «Правда», 1970, 1 сентября.

экономикой, для борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом в этой области требуется ясное понимание того, что без пролетарского централизма, без планомерности нет и не может быть общественной собственности на средства производства, нет и не может быть социализма. Планомерность выступает как характерная черта, как момент, как неотъемлемое свойство, как имманентная сторона социалистического воспроизводства, внутренне присущая ему по самой его природе.

Плановое развитие экономики при социализме – объективная необходимость, закон. Социализм не может развиваться без планирования в масштабах всего общества, без управления экономикой из единого центра. Тот факт, что планирование и управление является субъективной деятельностью и как всякая субъективная деятельность подвергается воздействию людей, не должен скрывать от нас объективной необходимости этой деятельности и объективности ее содержания. Задача планового управления – придать экономике объективно необходимое развитие к обществу без всякого социального неравенства, к обществу без классов, и степень соответствия планирования этой задаче есть мерило соответствия этой субъективной деятельности требованиям объективных экономических законов.

Законы социализма начинают действовать и действуют только в плановой, централизованной экономике, ибо они могут существовать лишь в экономике социализма. А социализма нет без общественной собственности, которая в свою очередь обеспечивается прежде всего планомерным распоряжением средствами производства со стороны общества. Если убрать плановое централизованное управление, то "исчезнут" вместе с общественной собственностью и законы социализма. Эту истину хорошо понимают враги социализма. Вот почему они ведут свои атаки прежде всего против планового централизованного управления.

Ревизионисты почти никогда не выступают прямо против общественной собственности на средства производства. Они выступают зато против ее ядра – централизма в управлении социалистической экономикой, нападают на программный

принцип коммунистов[1]. Но и эти атаки они ведут в свойственной им. ползучей манере. Французский ревизионист и ренегат Р. Гароди, например, пытается направить против централизации справедливое отрицательное отношение людей к бюрократизации, отождествляя централизм и бюрократизм и искажая историю развития социализма в СССР. О. Шик же, с готовностью признавая централизм для прошлого, отвергал его для будущего. По словам Гароди, «чехословацкая модель» должна была впервые на деле доказать преимущества социалистических производственных отношений и социалистической демократии над капиталистическими производственными отношениями и формальной буржуазной демократией[2].

Какую демократию несла с собой чехословацкая «модель демократического социализма», продемонстрировала в 1968 г. газета «Млада фронта», опубликовав призыв сжигать книги Маркса и Ленина и вешать коммунистов. В значительной мере подготовленная стараниями О. Шика, эта модель не смогла бы увидеть свет, если бы так легко не принимались на веру его демагогические заявления о том, что время централизма уже ушло, что централизм – преходящее явление и на современном этапе является препятствием к повышению эффективности производства. Ревизионисты утверждали, что определенная степень строго централизованного управления необходима только в отдельные периоды, например в переходный период. Централизация, говорили они, помогла нам ускорить социальную и структурную перестройку экономики и обеспечить прогресс по социалистическим линиям в то время, когда классовое строение управленческого персонала претерпевало радикальные изменения, и она облегчила быстрое выравнивание уровней экономического развития различных частей страны. «Но как только социалистическое экономическое развитие постепенно достигло зрелости, жесткое централизованное планирование и управление стало главным препятствием для большей эффективности»[3]. Дорого обошлось чехословацким коммунистам

---

[1] См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 34, с. 318.

[2] См.: R. Garaudy. Pour un modele francais du socialisme, Gallinlard, 1968, pp. 180–181.

[3] Sik O. Economic planning and management in Czechoslovakia. Orbis–Prague, 1966, pp. 4–5.

усвоение той истины, что любой централизм для ревизионистов является жестким, и что ревизионисты главное средство повышения эффективности обязательно назовут главным препятствием.

События в Чехословакии показали, к чему приведет. ослабление и урезание роли центрального планирования и его всеобъемлющего характера. Вначале это скажется на исчезновении тех или иных видов средств и предметов потребления, на несбалансированности экономики по целому ряду продуктов, снизятся темпы роста. Затем нарушится общий баланс между ростом заработной платы и ее товарным обеспечением, что при условии непланового стихийного ценообразования приведет к инфляционным процессам, снижению покупательной способности денежной единицы.

Общественное производство все больше и больше будет терять целенаправленный характер, пока прежде единая экономика не превратится в экономику атомарного, товарного типа, в которой каждое предприятие действует на свой страх и риск и связывает их между собой лишь обмен продуктов.

Вместе с утратой основной общественной связи предприятия утрачивают общие экономические интересы и начинают действовать только из усилившихся и обособившихся коллективных интересов. Появляется конкуренция между предприятиями, ускоряющая рост неравенства в доходах.

В такой обстановке находятся теоретики, которые пытаются толкнуть развитие процессов разложения социализма дальше, в сторону закрепления достигнутых на этом пути позиций и допущения любого неравенства в доходах, что уже равносильно допущению эксплуатации. За теоретиками появляются политики, ставящие себе целью осуществить ревизионистские идеи на практике. Происходит оживление и организация контрреволюционных сил, которые при поддержке внешних сил, используя средства массовой информации внутри страны и силу организации в обстановке экономической неустойчивости, постараются окончательно довершить процесс разложения социализма. Путем захвата власти они ликвидируют всякую возможность устранения извращений, установления власти

рабочего класса и налаживания социалистического хозяйства, возрождения общественной собственности вместо кооперативной.

Сопутствующее ослаблению централизма и руководящей роли рабочего класса преувеличение роли материальных стимулов ведет к воспитанию мелкобуржуазного потребительского подхода к социализму, когда на первое место ставится личное материальное благополучие и высшей целью становится лучший, чем у окружающих, материальный жизненный уровень. Процветает безответственность, общественные дела двигаются чрезвычайно медленно. Такая среда является воистину питательной для ускоренного роста мелкобуржуазных взглядов, идей, настроений и действий, особенно в кругах интеллигенции. Все это может быть использовано сознательными контрреволюционерами для реализации их планов уничтожения социализма.

Немалое значение имеет и то, что с ослаблением планового централизованного управления нарушается нормальный ход всего общественного воспроизводства и растущие недостатки, минусы, отрицательные явления и т. д. некоторыми людьми воспринимаются как недостатки самого социалистического строя. Это тоже облегчает путь к контрреволюционному перевороту. Именно по такому руслу развивались события в Чехословакии, ход которых был остановлен лишь благодаря интернациональной помощи братских социалистических стран, но правые и сегодня отнюдь не отказываются ни от своих целей, ни от своей тактики подрыва социализма методом тихой контрреволюции[1].

Вопрос о борьбе с оппортунизмом и ревизионизмом занял большое место на состоявшихся в 1973 г. совещаниях ученых в области исторических, философских и экономических наук, где подводились некоторые итоги работы по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». В написанной по результатам этих совещаний книге заведующего Отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникова

---

[1] См.: Кучера Я. Завершить разгром правых оппортунистов в идеологической области. — «Коммунист», 1971, № 4; Милош Марко. Черным по белому. М., «Прогресс», 1974.

говорится, что «современный ревизионизм, как и в начале нашего века, разросся до международных размеров», что теперь «мы вступили в новый период, в котором ревизионизм будет надломлен и разбит» и что «именно на плечи нынешнего поколения коммунистов выпадает великая миссия – взять крепче в руки дело борьбы с ревизионизмом и отстоять марксизм-ленинизм в этой борьбе». Необходимо помнить, что «даже в социалистических странах долго продолжает существовать среда, восприимчивая к буржуазной идеологии. События недавних лет в Чехословакии наглядно подтвердили это. И всем памятно, что даже в руководстве партии там нашлись не только примиренцы, но и прямые покровители и вдохновители антисоциалистических сил»[1].

Опыт компартии Чехословакии подтвердил еще раз, что никогда нельзя забывать ленинского требования быть непримиримым, быть беспощадным к ревизионистам, ибо ревизионизм в теории неизбежно приводит к оппортунистической политической практике. Эти события подтвердили также, что самой страшной опасностью для коммунистических партий социалистических стран было бы заражение их «центризмом».

«Центризм», представляющий самую гнусную разновидность оппортунизма, впервые возник в германской социал-демократии в период расцвета бернштейнианства. Духовным отцом этого течения стал Карл Каутский, которого Ленин с полным основанием назвал ренегатом и отступником первого ранга. Главное усилие «центризма» было направлено на то, чтобы ослабить, обезоружить идейную борьбу революционных сил партии с оппортунизмом, призывая марксистов к уступчивости, терпимости, мирному сожительству с оппортунистами всех мастей. «„Центризм” по существу превратился в опорный пункт оппортунистов и являлся наиболее вредным политическим течением, направленным против революционных марксистов»[2]. Центристы пытаются бороться с ревизионизмом марксистской фразеологией, бумажными резолюциями, увещеваниями,

---

[1] Трапезников С. П. Общественные науки – могучий идейный Потенциал коммунизма. М., Политиздат, 1974, с. 122, 114, 116, 123.

[2] Трапезников С. П. На крутых поворотах истории. М-, «Мысль», 1972, с. 76.

вежливостью, корректностью, а па деле потворствуют и попустительствуют ему.

Марксизму-ленинизму чуждо примиренчество, он беспощадно враждебен всякому оппортунизму и ревизионизму, и для всех последователей Маркса и Ленина работы этих великих идеологов пролетариата являются образцом непримиримости к врагам рабочего класса.

Обратившись к «Философским тетрадям» В. И. Ленина, можно убедиться, что Ленин вырабатывал в себе непримиримость, нетерпимость ко всему, что враждебно делу пролетариата. Словами bien dit (хорошо сказано), он выделяет, например, следующую фразу: «Кто гладит по шерсти всех и всё, тот кроме себя не любит никого и ничего; кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла. Кого никто не ненавидит, тому никто ничем не обязан»[1].

С этой непримиримостью Ленин обрушивался на оппортунистов. В статье «Открытое письмо Борису Суварину», например, Ленин пишет: «...я выступаю против «центристов» не с личной критикой, а с критикой политической». …«Центристы» своею пропагандой «единства» и «защиты отечества», своим стремлением к соглашению, своими усилиями прикрыть словами самые глубокие расхождения причиняют величайший ущерб рабочему движению, задерживая окончательное банкротство морального авторитета социал-шовинистов, поддерживая, таким образом, их влияние на массы»[2].

Для успешной борьбы с оппортунизмом никогда нельзя забывать «его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч.»[3].

Общим признаком ревизионистов является, как говорил Ленин,

---

[1] Ленин В. И. Поли. србр. соч., т. 29, с. 572.

[2] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 30, с. 269.

[3] Там же, т. 8, с. 393.

внешняя маскировка под марксизм, непрямая, а потому в ряде случаев и более тонкая борьба с ним. Ревизионисты свое грязное дело делают под предлогом «улучшения», «развития», «уточнения», «благожелания». «И когда их уличают во лжи, в клевете, в инсинуациях, они тут же принимают позу обиженных, оскорбленных, непонятых, впадают в истеричность, бьют себя в грудь, уверяя в своей «честности» и «непогрешимости» [1]. Почувствовав опасность для себя, обнаружив провал своих планов, ревизионисты становятся ортодоксальнее самых ортодоксальных марксистов, причем «белые так перекрашиваются, что выглядят ярче красных»[2].

Ревизионизм в области теории управления социалистической экономикой не лишен ни одного из тех качеств, на которые указывал Ленин. Отрицание планового управления, проявляет ли оно себя в выступлениях против планирования номенклатуры или в виде критики индивидуальных плановых заданий каждому предприятию в отдельности, идет ли оно под лозунгом борьбы с недостатками планирования или под лозунгом его совершенствования и т. д., во всяком случае остаётся отрицанием централизованного руководства народным хозяйством, отрицанием принципа демократического централизма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Член-корреспондент АН СССР А. Ефимов справедливо замечает, что «принцип демократического централизма вызывает наиболее яростные нападки со стороны противников социализма. В последние годы под флагом борьбы с бюрократизацией плана даже в некоторых социалистических странах настойчиво пропагандировалась идея «рыночного социализма», причем в качестве новейшего достижения экономической теории. На деле же она является лишь вульгарной копией «мещански-реакционной критики капиталистического империализма, которая мечтает, как говорил, В. И. Ленин, о возвращении назад к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции»[3].

---

[1] Трапезников С. П. На крутых поворотах истории, с. 55.

[2] Биляк В. Правда осталась правдой. М., Политиздат, 1972, с. 243.

[3] Ефимов А. Ленинское учение о планировании народного хозяйства. «Плановое хозяйство», 1970, № 4, с. 17.

Итак, централизованное плановое управление экономикой – одно из важнейших революционных завоеваний. Без планового централизованного управления экономикой нет общественной собственности на средства производства, нет социалистических производственных отношений. Установление и развитие планового централизованного управления в общественных интересах – центральное звено установления социалистические производственных отношений. Благодаря укреплению и развитию планового централизованного управления экономикой обеспечивается характерная для экономики социализма ведущая роль общественных экономических интересов, составляющая содержание принципа демократического централизма.

3. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРАЛИЗМА

В. И. Ленин о противоположности буржуазного и пролетарского централизма. Экономическое содержание демократического централизма. Что такое экономические интересы. Интересы и производственные отношения. Материальные интересы. Общественные, коллективные и личные интересы в социалистическом обществе. Объективные основы их общности и различий. Их противоречивость. Ведущая роль общественных интересов. Формы реализация интересов: общественных, коллективных, личных. Материальная заинтересованность. Интересы и управление экономикой. Главная задача управления при социализме.

Экономическая роль социалистического государства состоит в том, чтобы, являясь субъектом общественной собственности на средства производства, управлять развитием экономики в соответствии с объективными экономическими законами, в соответствии с объективными экономическими интересами рабочего класса, выражающими коренные интересы всех

трудящихся. Укрепление и развитие экономической роли социалистического государства как хозяйственно-политического центра – главное условие укрепления и развития социалистических производственных отношений.

В. И. Ленин указывал, что отказ от централизованного управления равносилен отказу от коммунизма как учения и как общественной цели. Он подчеркивал, что «коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране.»[1] «Осуществление коммунизма, – писал В. И. Ленин, – безусловно требуя наивозможно большей и строжайшей централизации труда в общегосударственном масштабе, предполагает тем самым преодоление той разрозненности и раздробленности рабочих, профессиональной и местной, которые были одним из источников силы капитала и бессилия труда»[2].

Отстаивая наибольшую централизацию в управлении экономикой, В. И. Ленин в то же время резко выступал против понимания социалистического централизма как централизма бюрократического. Ревизионисты стремятся изобразить всякий централизм бюрократическим, надеясь таким образом облегчить себе борьбу за уничтожение или ослабление пролетарского централизма. «Бернштейну, – писал Ленин, – как и всякому филистеру, централизм рисуется как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным». Но такой централизм ничего общего не имеет с тем централизмом, который осуществляет рабочий класс. К. Маркс считал необходимым «противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему» [3] . В. И. Ленин разъяснял, что «централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы,

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 392.

[2] Там же, т. 38, с. 98–99.

[3] Там же, т. 33, с. 53–54.

разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»[1].

Всемерное развитие инициативы трудящихся, привлечение их к управлению государством, самые широкие возможности для контроля снизу – без этого немыслим социалистический централизм. Основой демократического характера социалистического централизма является то, что государство рабочего класса выражает коренные интересы всех трудящихся, обеспечивает приоритет коренных общественных интересов. В этом кроется самая глубокая причина поддержки трудящимися централизма социалистического государства, развития местного почина и самодеятельности в осуществлении государственных интересов. Нет и не может быть поддержки снизу там, где государство служит орудием порабощения трудящихся. Лишь с установлением диктатуры рабочего класса, решительно и неуклонно отстаивающего коренные интересы трудящихся масс, начинается демократический централизм.

Отношения управления экономикой со стороны социалистического государства становятся важнейшими базисными отношениями и обеспечивают ядро отношений общественной социалистической собственности. Демократический централизм получает экономическое содержание.

Экономическое содержание демократического централизма в том, чтобы, развивая руководящую роль рабочего класса в экономике, осуществлять приоритет коренных общественных интересов трудящихся над интересами побочными и сиюминутными, обеспечивать безраздельное господство самых глубоких интересов громадного, подавляющего большинства трудящихся масс.

На XXIV съезде КПСС был взят курс на полное использование творческой инициативы трудящихся, которая обусловлена глубоким осознанием ими своих объективных экономических интересов. Изучение природы, характера, форм проявления и реализации, а также механизма действия экономических интересов на различных уровнях народнохозяйственной системы является непременным условием последовательного

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 152.

совершенствования форм и методов управления социалистической экономикой в целях повышения ее эффективности.

Особое значение имеет выяснение структуры личных и коллективных экономических интересов и их соотношения с общественными экономическими интересами. Только на этой основе можно понять экономическое содержание принципа демократического централизма, уяснить демократический характер приоритета общественных интересов. Проанализируем систему интересов в социалистическом обществе.

Дать описание экономических интересов индивида означает указать, какие объективно возможные изменения той жизненной обстановки, в которой он пребывает, ему выгодны, а какие нет. Жизненная обстановка индивида – это, во-первых, его материальные жизненные условия, включая условия труда и производства, и, во-вторых, отношения его с другими людьми, и прежде всего производственные отношения, которые определяют всю его жизненную обстановку в целом. Экономические интересы характеризуют положение людей в общественной системе производства и являются одной из наиболее важных характеристик системы производственных отношений.

Категория экономических интересов – это такая характеристика положения субъекта этих интересов (будь то отдельный индивидуум, коллектив или класс) в системе производственных отношений, которая показывает, какие действия в рамках этой системы отношений и какие изменения производственных отношений улучшают его жизненную обстановку, ему выгодны. Критерием для определения того, что является улучшением жизненной обстановки субъекта, служат сами же производственные отношения. При капиталистических производственных отношениях, например, капиталисту выгодно увеличение прибавочной стоимости и развитие всего, что к этому ведет, сохранение отношений эксплуатации. Рабочему же выгодно улучшение условий продажи его рабочей силы, но коренной его интерес состоит в уничтожении самой этой продажи.

Среди всех экономических интересов выделяются интересы в

улучшении материальных жизненных условий, то есть материальные интересы. Все другие экономические интересы тесно связаны с материальными и их удовлетворение в конечном счете приводит и к удовлетворению материальных. Материальные интересы трудящегося при социализме, например, состоят в улучшении его условий труда и быта, увеличении той суммы материальных благ, которой он располагает, в создании лучших условий для физического и духовного развития. Удовлетворение любого другого экономического интереса работника (например, интерес в выполнении государственного плана, в росте общественных фондов, в увеличении темпов роста производства, в укреплении и совершенствовании централизованного управления и т. п.) в конечном счете приводит и к удовлетворению его материальных интересов.

Материальные, а через них и другие экономические интересы тесно связаны с потребностями. Удовлетворение материальных интересов приводит к удовлетворению потребностей людей, а необходимость удовлетворений потребностей порождает материальные интересы! Это следствие того, что изменение материальных жизненных условий является их улучшением лишь в том случае, если способствует лучшему, более полному удовлетворению ряда человеческих потребностей, а именно таких, которые являются общественно необходимыми.

Вообще потребности человека являются не только продуктом обстоятельств, но и воспитания, а через воспитание в потребности входят субъективные элементы. И сами потребности, хотя и имеют под собой объективную основу, существуют в сознании, субъективны по форме. Вот поэтому из всей системы потребностей человека и выделяют общественно необходимые потребности, как потребности в исторически определенной и объективно необходимой для развития человека совокупности жизненных условий.

В потребностях, несмотря на их объективную определенность, присутствует, таким образом, и субъективный элемент. В то же время в интересах субъективный элемент совершенно отсутствует. Материальные интересы индивида – это не более как объективные данные о том, что ему в данной жизненной

обстановке и в силу его места в системе производственных отношений непосредственно выгодно, какие изменения материальных жизненных условий улучшают условия его существования и развития.

Материальные интересы людей не только зависят от их положения в системе производственных отношении, но и удовлетворяются посредством производства, через систему производственных отношений. Поэтому то или иное действие в рамках производственных отношений, то или иное изменение этих отношений оказывается выгодным или невыгодным для данного индивида, способствует или не способствует в конечном счете удовлетворению его материальных интересов, улучшению его материальных жизненных условий.

Вопрос «в чьих интересах?» может быть поставлен и как вопрос «кому выгодно?». Спросить «каковы интересы?» означает спросить «что выгодно?». А кому и что выгодно при данной системе производственных отношений – в этом, действительно, одна из наиболее ярких, наиболее важных объективных характеристик системы отношений, в которые вступают люди в процессе производства и воспроизводства материальных благ. Энгельс писал: «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы»[1].

Марксизм, таким образом, рассматривает экономические интересы как объективную характеристику экономического бытия людей. Ревизионистами же экономические интересы определяются субъективистски, например, как «концентрированная относительно устойчивая направленность внимания человека на удовлетворение определенных объективно обусловленных потребностей, которые либо удовлетворяются далеко не полностью и поэтому постоянно приковывают внимание человека, либо вследствие силы вызываемых эмоций и чувств рождают особое, все более сильное желание человека». При таком понимании экономический интерес превращается в разновидность психологических интересов. Нет, однако, ничего более ошибочного, чем подмена экономических категорий,

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 271.

являющихся объективными характеристиками производственных отношений, категориями психологии. Человек отнюдь не всегда интересуется тем, в чем он экономически заинтересован. К ошибкам приводит также отождествление интереса как объективной категории и интереса как уже осознанного, ставшего в качестве стимула элементом сознания.

Из понятия экономических интересов вытекает, что любая группа людей, положение которых в системе производственных отношений имеет общие черты, будь то общество в целом, производственный коллектив или класс, обладает и определенной общностью интересов. То, что выгодно одному, оказывается в силу наличия общих черт экономического положения выгодным и другим представителям рассматриваемой социальной группы.

Различия же в экономическом положении означают и различия в интересах. Поэтому интересы личностей, коллективов, классов и слоев не могут полностью совпадать.

Наибольшее совпадение интересов, когда можно сказать, что всем представителям данной группы людей выгодно практически одно и то же, наблюдается у членов одного и того же класса, поскольку в один класс индивидуумы попадают как раз в силу их одинакового положения в системе производственных отношений. В. И. Ленин писал, что «действия «живых личностей»... были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, – одним словом, к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества»[1].

Что выгодно данному классу рассматриваемой общественно-экономической формации – это определено его местом в системе общественного разделения труда, отношением его к средствам производства, размером и способами получения той суммы общественного богатства, которой он располагает. Интересы класса существуют поэтому объективно, независимо от

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 430.

воли представителей класса или степени осознания этих интересов, существуют как одна из объективных характеристик производственных отношений, в которые вступает класс. Интересы классов отличаются друг от друга в той мере, в какой отличается положение этих классов в экономической структуре общества.

В. И. Ленин подчеркивал, что политика классов есть выражение осознанных экономических интересов этих классов. Он писал: «Самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства»[1]. В этом плане и надо понимать знаменитую ленинскую формулу: «Политика есть концентрированное выражение экономики»[2].

Осознанный интерес толкает к борьбе за его реализацию. Он превращается в движущую силу, в могучий побудительный мотив, рождает стремление отстаивать его, выступает как необходимость действовать в направлении реализации этого интереса. Положение рабочего класса в системе капиталистических производственных отношений таково, что ему объективно выгодно уничтожение эксплуатации и построение бесклассового коммунистического общества. Осознание этих интересов подняло рабочий класс на борьбу и завершилось установлением его диктатуры.

С превращением рабочего класса в класс, господствующий не только в политическом, но и в экономическом плане, т. е. с установлением общественной собственности на средства производства, его экономические интересы сделались господствующими. Все вопросы в социалистическом обществе решаются с позиций рабочего класса, с позиций построения коммунистического общества, и действия всех подчиняются этому главному направлению. В социалистическом обществе построение коммунизма объективно выгодно всем слоям и классам. Поэтому интересы рабочего класса выражают их коренные интересы, и общественные интересы составляют ядро

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 327.

[2] Там же, т. 42, с. 278.

их экономических интересов.

С уничтожением антагонизма классов при социализме впервые возникает общность интересов всех членов общества. Эта общность интересов порождена близостью экономического положения всех социальных групп, коллективов и личностей. Чем меньше различий в экономическом положении, тем больше общих интересов. Различия же порождают дополнительные интересы, которые могут или развивать, конкретизировать коренные, общественные, интересы или в той или иной мере вступать с ними в противоречие.

Раз общественные интересы по своему классовому характеру являются интересами рабочего класса, то у рабочих внутренняя противоречивость их личных экономических интересов наименьшая, поэтому они выполняют авангардную роль в отстаивании общественных интересов. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Рабочие – самая революционная, дисциплинированная и организованная сила общества, наиболее последовательно заинтересованная в осуществлении социалистических и коммунистических целей общественного развития» [1]. Коммунизм, будучи выгоден и рабочему классу, и колхозному крестьянству, и интеллигенции, больше дает рабочим и крестьянам, выгоднее для них, они в нем больше заинтересованы, поскольку им он несет не только коренной переворот в распределении продуктов труда, но и в самих условиях и содержании труда, представляет значительно больший шаг в повышении их образовательного уровня и овладении богатствами мировой культуры, однако это различие в интенсивности, силе интересов существует лишь в рамках их единства и по мере сокращения социально-экономических различий между людьми физического и людьми умственного труда постоянно уменьшается.

По мере развития производительных сил социалистического общества, по мере роста кооперации труда в масштабах всего общества и перерастания социалистической собственности в коммунистическую будут преодолеваться

[1] Брежнев Л. И. Речь на заводе «Авто-Прага» 27 мая 1971 г.— «Правда», 1971, 28 мая.

социально-экономические различия между людьми и будет возрастать общность экономических интересов. В то же время, как подчеркивается в Программе КПСС, «поскольку рабочий класс – самая передовая, организованная сила советского общества, он осуществляет свою руководящую роль и в период развернутого коммунистического строительства. Выполнение своей роли руководителя общества рабочий класс завершит с построением коммунизма, когда исчезнут классы»[1].

Глубинной основой единства интересов трудящихся при социализме служит общественный характер производства, усиливающийся в условиях быстрого научно-технического прогресса. Но интересы – характеристика не производительных сил, а производственных отношений. Поэтому единство интересов может быть обеспечено лишь при условии объединения общественной собственностью на средства производства всех предприятий в единое целое, в единый организм, развивающийся по общему плану в общественных интересах. Предприятие – именно тот пункт, где индивидуум вступает в экономические отношения с обществом, включаясь в процесс общественного производства. Следовательно, без объединения всех предприятий государственным планом в единый народнохозяйственный организм, без планового централизованного управления экономикой единство интересов работников и коллективов предприятий дало бы лишь «кооперативный социализм», идеал анархо-синдикализма, ликвидирующий общность интересов в масштабах общества, уничтожающий общественную собственность. Такой идеал пытались реализовать ревизионисты в Чехословакии.

Единство интересов трудящихся при социализме не складывается само собой, оно зависит от деятельности людей, от организации общественного производства. Укрепление планового централизованного управления социалистической экономикой, совершенствование прямых директивных методов и всех других экономических методов управления, обеспечивающих обобществление на деле, является основной гарантией единства

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1971, с. 101.

личных, коллективных и общественных интересов. При социализме еще нельзя устранить всех противоречий между интересами коллективов предприятий и общества, но путем совершенствования системы планового централизованного управления их можно в значительной степени ослабить, а некоторые устранить совсем.

Коллективные интересы работников предприятия появляются как свидетельство общности условий, присущей членам одного и того же производственного коллектива. От лучшей организации производства на данном предприятии выигрывают все работники. Для членов данного производственного коллектива удовлетворение их интересов в повышении жизненного уровня в значительной мере определяется предприятием, на котором ни работают, и связано с выполнением их производственного плана, составляющего часть общего плана всего народного хозяйства. Интересы коллектива поэтому в значительной мере определяются формой связи, сочетания интересов общества и материальных интересов отельных трудящихся, членов данного производственного коллектива.

Общность интересов работников предприятия еще более рельефно проявляется в условиях новой системы планирования и материального стимулирования, так как более полное удовлетворение материальных интересов работников поставлено в прямую зависимость от общих итогов работы всего предприятия. Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО), например, в течение восьмой пятилетки значительно увеличило объем реализованной продукции, в 3 раза – прибыль, более чем в полтора раза производительность труда. Это позволило более полно удовлетворить все растущие материальные интересы коллектива. В объединении значительно выросла заработная плата, полностью ликвидирован тяжелый женский труд, решена проблема детских дошкольных учреждений; вошли в строй новая поликлиника и больница, создана база отдыха на Карельском перешейке и начато строительство пансионата в Сочи на 500 мест.

При условии существования планового централизованного управления экономикой в общественных интересах трудящиеся –

члены своего производственного коллектива являются одновременно и прежде всего членами единого всенародного производственного коллектива. Основное, коренное содержание интересов коллектива выражено поэтому общественными интересами.[1]

Общественные интересы – ядро коллективных интересов. Коллективу предприятия объективно выгодно руководствоваться в своей хозяйственной деятельности общественными интересами (даже если это в некоторых случаях и не даст наибольшего повышения заработной платы его членов). При условии аналогичного подхода со стороны других коллективов (что обеспечивается производственной дисциплиной и социалистическим соревнованием) это не может не повести к более быстрому развитию общественного производства и, как следствие, к более быстрому росту среднего уровня заработной платы рабочих и служащих в народном хозяйстве, а вместе с ним и заработной платы работников данного коллектива.

Если обратиться к данным статистики, то легко убедиться в том, что рост заработной платы работников в гораздо большей мере определяется успехами в развитии всего общественного производства, чем ростом индивидуальных затрат труда со стороны этих работников.

В то время как затраты труда работников с 1940 г. практически не возросли, а в связи с сокращением рабочей недели, вероятно, и сократились, среднемесячная заработная. плата постоянно увеличивалась.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих (руб.)

1940 г.	1950 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1974 г.
33,1	64,2	80,6	96,5	122,0	140,7

Нельзя забывать о том, что фонд распределения по труду есть величина переменная, а не неизменная, поэтому всем коллективам даже с точки зрения увеличения заработной платы следует прежде

[1] См.: Моисеенко Н., Маркин А., Попов М. Коллектив и сочетание экономических интересов. – «Экономическая газета», 1972, № 50, с. 5.

всего заботиться о росте этого фонда, а не об увеличении своей доли в этом фонде. Ведь при социализме одним из важнейших интересов общества является интерес в повышении заработной платы трудящихся, и этот интерес реализуется в той мере, в какой растет общественное производство.

Кроме того, надо учесть, что более быстрый рост общественных фондов потребления и улучшение условий труда связаны опять-таки с более быстрым развитием всего общественного производства. Материальные интересы коллектива предприятия, следовательно, могут быть наилучшим образом удовлетворены тогда, когда коллектив стремится действовать в общественных экономических интересах.

Часто выдвигающийся в литературе лозунг «То, что выгодно обществу, должно быть выгодно и предприятию» ставится не вполне корректно, так как подвергает сомнению тот факт, что с установлением социалистических производственных отношений в силу самого их характера, то, что выгодно обществу тем самым уже является объективно выгодным коллективу предприятия. Другое дело, что эта выгода не всегда является непосредственной и не всегда выражается в рублях заработай платы или премии; бывает, что она не сразу осознается. Но от этого она не перестает быть коренной выгодой. Например, переход от неполного среднего к всеобщему среднему образованию принадлежит как раз к числу таких выгод. То же можно сказать об увеличении общественных фондов и средней заработной платы в народном хозяйстве.

Очень важно делать то, что выгодно обществу, непосредственно влияющему на уровень заработной платы и премии. Однако было бы ошибкой сводить весь комплекс экономических интересов личности лишь к формам непосредственной материальной заинтересованности.

Эта ошибка не может не повести к серьезным отрицательным последствиям в хозяйственной практике. Газета «Правда» писала в передовой статье: «Иные хозяйственники полагают, что экономическая реформа дает им право подходить к любому делу только с одной меркой – «выгодно нам это или невыгодно», забывая о потребностях государственного масштаба». Такие

хозяйственники понимают выгодность чрезвычайно узко, имея в виду лишь свою непосредственную материальную выгоду и пренебрегая коренными общественными интересами. «Подобное отношение к интересам государства, – продолжает «Правда», – возможно только в условиях низкой требовательности, попустительства, отсутствия должной партийной принципиальности»[1].

К сожалению, такой подход нашел поддержку и у некоторых экономистов. Г. Лисичкин, например, который полагает, что «свобода личности начинается со свободы потребления», пропагандирует идею о том, что «каждого человека, каждое предприятие интересует «навар», «припек» от той деятельности, которой они занимаются»[2].

Мелкого буржуа, то есть мелкого хозяйчика, работающего на рынок, действительно интересует «навар», «припек» от той деятельности, которой он занимается, и он вполне будет согласен с Лисичкиным, что «одно дело носить навоз на собственный огород и другое работать на участке у соседа»[3]. Но разве можно с той же меркой подходить к социалистическому предприятию, коллектив которого действует прежде всего в общественных интересах, на общее благо?

Никакой мелкий буржуа не будет возражать, если, стремясь к своей личной выгоде, он будет заодно удовлетворять и общественные интересы, но разве мы, советские люди, можем систему управления общественным производством строить только на личной выгоде, только на стремлении предприятия получить прибыль? Система управления должна строиться таким образом, чтобы предприятия, стремясь удовлетворить общественные интересы, получали в то же время высокую прибыль. При этом "гарантируется" приоритет общественных интересов. Лисичкин же ставит проблему с ног на голову, выдвигая идею «так управлять предприятиями, чтобы они, **стремясь увеличить свою прибыль** (подчеркнуто нами. – Н. М.,

---

[1] «Правда», 1973, 21 февраля.

[2] Лисичкин Г. Что человеку надо? М., «Сов. Россия», 1974, 87.

[3] Там же, с. 38.

М. П.), выполняли в то же время общественный заказ»[1].

Идея о том, что общие интересы можно осуществлять, не заботясь о них и думая лишь о своих собственных, не нова. Эту идею развивал в конце XIX века английский теоретик утилитаризма Иеремия Бентам, которого беспощадно высмеял К. Маркс в «Капитале»[2]. Развивать подобные идеи при социализме можно только с позиций потребительского к нему отношения, как это и получилось у Лисичкина: «если я не могу купить то, что мне хочется, то зачем, собственно, стараться работать больше». Он, правда, заявляет, что «в организме человека есть определенный иммунитет против потребительской болезни» [3]. Иммунитет против потребительской болезни, однако, вырабатывается, по-видимому, общественным путем, путем борьбы с идеями «потребительского социализма».

Правильное, марксистское понимание социализма требует рассматривать в качестве двигателя нашего производства общественные экономические интересы, непосредственно присущие при социализме всем производителям материальных благ. Потребительское отношение к нему базируется на том, что таким двигателем является рост личной собственности. Логично поэтому, стоя на той позиции, что «рост личной собственности при социализме является не только следствием развития производства, но и двигателем его развития», придерживаться соответствующего взгляда и на характер отношений предприятие – общество: «как производственно-техническая и экономическая организация, предприятие осуществляет функции владельца в своих собственных интересах»[4].

Что же останется от приоритета общественных интересов, если каждое предприятие как экономическая организация будет действовать не в общественных, а в своих собственных интересах, и не общество, а предприятия будут выполнять функции владельца средств производства?

---

[1] Лисичкин Г. Что человеку надо? С. 40.

[2] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 187.

[3] Лисичкин Г. Что человеку надо? С. 51, 63.

[4] Колесов Н. Д. Общественная собственность на средства производства. Характер труда. Основной экономический закон социализма. — В кн.: «Политическая экономия. Социализм — первая фаза коммунистического способа производства». Под ред. Н. Д. Колесова. М., «Высшая школа», 1974, с. 74, 82.

При анализе социалистической системы интересов было бы неправильно рассматривать общественные интересы, с одной стороны, и коллективные и личные, с другой, как абсолютно тождественные друг другу или совершенно изолированные. Общественные интересы в качестве коренных интересов объективно присущи каждому трудящемуся и коллективу в социалистическом обществе, составляют ядро их экономических интересов и обеспечивают единство интересов личности, коллектива и общества, но нельзя забывать, что среди интересов как личности, так и коллектива есть и такие, которые объективно противоречат общественным. Поэтому очень важно, чтобы трудящийся, коллектив осознавали не только те свои интересы, которые отличаются от общественных, а иногда и противоречат им, но и те, которые совпадают с ними и составляют важнейшие его интересы.

Осознание своих общественных интересов есть процесс более сложный и трудный, чем осознание заинтересованности в удовлетворении своих материальных интересов. Поэтому нельзя ограничиться раскрытием всей совокупности объективных экономических интересов коллектива, разъяснением того положения, что высший экономический интерес самого же производственного коллектива требует действовать в общественных интересах. Социалистическое государство в целях подчинения в процессе производства действий трудящихся их общественным интересам применяет власть и прибегает к форме материальной заинтересованности, ставя удовлетворение материальных интересов работников в непосредственную зависимость от удовлетворения работниками общественных интересов.

Используя директивные и административные методы, материальную и моральную заинтересованность, государство направляет действия трудящихся в единое русло, указанное общественными интересами. Когда же коллектив предприятия фактически действует в общественных интересах, то остается лишь добиться осознания, понимания каждым членом коллектива необходимости таких действий. На это, в частности, направлено экономическое образование трудящихся.

Материальная заинтересованность является эффективным средством для того, чтобы сглаживать возникающие противоречия между интересами коллектива и общества. Материальная поддержка и поощрение действий трудящихся, направленных в общественных интересах, материальная ответственность за действия, идущие вразрез с интересами общества, – такая система материального стимулирования и материальной ответственности важна для закрепления ростков коммунистического отношения к делу. Нельзя, однако, забывать и о негативных явлениях, связанных с организацией материального стимулирования.

Материальные интересы работников предприятия проявляются во всех отношениях этого предприятия с работниками, государством и другими предприятиями, т. е. при организации производства, обеспечении сбыта продукции, получении сырья и новой техники и т. д. При этом возможно столкновение коллективных экономических интересов, порожденных существующей общественной формой удовлетворения материальных интересов, с общественными интересами. В докладе первого секретаря Ленинградского ОК КПСС Г. В. Романова на пленуме ОК КПСС 28 марта 1972 г. отмечалось, что имеются случаи, «когда в первую очередь выдвигаются не государственные интересы, а интересы того или иного коллектива или отдельной группы людей. Кое-где такое отношение, стремление получить оптимальную прибыль приводит к прямому нарушению законов, к различного рода махинациям».

Однако грубейшим извращением социалистических производственных отношений является изображение интересов коллектива как чего-то противостоящего общественным интересам или интересам других коллективов. Различие интересов существует. Но их объединяет то, что общественные интересы составляют ядро экономических интересов всех трудящихся. Это единство является определяющим, господствующим моментом и составляет прочную основу для разрешения возникающих противоречий. Если же в какой-либо период наблюдается рост противоречий, то это либо свидетельство того, что коллективами не осознаны их коренные

интересы, либо сигнал для общества совершенствовать систему управления, приводить ее в соответствие с изменившимися производительными силами.

Проблема обеспечения действий трудящихся и коллективов в соответствии с их коренными долговременными интересами составляет важнейшую задачу управления при социализме.

Экономическое управление по форме состоит в приведении действий людей в соответствие с целями субъекта управления, а по существу заключается в подчинении их действий интересам собственников средств производства. **При социализме управление экономикой заключается в том, чтобы в процессе производства обеспечить подчинение действий людей их коренным – общественным интересам. В этом содержание принципа демократического централизма в управлении социалистической экономикой.**

Те или иные формы и методы управления определяются в зависимости от того, в каком отношении интересы непосредственных производителей находятся к интересам собственника средств производства. Ясно поэтому, что правильное представление о структуре экономических интересов является совершенно необходимым для организации управления социалистической экономикой. Неверное изображение экономических интересов может вести к подрыву социалистической системы управления, способствовать деформации социалистических производственных отношений.

Особенно опасным было бы сужение экономических интересов личности и коллектива при социализме до их материальных интересов. Это было бы равносильно исключению из состава личных и коллективных экономических интересов целого ряда важнейших интересов, относящихся к коренным экономическим интересам личности и коллектива, являющихся в то же время общественными. Подобное понимание личных и коллективных экономических интересов еще встречается в работах некоторых авторов.

«Личный экономический интерес, носителем и выразителем которого является отдельный работник, состоит в обеспечении общественно необходимого уровня удовлетворения потребностей

этого работника», – пишет экономист Б. В. Ракитский.[1] Такое определение личных экономических интересов превращает интересы субъектов производственных отношений из характеристики их положения в системе этих отношений в отражение общественно необходимых потребностей работников. Это определение ошибочно, так как важнейший экономический интерес трудящихся, интерес в построении бесклассового коммунистического общества этим определением не выражен и не входит в состав личных экономических интересов. «В социалистическом обществе, – пишет Б. В. Ракитский, – должен быть самостоятельный носитель общественного экономического интереса, способный действовать в целях его осуществления. Эту функцию выполняет социалистическое общество в целом, представляемое государством»[2].

Б. В. Ракитский в своих книгах нигде прямо не указал, является ли трудящийся при социализме носителем общественных интересов или эту функцию выполняет лишь общество в целом, представляемое государством. Оставлять этот вопрос невыясненным и, более того, давать определение личных интересов, как не включающих в себя общественные в качестве ядра и главного содержания, означает оставлять не только лазейку, но и распахнутую дверь для немарксистских, буржуазных трактовок социализма.

Буржуазные идеологи изображают социализм строем, в котором общественные интересы существуют как нечто чуждое непосредственным производителям, никто лично в построении коммунизма не заинтересован и все понуро бредут вперед, лишь понукаемые большевистским государством. Исходя из такого представления о социализме, буржуазные советчики предлагают в максимальной степени сократить сферу централизованного планирования и управления, отказаться от директивных и административных методов управления и заменить государственное управление стихийностью товарно-денежных отношений.

---

[1] Ракитский Б. В. Что такое экономические методы хозяйствования. М., «Московский рабочий», 1969, с. 40.

[2] Ракитский Б. В. Формы хозяйственного руководства предприятиями. М. «Наука», 1968, с. 10.

Трудно согласиться и с той трактовкой коллективных интересов, которую дает Б. В. Ракитский: «В чем состоит интерес социалистического предприятия, или, что то же самое, интерес коллектива? Он состоит в получении возможно большего поощрения от общества за выполнение государственных заданий»[1]. В этом определении отсутствует главное в содержании интересов производственного коллектива социалистического предприятия – первостепенное обеспечение общественных, коренных интересов трудящихся. Получается, что производственному коллективу выгодно получать за выполнение заданий возможно большее поощрение, и этим круг его экономических интересов завершается.

Между тем каждый коллектив при социализме в силу своего положения в структуре общественного производства объективно заинтересован во всем, что способствует росту общественного производства и развитию социалистического общества, и общественные интересы входят в круг его экономических интересов, причем не только в качестве составной, но и в качестве основной его части.

Тот интерес, на который указал Б. В. Ракитский, тоже входит в круг экономических интересов коллектива. Но неверно было бы думать, что экономические интересы коллектива при социализме только в этом и состоят. Единство действий производственных коллективов при социализме может быть обеспечено только благодаря единству интересов, благодаря тому, что основные общественные интересы составляют ядро экономических интересов каждого производственного коллектива. Именно на эти общие для всех интересы опирается социалистическое государство при организации планового централизованного управления экономикой.

При организации управления экономикой необходимо иметь в виду, что действия людей исходят из тех экономических интересов, которые ими осознаны, что осознание общественных интересов идет не с такой легкостью, как осознание материальных интересов. Осознанные же общественные интересы являются

---

[1] Ракитский Б. В. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 39–40.

интересами, из которых действия людей исходят в первую очередь. Это вытекает из того, что общественные интересы являются в то же время коренными интересами трудящихся, составляющими самую глубокую основу их деятельности в обществе.

Осознанные общественные интересы оказывают непосредственное влияние на деятельность личности как один из самых могущественных экономических факторов. Противоположную точку зрения отстаивает Б. В. Ракитский: «Действия отдельных людей исходят в первую очередь из личного материального интереса, в котором фактическое экономическое неравенство отражается непосредственно. Что же касается общественного материального интереса, то на деятельность личности он не оказывает непосредственного влияния как экономический фактор» [1]. Такое представление неизбежно ведет к принижению директивного планирования и централизованного управления социалистической экономикой и преувеличению роли методов материального стимулирования, к привнесению в экономику социализма элементов рыночного хозяйства.

Таким образом, общественные интересы, составляющие при социализме ядро личных и коллективных интересов, оказывают решающее, определяющее влияние на всю экономическую жизнь общества. Эти интересы непосредственно присущи каждому трудящемуся и коллективу, а следовательно, выступают они не только в форме общественной воли, выражаемой государством, но и непосредственно как характеристика социалистических производственных отношений, характеристика того положения, которое занимает трудящийся или коллектив в этой системе. **Главная задача управления при социализме состоит в том, чтобы обеспечивать приоритет общественных интересов, составляющий экономическое содержание демократического централизма.**

Соединение централизма социалистического государства с широчайшей инициативой масс обеспечивает проведение

---

[1] Ракитский Б. В, Формы хозяйственного руководства предприятиями, с. 9,

общественных интересов с такой полнотой, которая недоступна иному типу централизма, кроме демократического. Демократический централизм есть централизм наивысшего типа, и этот высший тип централизма доставляет ядро социалистической экономики.

ГЛАВА II. ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ демократического ЦЕНТРАЛИЗМА

1. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

Общественные экономические интересы и социалистическое соревнование. Принципы организации соревнования. Роль центральных органов планирования и управления в обеспечении выполнения социалистических обязательств трудящихся. Социалистическое соревнование и план. Сочетание морального и материального стимулирования социалистического соревнования.

При капитализме, где интересы собственников средств производства противоположны интересам непосредственных производителей, осознание трудящимися своих объективных экономических интересов представляет угрозу самому существованию этого экономического строя. При социализме, где цели управления вытекают из интересов трудящихся, государство само стремится к повышению сознательности трудящихся масс. Капиталистический менеджер делает ставку на экономическое принуждение. Представитель общественных интересов опирается прежде всего на сознательность, на осознание трудящимися своих объективных экономических интересов. Социализм – строй, который впервые фактически, на деле признает в трудящемся не только объект управления, но мыслящего, обладающего сознанием субъекта. Экономическое управление в полном смысле слова становится управлением людьми.

Демократический централизм предполагает, чтобы максимальное число работников ясно представляло свои общественные интересы, понимало, что решающим условием улучшения жизни является общая забота об общем деле. Требуется больше привлекать рабочих к управлению общественным производством. Важно показывать на исторических примерах и экономическим расчетом, какие

результаты давала и может давать забота об общественных интересах, и наоборот, каких экономических выгод лишаются сами же трудящиеся, руководствуясь только личными и коллективными материальными интересами, пренебрегая общественными.

Здесь – громадный резерв повышения эффективности общественного производства, и его использование по мере движения к коммунизму будет усиливаться все более и более.

Существование у трудящихся общественных экономических интересов порождает соревнование за лучшее удовлетворение этих, общих для всех, коренных интересов. Социалистическое государство поддерживает и организует это соревнование, рассматривая его как один из важнейших методов управления социалистической экономикой, непосредственно использующий общественные интересы миллионов рядовых участников общественного производства.

В специальном постановлении ЦК КПСС подчеркивалось, что «соревнование на всех этапах социалистического и коммунистического строительства было и остается могучим средством развития творческой инициативы масс, формирования социалистического коллективизма. Оно всегда служило эффективным методом подъема производительных сил, совершенствования производственных отношений, воспитания трудящихся, привлечения их к управлению производством. Социалистическое соревнование рождает в массах трудовой энтузиазм, творчество, выдвигает миллионы передовиков и новаторов, рационализаторов и изобретателей» [1]. Гласность, сравнимость результатов, возможность повторения передового опыта, возможность обмена теми материальными силами – и человеческими силами, – которые проявили себя с наилучшей стороны, т. е. то, что необходимо для организации соревнования, обеспечены руководящей ролью Коммунистической партии и государства рабочего класса в экономике.

Новые приемы и методы работы и организации труда при социализме становятся, благодаря соревнованию сначала

---

[1] О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования. Постановление Центрального Комитета КПСС. М. Политиздат, 1972, с. 3.

моральным, а затем, с помощью государства, и принудительно вводимым образцом. Последнее обстоятельство является особенно важным, поскольку все коллективы, все трудящиеся поднимаются таким образом до уровня передовых, что обеспечивает перевод всей экономики на новый, более высокий уровень. На этом уровне вновь инициатива передовиков рождает новые способы подхода к делу, лучший опыт, благодаря широкой гласности, опять становится сначала моральным, а затем благодаря организаторской деятельности государства и принудительно вводимым образцом. Экономика поднимается на еще более высокий уровень и т. д. Процесс этот идет непрерывно, благодаря чему обеспечиваются более высокие темпы развития производства и более быстрое решение социально-экономических задач.

Поскольку соревнование построено на осознании трудящимися общности их интересов, на сознательной борьбе за проведение общественных экономических интересов в жизнь, на сознательном распространении и утверждении передовых методов, форм и приемов их осуществления, постольку организовать соревнование значит прежде всего обеспечить гласность, которая давала бы возможность всем знакомиться с ходом коммунистического строительства во всех ячейках народного хозяйства. Отсюда следует, что огромную роль в организации соревнования, в организации экономической жизни играет при социализме пресса.

Пресса должна обеспечивать проверку, изучение и широчайшее распространение передового опыта, всесторонне освещать содержание этого опыта, не ограничиваясь лишь сообщением результатов, достигнутых благодаря новым передовым приемам труда и организации производства. Только в этом случае новый опыт, новые, передовые приемы труда и производства смогут стать достоянием самых широких слоев трудящихся во всех концах страны, а при условии, что созданы условия для его повторения, он будет распространяться и внедряться с той быстротой, с какой распространяется пресса.

Пресса должна не только показывать передовое, лучшее, но и способствовать искоренению всего отсталого, негодного, занося

на «черную доску» всех «хранителей традиций капитализма»; этого требует ее роль как могучего орудия воздействия на умы людей в руках передового класса. «Разве, – писал Ленин, – классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, – содрать с «него» денег побольше... Скольких из них мы поймали, скольких изобличили, скольких пригвоздили к позорному столбу? Печать об этом молчит. А если пишет, то по-казенному, не как революционная печать, не как орган диктатуры класса, доказывающего своими делами, что сопротивление капиталистов и хранящих капиталистические привычки тунеядцев будет сломлено железной рукой... У нас нет деловой, беспощадной, истинно революционной войны с конкретными носителями зла. У нас мало воспитания масс на живых конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это – главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму»[1].

Особая роль в организации соревнования вполне закономерно отводится социалистическим обязательствам. Необходимо подчеркнуть, что обязательство по своему существу есть средство включения соревнующихся в общий планомерный процесс производства. Это – заявка соревнующихся социалистическому государству на обеспечение их материальными средствами и организационно-техническими условиями, необходимыми для рождения новых приемов труда и достижения лучших результатов.

В обязательстве указывается, какие результаты, в какие сроки, за счет чего и при каких условиях соревнующиеся обязуются получить. Совершенно ясно, что никакая инициатива не сможет породить тех средств производства, из которых изготовляется продукция, и если соревнующиеся не обеспечены ими в соответствии с обязательствами, то обязательства ждет

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 90–91.

неминуемый провал. Так происходит, когда руководство не обеспечивает должной согласованности между обязательствами различных предприятий и отраслей, и поставщики отгружают продукцию потребителям вне всякой зависимости от тех сроков, которые необходимо выдержать, чтобы обязательства последних были выполнены.

Чтобы движение потоков материальных ценностей было сбалансировано, чтобы обязательства были согласованы по средствам и результатам их осуществления, следует основные обязательства принимать в предшествующий составлению плана период и в качестве основных обязательств рассматривать напряженные планы. Взятые в период выполнения народнохозяйственного плана, обязательства также должны быть отражены в планах или обязательствах производств и организаций, снабжающих и обеспечивающих соревнующиеся предприятия. Необходима энергия и требовательность со стороны центральных органов, чтобы создать условия передовым коллективам для внедрения передовых приемов и методов труда.

Соревнование – дело государственное. Оно предполагает централизм социалистического государства, организаторскую деятельность плановых и хозяйственных органов, высокую плановую и вообще хозяйственную дисциплину и, конечно, гласность. Только в этом случае оно будет соревнованием самых широких масс. В организации соревнования особенно ярко проявляется демократический централизм, сочетание широчайшей инициативы масс с централизмом социалистического государства. Без централизма нет соревнования, а без соревнования нет настоящего централизма, смысл которого в том, чтобы обеспечить тесное единство действий участников трудового процесса в осуществлении общественных интересов.

Следует помнить, что план, каким бы подробным он пи был, не может предписать все действия, которые необходимо совершить, чтобы общественные интересы реализовать во всей их полноте. Вопрос поэтому в том, какими действиями участников производства будет дополнена та совокупность мер, которая предписана планом. От того, будут ли в сфере

оперативно-хозяйственной самостоятельности трудящиеся действовать в общественных интересах или вопреки им, в колоссальной степени зависит поэтому решение задачи социалистического управления. Инициатива и сознательность масс, их активная борьба за осуществление общественных интересов, как выраженных, так и не выраженных планом, – вот на чем основан социалистический экономический строй. Этим определено значение соревнования как могучего средства аккумулировать и направлять социалистическую инициативу.

К сожалению, еще не все хозяйственные руководители, инженерно-технические работники понимают значение социалистического соревнования, не все учитывают общественный характер производства и достаточно хорошо осознают вытекающую отсюда свою роль в организации соревнования, некоторые из них полагают, что их дело – план, а дело рабочих – выполнение обязательств, соревнование. Без плана, учитывающего обязательства, без централизма и хозяйственной дисциплины, без внедрения новой техники, без активной роли руководителей соревнование на современном этапе научно-технического прогресса не может раскрыть всех своих преимуществ.

ЦК КПСС в постановлении «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования» обратил внимание партийных, профсоюзных и советских органов, министерств и ведомств на необходимость повышения роли и ответственности хозяйственных руководителей, инженерно-технических работников, специалистов сельского хозяйства за организацию социалистического соревнования.

Хозяйственные руководители обязаны создавать необходимые организационно-технические и экономические условия для высокопроизводительного труда, позволяющие каждому трудящемуся выполнять принятые обязательства, наиболее полно проявлять свои способности. Важно своевременно подмечать и поддерживать все новое, что рождается творчеством масс, принимать эффективные меры по распространению достижений передовиков и лучших коллективов, постоянно заботиться о повышении уровня профессиональной подготовки рабочих,

колхозников, служащих.

Нельзя, однако, сказать, что органы хозяйственного управления, партийные и профсоюзные органы в полной мере используют свои возможности для организации соревнования. Порой к его организации относятся еще формально, спустя рукава.

Возьмем, например, такое ценное начинание, как практика определения и доведения до рабочих личных и бригадных заданий, сравнение результатов соревнования с помощью критерия опережения в выполнении заданий, выраженного в человеко-днях, показ этих результатов на экранах соревнования. Широкий круг партийного и профсоюзного актива ленинградской промышленности хорошо освоил эту форму организации соревнования. Но вот какой факт имел место в объединении «Баррикада».

Если судить по экранам соревнования, то на каждого сдельщика в 1974 г. здесь было достигнуто в среднем восьмидневное опережение заданий. Однако годовой план был выполнен лишь на 98%. Таким образом, индивидуальные и бригадные задания в нормо-часах давались в явном несоответствии с утвержденным государственным планом, не нацеливали соревнующихся даже на его выполнение[1].

Еще имеются факты искажения самой сути социалистического соревнования, когда «хорошими результатами» прикрываются отсталая организация труда, низкий уровень технической оснащенности, слабая организаторская работа и даже нарушения трудового законодательства.

В цитированном постановлении ЦК КПСС отмечается, что имеет место недооценка моральных стимулов к труду, не всегда последовательно применяется и правильно используется существующая система морального поощрения. Зачастую не обеспечивается должное сочетание материального поощрения с моральным. Вручение переходящих Красных знамен, Почетных грамот и премий, занесение победителей в Книги и на Доски почета проводится порой формально, без должной гласности. Во

---

[1] См.: Провоторов В. Соревнование: год завершающий. — «Ленинградская правда», 1975, 21 февраля.

многих коллективах ослабла требовательность при подтверждении и присвоении званий коллективов и ударников коммунистического труда.

Вот о чем написала в «Ленинградскую правду» работница швейного объединения «Весна» В. Тихонова: «Я случайно узнала, что награждена почетным знаком «Победитель социалистического соревнования». И вот уже несколько месяцев не могу этот знак получить». Такой случай мог произойти лишь потому, что в цехе № 2 Сестрорецкого филиала объединения «Весна», где работает В. Тихонова, у администрации сложилось безразличное отношение к самому ходу соревнования, безразличие к людям, ко всем моральным стимулам[1].

Одним из ключевых вопросов организации соревнования является сочетание морального и материального стимулирования. Ударный труд должен и соответствующим образом поощряться. Трудящийся должен чувствовать, что его забота об общественных интересах, его самоотверженный труд общество ценит высоко и в свою очередь проявляет о нем заботу. Моральное и материальное Поощрение должны идти рука об руку. Но «бывает и так, что в погоне за планом, сиюминутной выгодой кое-кто делает упор на чисто материальный интерес. Рубль, мол, «все сделает». И вот становятся системой сверхурочные работы. Премии вместо того, чтобы быть выражением общественного признания успешного труда, рассматриваются просто как прибавка к заработной плате. Да и иные пропагандисты, не утруждая себя осмыслением важных проблем, связанных с ростом народного благосостояния, сводят всю проблему к удовлетворению материальных запросов. Долг партийных организаций – решительно выступать против подобной практики, порождающей иждивенческие настроения, мещанские взгляды на жизнь и труд в социалистическом обществе»[2].

Партия руководствуется ленинским положением о том, что коммунизм вырастает из сознательности масс, их творческой активности и самодеятельности. Она призывает в управлении производством опираться прежде всего на общественные

---

[1] См.: Клименков В. Обида. – «Ленинградская правда», 1975, 1 февраля.

[2] Моральные стимулы. (Передовая). — «Правда», 1971, 12 августа.

интересы трудящихся. Б. В. Ракитский полагает, однако, что «когда решается задача повысить эффективность производства, вовлечь в дело все имеющиеся резервы, главная ставка должна быть сделана, конечно же, на материальную заинтересованность»[1]. Это представление не желает считаться с тем, что решающими, определяющими при социализме являются общественные интересы, что они объективно присущи каждому трудящемуся и суть его самые основные, коренные интересы. Если же не отбрасывать эту фундаментальную черту производственных отношений социализма, а, напротив, попытаться оценить все ее значение для управления социалистической экономикой, то станет ясно, что при полном использовании возможностей материального стимулирования управление при социализме должно ориентироваться прежде всего на общественные экономические интересы работников. Нельзя поэтому не согласиться с мнением наших немецких товарищей: «Нынешние масштабы экономической инициативы во многих отношениях сочетаются одновременно и с высокими идеологическими требованиями. Система экономических рычагов может действенно поддерживать такую инициативу, но не может автоматически и в совершенстве ее направлять. Для этого ей необходима движущая сила – она в сознательных социалистических действиях миллионов»[2].

Ленинская мысль о том, что «государство сильно... тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»[3], нашла свое выражение уже в самой постановке вопроса о совершенствовании управления экономикой в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду.

Эта мысль развивается в специальном разделе доклада, где указывается, что «одна из центральных задач партии – все более широкое вовлечение трудящихся масс в управление производством. Нужно добиваться, чтобы каждый сознательный трудящийся, каждый сознательный рабочий, как подчеркивал В.

---

[1] Ракитский Б. В. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 16.

[2] Ламберц Вернер (член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ). Главные направления идеологической работы. — «Правда», 1971, 7 января.

[3] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 35, с. 21.

И. Ленин, «чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны». Наш долг – еще полнее претворить в жизнь ленинские заветы, добиться того, чтобы все рабочие, колхозники, интеллигенция стали сознательными борцами за осуществление экономической политики партии, действовали как государственные люди, в полной мере проявляя свои способности, инициативу, хозяйственную сметку»[1].

Партия держит курс на полное использование могучих резервов социалистического производства, и прежде всего тех, которые связаны с глубоким осознанием трудящимися своих общественных интересов. Использование всех преимуществ социализма – необходимое условие высоких темпов роста экономики, быстрого повышения производительности труда и эффективности производства, необходимое условие успешного движения вперед по пути полного уничтожения классов.

2. РОЛЬ ПЛАНА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ТРЕБОВАНИЯ К СИСТЕМЕ ПЛАНОВЫХ ЗАДАНИЙ

Понятие народнохозяйственного плана. Критерий оптимальности народнохозяйственных планов. Общественные интересы и формирование структуры потребностей. Роль плана в обеспечении соответствия производства и потребностей. Планомерное развитие производства и управление спросом. Удовлетворение потребностей и роль натуральных показателей в государственном планировании. Сбалансированность и напряженность как важнейшие характеристики оптимального народнохозяйственного плана. Микропоказатели и централизм.

Реальное функционирование общественной собственности на средства производства имеет место тогда и только тогда, когда производство ведется в общественных интересах. В условиях производства, принявшего общественный характер, это предполагает выражение требований этих интересов в виде плана,

[1] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 70 —71.

а также реализацию этого плана, обеспечение неукоснительного выполнения заложенных в плане и воплощающих общественные интересы заданий всеми участниками общественного производства. На социалистической стадии коммунистической формации последнее еще невозможно гарантировать без использования государственного принуждения.

Понятие народнохозяйственного плана вытекает из того, что он должен, вобрав в себя экономическую необходимость, предопределить развитие экономики. Отражая взаимообусловленность и взаимозависимость экономических процессов, план должен быть в то же время выражением интересов общества.

Следовательно, народнохозяйственный план составляется на основе познания экономической действительности, и прежде всего экономических законов. По форме он представляет собой комплекс взаимосогласованных, взаимоувязанных директивных заданий, в совокупности предопределяющих развитие экономики, причем взаимосогласованность, взаимоувязанность заданий соответствует взаимообусловленности, взаимозависимости экономических процессов. По своему содержанию народнохозяйственныи план является развернутым выражением общественных интересов.

Таким образом, народнохозяйственный план есть выражение общественных интересов в директивной форме в виде комплекса согласованных директивных заданий, определяющих будущее экономическое развитие.

Составление плана, отвечающего общественным интересам, может быть представлено в следующем виде. На первом этапе выясняется множество всех технологически и экономически возможных плановых вариантов развития экономики. На втором этапе из этого множества выбирается оптимальный.

Критерий оптимальности, то есть принцип, согласно которому производится сравнение вариантов, – соответствие их общественным интересам. Следовательно, оптимальный план – это план, наилучшим образом отвечающий общественным интересам, которые на социалистической стадии коммунистической формации являются интересами руководителя

общества – рабочего класса, выступающего в союзе с крестьянством.

Оптимальный плановый вариант развития экономики – наилучший из технологически и экономически возможных. Следовательно, искусственное ограничение использования или полное неиспользование каких-либо присущих социализму методов управления ограничивает множество тех плановых вариантов, из которых выбирается наилучший, и не дает поэтому оптимального варианта развития. Этот вариант, который может быть реализован лишь при полном использовании всех возможностей социализма, оказывается тогда за кругом рассматриваемых вариантов развития экономики.

Без планирования невозможно в полной мере обеспечить развитие экономики в общественных интересах даже при наличии централизации, поскольку отдельные управляющие директивы центра в этом случае попадают в стихию непредвиденных обстоятельств и неучтенных факторов. Не имея под собой прочной научной базы, эти директивы не могут быть настолько детальными, чтобы с возможной на данном техническом уровне полнотой определить будущее экономическое развитие. Это следует из того, что тесная взаимозависимость экономических процессов и их взаимообусловленность как в пространстве, так и во времени требуют и соответствующей взаимозависимости и взаимообусловленности управляющих директив.

Только планирование дает поэтому настоящую централизацию, построенную на принципе демократического централизма. В свою очередь без энергичной деятельности экономического руководства, направленной на безусловную реализацию намеченных планов, без революционной решимости добиться выполнения плана, без использования для обеспечения выполнения плана всего арсенала методов управления, имеющихся в распоряжении социалистического государства, и его силы план перестает быть планом и оказывается лишь мечтой, научно выраженной, обоснованной, но все же мечтой, которая была вполне осуществимой, но так и не осуществилась. Таким образом, общественная собственность существует лишь при наличии планового централизованного управления экономикой.

Планомерность является показателем того, что общество достигло такого уровня развития, когда объективная экономическая необходимость выступает по отношению к членам общества уже не как слепая необходимость, а как необходимость, осознанная и выраженная в словах и цифрах.

Производство при социализме ведется целесообразно не только в масштабах отдельных производственных единиц, но и в масштабах всего общества. Цель производства при социализме определяется интересами рабочих и крестьян. Она заключается в таком удовлетворении потребностей людей и развитии их физических и духовных способностей, которое способствует ускорению процесса ликвидации существенных социально-экономических различий, ускорению процесса полного уничтожения классов.

Планы направлены на реализацию этой цели и доводятся до субъектов хозяйственной деятельности в виде ясно и четко сформулированных заданий. Эти планы представляют собой требования общества ассоциированных производителей к своим членам, вытекающие из общих экономических интересов, требования, выраженные с помощью высшей формы общения между людьми – языка – и признающие, следовательно, в исполнителе не просто объект управления, а мыслящего, способного к осознанию выраженной в плане объективной необходимости человека.

Плановое управление есть субъективная по форме деятельность. Важно поэтому, чтобы она не отрывалась от своего объективного содержания. План, переставший выражать объективную необходимость, составленный ненаучно, может лишь дискредитировать планирование и из могущественного средства господства общества над своим производством может превратиться в свою противоположность. Гарантией от такого превращения является выражение и последовательное проведение социалистическим государством интересов господствующего класса, развитие революционной теории марксизма-ленинизма, который является научной основой планирования при социализме.

Ошибки в планировании возможны, и за них сразу же

ухватываются ревизионисты и ренегаты, требуя вместо устранения ошибок и повышения уровня планирования отказаться от централизованного планирования вообще. Эти требования, однако, реакционны по своей сути и показывают полное отсутствие необходимой для решения новых задач революционной смелости и энергии. Социализм – это более высокая форма общественной организации, чем капитализм. Здесь создается сложная система тонких организационных отношений, и преимущества этой системы нужно уметь использовать. Вот почему так важно совершенствовать как теорию, так и практику планирования.

Система показателей плана должна быть настолько развитой, чтобы предопределять развитие экономики и направлять это развитие в соответствии с общественными интересами. Стихийность будет уничтожена и заменена целесообразностью, сознательностью, планомерностью лишь в том случае, если плановые показатели охватят все важнейшие пункты, стороны и моменты воспроизводства. Отсюда для планов производства вытекает необходимость по меньшей мере трех групп показателей, характеризующих затраты, результаты и эффективность производства, соотношение затрат и результатов.

Особое значение при социализме имеют натурально-вещественные показатели, так как производство здесь развивается для удовлетворения потребностей. Важнейшей задачей планирования, важнейшим требованием общественных интересов является обеспечение соответствия производства потребностям.

Проблема соответствия производства и потребностей возникает с того момента, как производство принимает общественный характер, то есть когда производители и потребители любого материального блага уже не совпадают. Разрешимой она становится только в результате уничтожения стихийной формы ведения хозяйства и установления планового централизованного управления – при социализме.

Если рассматривать проблему соответствия производства и потребностей в динамике, то она отнюдь не выглядит как проблема планомерного приведения структуры производства в

соответствие с некоей заданной, неизменной структурой потребностей. Эта проблема является гораздо более сложной и глубокой. Хотя ее решение предполагает для каждого периода производства определенное согласование структуры производства и потребностей, необходимо учесть изменение потребностей под воздействием развития производства, и не только производственных, но и непроизводственных.

Так как человек является продуктом обстоятельств и воспитания, то его потребности определены той жизненной обстановкой, в которой он находился и находится, и в частности, характером потребления. Условия жизни человека в свою очередь определяются уровнем развития производительных сил, характером и степенью развития производственных отношений и местом его в этой системе отношений. Производство под воздействием данных потребностей развивается, изменяет условия жизни людей, а с ними и их потребности.

Жизненная обстановка не сводится только к материальным условиям, а включает и общественные отношения, в которых протекает жизнь человека. Следовательно, революция в производственных отношениях означает и наступающую через некоторое время революцию в потребностях. Кроме того, различным общественно-экономическим формациям даже при одном и том же уровне развития производительных сил соответствуют различные системы потребностей.

Признание определяющей роли производства во взаимодействии производства и потребностей не отвергает физиологической основы человеческих потребностей. То, что человек, как и всякое животное, должен вступать в обмен веществ с природой, есть вечное условие его существования. Но человек – «животное» общественное, а общество развивается вместе с развитием производства. Состав и структура потребностей, способ удовлетворения потребностей, интенсивность потребностей – все это менялось и будет меняться по мере развития производства.

С развитием производства растут потребности, увеличивается их разнообразие. Удовлетворение же этих потребностей, как известно, в классовых обществах является привилегией

меньшинства. Коммунистический способ производства уничтожил антагонизм классов и положил начало движению к полному равенству возможностей удовлетворения потребностей. Социалистическому обществу на разных этапах развития его производительных сил соответствуют различные потребности, различное распределение их между классами и слоями и все возрастающие возможности их удовлетворения. Потребности людей полного коммунистического общества, общества, в котором производительные силы получат новое мощное развитие, будут иными, более совершенными, чем при социализме, будут потребностями всесторонне развитых индивидов.

Во всех докоммунистических формациях развитие потребностей под воздействием развития производства шло стихийно. С установлением социалистических производственных отношений планирование производства дало в руки обществу ассоциированных производителей возможность сознательного формирования потребностей. Используя эту возможность, рабочий класс, стоящий во главе социалистического общества, стремится создать у людей такую систему потребностей, которая вытекает из интересов построения коммунистического общества. Он воздействует на потребности людей таким образом, чтобы в качестве предметов этих потребностей выступила совокупность тех и только тех материальных и духовных условий, которые при данном уровне развития производительных сил необходимы для обеспечения нормальной жизнедеятельности личности и ее функционирования в обществе в соответствии с его целью. В частности, стоит задача ликвидации тех потребностей, дальнейшее существование которых мешает воспитанию всесторонне развитого, активного и сознательного человека – строителя коммунизма.

К сожалению, не все экономисты понимают, что задача управления потребностями решается прежде всего благодаря управлению производством по схеме: производство – потребление – потребности. Н. Я. Петраков считает, например, что «когда речь идет о потреблении продуктов, которые могут принести вред здоровью человека (например, алкоголя)», то процедура регулировали производства и потребления должна

держаться прямо противоположного направления: «отмирание потребности – снижение потребления – сокращение производства»[1].

Роль производства в этой схеме совершенно пассивна. Автор понимает, что нужно оказывать воздействие на факторы жизнедеятельности, определяющие нежелательное поведение объекта управления[2], но выключает решающую цепочку этого воздействия: постепенное, но неуклонное сокращение производства и соответствующее снижение продажи и потребления крепких алкогольных напитков, что в комплексе с целым рядом мер по улучшению условий труда, быта, отдыха и повышению сознательного и культурного уровня трудящихся будет способствовать постепенному отмиранию данной потребности. Именно так подходит к решению этого вопроса Коммунистическая партия.

Поскольку затронутая Н. Я. Петраковым проблема имеет очень долгую историю, то мы можем на ее решение взглянуть не только с позиций теории, а и с позиции исторической практики. Известно, что в царской России производство алкогольных напитков не ограничивалось. И это несло народу «вместо уменьшения пьянства – увеличение числа мест тайной продажи вина, увеличение полицейских доходов с этих мест, открытие винных лавок вопреки воле населения, ходатайствующего о противном, усиление пьянства на улицах»[3].

Итак, по отношению к потребностям производство является определяющей стороной. Из двух взаимодействующих друг с другом сторон – производства и потребностей – лишь первая является самостоятельной, способной к решительным изменениям при неизменной другой стороне. Вторая же в динамике оказывается продуктом первой как по составу средств для удовлетворения потребностей, так и по структуре, форме и интенсивности потребностей в продуктах того или иного рода.

Без учета этого невозможно перспективное планирование. Производственные планы, намечаемые на большой срок (5–10

---

[1] Петраков Н. Я. Кибернетические проблемы управления экономикой. М,, «Наука», 1974, с. 59—60.

[2] См. там же, с. 60.

[3] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 4, с. 421.

лет), неминуемо отразятся на структуре и интенсивности потребностей и, следовательно, делают необходимым составление не только прогноза и плана производства, но также взаимоувязанного с ними и составленного на их основе прогноза и плана потребностей. Следовательно, уже само составление плана и прогноза производства требует учета изменения структуры и интенсивностей потребностей по мере роста и развития производства.

В каждый момент производство развивается под воздействием существующих на данный момент потребностей, но вследствие изменений в производстве потребности изменяются и служат побудительным мотивом производства уже в своем новом, измененном виде и т. д. Поэтому составление прогноза и плана производства и составление прогноза и плана потребностей – не два различных процесса, а единый процесс планирования воспроизводства, учитывающий единство производства и потребностей при определяющей роли производства. Кроме того, он отражает тот факт, что потребности – не только побудительный мотив, но и продукт производства, что, выступая в качестве побудительного мотива производства, сами они изменяются и определяются производством.

Потребление выступает как связующее звено между производством и потребностями. Перспективное планирование производства, потребления и потребностей в их единстве является одним из важнейших моментов социалистического воспроизводства, позволяющих наилучшим образом обеспечить следование цели социалистического воспроизводства, сократить число случаев несбалансированности производства и потребностей, свести до минимума запасы нереализованных продуктов.

В этой связи опять приходится вспомнить теоретиков «рыночного социализма», предлагающих в перспективном планировании ограничиться лишь публикацией трендов, индексов развития, составленных на основе данный о тенденциях изменения конъюнктуры спроса и предложения. Формальная экстраполяция на будущее конъюнктуры сегодняшнего дня – вещь в экономической науке не новая. Этим длительное время

занимались в Гарвардском университете, а методы формальной экстраполяции, разработанные там, получили даже специальное название «гарвардских барометров». Кризис 1929 года, никак не предсказанный этими экономистами, нокаутировал их, принеся нашумевшим «гарвардским барометрам» бесславный конец. То, что подобные методы вновь были вытащены на свет, свидетельствует не только о готовности «социалистических» ренегатов принять обветшалые, опровергнутые самой капиталистической действительностью буржуазные догмы. Это еще и трусливая увертка от решения огромных, требующих научной смелости задач социалистического планирования и проблем совершенствования централизованного планового управления социалистической экономикой.

Потребности, удовлетворяясь через торговлю, выступают как спрос. Качественное и количественное различие между этими двумя категориями позволяет сделать вывод о том, что согласование структуры производства и потребностей отнюдь не сводится к уравниванию спроса и предложения. Учитывая спрос, хозяйственный центр руководствуется в планировании прежде всего общественными интересами, целью воспроизводства, а не стремлением во что бы то ни стало добиться совпадения спроса и предложения. Если бы задача состояла только в уравнивании спроса и предложения, то в плановой экономике добиться ее решения было бы просто: достаточно лишь поднять или опустить цены до уровня, при котором спрос станет равным предложению.

Но все дело в том, что социалистическое государство, руководствуясь целью воспроизводства, идет и должно идти в отношении ряда продуктов на установление таких цен, при которых некоторое время спрос и предложение не совпадают. Это необходимо делать либо для воздействия на структуру потребностей, приводя ее к такой, которая отвечает цели социализма, интересам рабочего класса и колхозного крестьянства, либо для обеспечения социалистического воспроизводства рабочей силы (соответствующий пример будет приведен ниже), либо руководствуясь другими законами социализма и его объективной целью.

Рассмотрим следующий пример. В нашей стране реалиизуется

обширная программа развития сельского хозяйства. Партия и правительство принимают, в частности, меры к быстрому росту производства мяса и мясопродуктов. Потребности в мясе удовлетворяются, однако, еще недостаточно полно. Означает ли это, что цены на этот продукт должны быть подняты до уровня, обеспечивающего уравнение спроса и предложения? Нет, не означает. Государство, руководствуясь требованиями закона расширенного социалистического воспроизводства рабочей силы, оставляет цены на мясо и мясопродукты на уровне, который будет характеризоваться превышением спроса над предложением до тех пор, пока рост производства не поднимет предложение до уровня спроса.

Повышение цен на мясо, конечно, мгновенно обеспечило бы уравнивание спроса и предложения. Но при этом различия в заработной плате, неизбежные при социализме, реализовались бы не только как известное неравенство в потреблении основных продуктов питания, но и как неравенство, характеризующееся такими же или еще большими перепадами, чем различия в зарплате. Это было бы уже извращением законов социалистического воспроизводства, неоправданным распространением требований закона распределения по труду со стоимостной стороны на натурально-вещественную сторону фонда индивидуального потребления.

Так как закон распределения по труду характеризует распределение не с натурально-вещественной, а со стоимостной стороны, только поэтому он и может согласовываться, увязываться с другими законами социализма. Указывая лишь на долю работника в фонде распределения по труду и оставляя открытым вопрос о составе этой доли, он оставляет тем самым простор для действия других законов. Одно из главных преимуществ социализма в том, что в силу его законов воспроизводства рабочей силы подрастающее поколение, независимо от дохода его семьи, получает не только примерно одинаковые жилищные условия, медицинское обслуживание, но и самые необходимые предметы потребления. Различия же в доходах семей находят свое выражение прежде всего в различной обеспеченности предметами не самой первой и не первой

необходимости. Это достигается за счет того, что цены на продукты первой необходимости устанавливаются таким образом, чтобы сделать эти продукты доступными для всего населения, даже если по некоторым из них спрос и превысит предложение.

В ГДР, например, за 1965–1970 гг. из госбюджета было ассигновано на сохранение низких потребительских цен на продовольственные товары, такие, как молоко, сливочное масло, хлеб, мясо, птица, рыба и столовый картофель, около 22 млрд, марок; на дотацию цен на те или иные промышленные товары широкого потребления, как, например, буроугольные брикеты, прочее твердое топливо, детская верхняя одежда, – 4 млрд, марок[1].

В социалистическом обществе уравнивание спроса и предложения не является самоцелью и достигается не за счет повышения цен, а за счет расширения выпуска соответствующих продуктов. Благодаря проведению такой экономической политики структура спроса в социалистической стране оказывается несравненно более близкой к структуре потребностей, чем в стране капиталистической, где относительно высокие цены на предметы первой необходимости искусственно сокращают спрос, отрывают его от его естественной основы – потребности.

Само собой разумеется, что расширение выпуска дефицитных продуктов не может происходить мгновенно, поэтому, пока производство дефицитного продукта не получило еще достаточного расширения, используются такие средства, как установление норм отпуска продуктов в одни руки, прямое распределение и т. д. Если, однако, при этом не всегда удается исключить образование очередей, то это все же неизмеримо меньшее зло, чем рост цен на предметы первой необходимости. В случае повышения цен отсутствие очередей свидетельствовало бы не об изобилии продуктов, а о том, что массовому покупателю они не по карману.

Таким образом, задача планирования производства в соответствии с потребностями не сводится только к задаче

---

[1] См.: Штоф Вилли. Доклад по директиве VIII съезда СЕПГ по пятилетнему плану развития народного хозяйства ГДР на 1971–1975 гг. — «Цайт им бильд», Дрезден, 1971, с. 15.

уравнивания спроса и предложения. Потребности и спрос – это две различные категории, и структура спроса зачастую далека не только от той структуры потребностей, которая вытекает из цели социализма и к которой следует стремиться, но и от структуры существующих потребностей. Практика показывает, что спрос является не только функцией потребностей, но и функцией удовлетворения потребностей, зависит от цен, количества денег, имеющегося у населения, и ряда других факторов экономического и неэкономического порядка. Формируя цены и доходы, можно воздействовать на спрос. Воздействуя же на спрос, можно влиять и на потребности.

Если выступающим на капиталистическом рынке монополиям нет дела до потребностей, был бы спрос па их продукцию, то социалистическому обществу и его государству совсем не безразлично, какие потребности стоят за данным спросом, не является ли повышенный спрос на один продукт лишь следствием недостатка в других, не вызван ли повышенный спрос чисто внешними причинами. В этой связи уместно указать, в каком отношении к основному экономическому закону социализма стоит удовлетворение требований моды.

Мода предстает как непостоянство, свобода в употреблении форм изготовляемых вещей. Однако это такая свобода, которая по отношению к отдельным лицам оказывается «принуждением без объяснения», а для обывателя – необходимостью, которой он не в силах противиться. Поэтому смена моды может быть как положительным, так и отрицательным явлением, в зависимости от того, что является содержанием этой смены и как часто происходит такая смена.

Если срок службы одежды или обуви, находящихся в пользовании человека, подходит к концу, то вполне естественно заменить ее новыми, более совершенными, более красивыми и удобными образцами, лучше удовлетворяющими данные потребности. В таком случае соответствующая мода, воздействуя в этом направлении на покупателя, может играть прогрессивную роль, способствовать осуществлению основного экономического закона. Другое дело, когда мода при социализме вдруг принимает несвойственные социализму формы, например, когда население

социалистической страны подвергается влиянию современной буржуазной моды, в смене которой помимо уродливого вкуса отживающего капиталистического мира явственно проступает и желание навязать населению буржуазную систему ценностей и стремление монополистов под угрозой остановки производства добиться быстрого изменения моды и тем самым сбыть другую, «модную» модель. Эта «модная» модель навязывается рекламой независимо от того, служит ли она лучшим средством для удовлетворения потребности, чем существующая.

В этом случае приспособление социалистического производства к требованиям такой моды было бы равносильно растрате общественных ресурсов, без чего не может обойтись лишь капиталистическое производство. Это было бы отступлением от цели социалистического воспроизводства, требующей повышения жизненного уровня трудящихся, ликвидации социально-экономических различий, а не удовлетворения всякого возникающего на рынке спроса независимо от его содержания и движущих сил. Понятно, что проблема оказывается не чисто экономической. Однако тот факт, что социалистическое государство несет в себе не только экономические, но и политические и идеологические функции, служит надежной гарантией успешного решения этой проблемы в соответствии с целью социализма.

Таким образом, планирование производства в связи с потребностями следует понимать в динамике не как приведение структуры производства в соответствие со спросом и даже не как приведение его в соответствие с имеющимися потребностями, а как приведение и производства, и потребностей к единой, отвечающей цели социализма, общественным интересам, структуре. Разумеется, что это не мгновенный процесс, он развивается постепенно. Структура производства сначала может не совпадать со структурой потребностей, вытекающей из цели воспроизводства, а должна лишь постоянно отклоняться в этом направлении от структуры спроса, будучи в то же время близка к ней. Последнее необходимо, чтобы производство могло вести спрос и потребность за собой, учитывая их инерцию и известную самостоятельность. Поэтому необходимо тщательно изучать

наличный спрос населения и тенденции его стихийного изменения.

Кроме того, до тех пор, пока хоть какая-либо часть предметов потребления распределяется по труду, до этих пор платежеспособный спрос будет играть существенную роль в процессах воспроизводства и, следовательно, необходим его учет в планировании.

Необходимость приводить в соответствие структуру производства и потребностей (как непроизводственных, так и производственных) заставляет при планировании организации общественного воспроизводства учитывать в первую очередь его натурально-вещественный аспект. Эта необходимость диктуется методологией марксизма и на современном этапе является требованием и условием научно-технического прогресса.

Не изучая и не планируя воспроизводства с натурально-вещественной стороны, невозможно выполнить требования основного экономического закона социализма и сделать производство средством для удовлетворения потребностей. Поэтому по мере развития социализма и перерастания его в коммунизм роль планирования в натуральных показателях для организации социалистического воспроизводства в соответствии с его целью будет постоянно возрастать. Это выдвигает плановые задания, определяющие движение натурально-вещественной структуры совокупного продукта, в разряд ключевых показателей народнохозяйственного плана.

Проблема плановых показателей – важнейшая составная часть проблемы обеспечения приоритета общественных интересов. Предназначение плановых заданий в том, чтобы обеспечить этот приоритет, обеспечить эффективное ведение производства в соответствии с потребностями. От решения проблемы показателей зависит поэтому само существование и развитие социалистической системы хозяйствования.

К сожалению, нельзя сказать, что все исследования проблемы показателей идут в нужном русле. Есть и такие экономисты, для которых проблемы показателей вообще не существует. Н. Я. Петраков, например, предлагает схему экономической взаимосвязи государства и предприятия, которая, по его мнению,

обладает тем замечательным свойством, что вообще «позволяет снять вопрос о планируемых и непланируемых показателях Государственные органы будут непосредственно утверждать лишь объем поступлений денежных средств в казну»[1], никаких других заданий не давая.

Прежде всего непонятно, почему вместо слов «государственный бюджет» Н. Я. Петраков употребил слово «казна». Это звучит по меньшей мере архаично. Однако главное в том, что отказ от использования в системе централизованного планирования показателей плана, и прежде всего показателей, позволяющих управлять вещественной структурой совокупного продукта, если упростит систему народнохозяйственного планирования, то упростит таким образом, что практически сделает несмежным централизованное сбалансирование народнохозяйственного плана.

Реализация схемы Н. Я. Петракова, независимо от того, желает этого автор или не желает, приведет к подрыву централизации в управлении экономикой, тем самым разрушается становой хребет всей системы планирования и управления. «Можно будет, – говорит Я. Петраков, – окончательно решить вопрос о стимулах к принятию предприятием максимальных планов, вскрытию им всех производственных резервов. У предприятия просто-напросто отпадают все причины занижать свой план, поскольку составляется он самим предприятием, и в первую очередь для своих собственных нужд» [2] . Заметим, план предприятие составляет «в первую очередь для своих собственных нужд», а не в целях обеспечения общественных экономических интересов. Без централизованного управления в реальной действительности, к сожалению, все может получиться так же, как в известной басне «Лебедь, рак и щука», для персонажей которой тоже был окончательно решен вопрос о стимулах к принятию «максимальных планов» и вскрытию «всех производственных резервов».

Поскольку предприятие является звеном в социалистической

---

[1] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. М., «Мысль», 1971, с. 44.

[2] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность, с. 45.

системе хозяйства, его план составляется на основе директивных указаний центра, исходя в первую очередь из общественных интересов, и центром же утверждается. Это – незыблемый принцип социалистического планирования. Схема Н. Я. Петракова имеет с такой практикой весьма мало общего.

Претендуя на критику буржуазных экономистов и даже теоретиков «рыночного социализма», Н. Я. Петраков пишет в одной из своих статей, что в буржуазной экономической науке плановое управление социалистическим общественным производством «рассматривается не иначе, как система, состоящая из центрального органа планирования, обладающего всей полнотой информации и власти, и огромного числа производителей и потребителей, выступающих в роли марионеток. (Последнее поставляет коренной порок буржуазных теорий социализма. – И. М., М. П.). Отсюда следует, – пишет далее Н. Я. Петраков, – что любые отступления от этой схемы, любые мероприятия, направленные на усиление гибкости и оперативности централизованного планирования, развитие самостоятельности и инициативы предприятий, на повышение материальной заинтересованности производителей, являются отступлением от идеи плана и капитуляцией перед преимуществами (??) рынка»[1]. Беда Н. Я. Петракова, однако, в том, что его схема, в которой планы предприятия составляют «в первую очередь для своих собственных нужд» и не имеют никаких иных плановых показателей, кроме отчислений в «казну», такова, что любые отступления от этой схемы, любые мероприятия, направленные на возвращение централизации и восстановление государственного планирования, на повышение заинтересованности в развитии всей экономики, являются отступлением от идеи приоритета рынка и капитуляцией перед преимуществами плана.

Буржуазные экономисты рисуют централизм при социализме не как демократический, а как бюрократический. Но и схема, которую предлагает в своей книге Н. Я. Петраков, не ведет к укреплению позиций демократического централизма, поскольку в

---

[1] Петраков Н. Мифы «рыночного социализма» и экономическая реальность. — «Проблемы мира и социализма», 1973, №2, с. 34.

ней гипертрофированы роль и значение коллективного материального интереса и принижено значение общественного экономического интереса и централизованного планового начала в организации управления социалистической экономикой.

Свое представление о системе управления социалистическим хозяйством Н. Я. Петраков продемонстрировал в одной из статей еще в 1970 г.[1] Это об этой статье председатель Комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли т. Стукалин писал, что в ней автор «по сути дела исходит из «рыночной концепции», приоритета рынка как регулятора социалистической экономики»[2].

На XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза было специально подчеркнуто: «...ведущим и определяющим является директивное планирование... мы отвергаем всякие ошибочные концепции, подменяющие рыночным регулированием ведущую роль государственного централизованного планирования»[3]. Н. Я. Петраков опубликовал сразу после съезда статью в «Новом мире»[4] и выпустил книгу («Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность»). Однако, как оказалось, и в этих публикациях он остался на прежних ошибочных позициях.

Н. Я. Петраков утверждает, что «товарно-денежный механизм дает исходную информацию для составления плана», что этот механизм является «сигнальной системой, которая точно и незамедлительно фиксирует всякие отклонения производства от реальных общественных потребностей» и что данный «механизм выступает в роли системы, экономически удостоверяющей степень соответствия наших представлений о закономерностях развития производства, находящих выражение в плане, объективной реальности»[5].

Такие свойства товарно-денежного механизма до сих пор были неизвестны. Зато известно, что информация, доставляемая им, –

---

[1] См.: Петраков Н. Управление экономикой и экономические интересы. — «Новый мир», 1970, № 8.

[2] Стукалин Б. Экономика, издательство, читатель. — «Правда», 1971, 10 ноября.

[3] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 169.

[4] Петраков Н. Потребление и эффективность производства. — «Новый мир», 1971, № 6.

[5] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа..., с. 78—79.

это информация, исходящая с самой поверхности экономической жизни, прямо и непосредственно не выражающая глубинных черт действительности и зачастую совершенно извращающая сущность экономических явлений и процессов. Установлено теоретически и проверено на опыте, что товарно-денежный механизм как сигнальная система неточно и лишь с большим опозданием фиксирует отклонения производства от спроса (а не от «реальных общественных потребностей», ибо спрос – превращенная форма потребностей), причем фиксирует только тогда, когда производство уже завершено и, следовательно, когда уже нельзя предпринять никаких исправляющих положение мер.

Исходной для составления плана информация, доставляемая товарно-денежным механизмом, могла быть и была лишь в историческом аспекте, так как исторически господству плана предшествовало господство рыночного регулирования и первые планы должны были опираться на информацию, данную товарно-денежным механизмом. С созданием социалистических производственных отношений не стало места для двух механизмов регулирования, так что лозунг «план и рынок» брошенный ревизионистами, имеет реакционное значение.

Планирующие органы используют стоимостные и товарно-денежные формы учета, контроля и материального стимулирования, но это, во-первых, отнюдь не самостоятельный механизм регулирования, а лишь часть общей системы планового директивного управления, во-вторых, это лишь часть, и притом не решающая часть, социалистической системы государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

Недооценку первостепенного значения форм непосредственного государственного и общественного учета и контроля в системе обратных связей при социализме Н. Я. Петраков продемонстрировал в 1974 г. Он продолжает по-прежнему утверждать, что «функции блока (подсистемы) обратных связей выполняет механизм товарно-денежных отношений»[1]. И это, конечно, не может быть иначе в той схеме, где деньги «выступают как результирующий показатель

[1] Петраков Н. Я. Кибернетические проблемы управления экономикой, с. 125.

экономической деятельности», отрасль (министерство) интересуется прежде всего «общей выручкой и суммарными расходами предприятий» и «исключение, безусловно, составляют те виды продукции, объем производства которых в силу тех или иных соображений определяется непосредственно центром»[1].

Пропаганда подобных идей уже после XXIV съезда КПСС говорит о том, что выдвигавшиеся незадолго до него некоторыми экономистами ошибочные концепции еще живучи, еще необходимы критика и разбор этих концепций, объективно склоняющихся к теории «рыночного социализма», и нет сомнений, что критика взглядов Н. Я. Петракова и его предшественников – Г. Лисичкина, Я. А. Кронрода, Я. Г. Либермана и некоторых других в советской экономической литературе будет продолжена.

Позиция Г. Лисичкина по вопросу о роли плана и системе плановых показателей была исчерпывающим образом охарактеризована академиком К. В. Островитяновым: «Формально Г. Лисичкин не отрицает значения плана, но существо планового руководства экономикой он сводит к изучению и предвидению объективных тенденций развития рыночных связей. „Общенародная собственность на средства производства и вырастающая из этого возможность широкого, всеохватывающего планирования на базе изучения и предвидения процессов, происходящих на рынке, – утверждает он, – в корне отличают характер действия закона стоимости в условиях социализма”. Планы, по мнению Г. Лисичкина, должны носить не директивный, а рекомендательный характер, предприятиям должна быть предоставлена полная свобода „в выборе цели и путей к ее достижению”. Воздействие же государства на предприятия следует ограничить „налогом, кредитом, банковским процентом и т. д.”»[2].

Г. Лисичкин отношения между государством и предприятиями понимает приблизительно так же, как Н. Я. Петраков. И тот, и другой в своих схемах оставляют социалистическому государству право получать налог на прибыль, предоставляя предприятиям

---

[1] Там же, с. 105—107.

[2] Островитянов К. В. К вопросу о товарном производстве при социализме. М., «Наука», 1971, с. 64–65.

полную свободу «в выборе цели и путей к ее достижению» и возможность составлять план «в первую очередь для своих собственных нужд». Государственное планирование если и есть, то носит чисто формальный характер, полностью теряя свою обязательную силу.

Предложения Г. Лисичкина и И. Я. Петракова не способствуют борьбе с идеями чехословацких ревизионистов. Последние выступали замаскированно и считали обязательным поэтому сделать хотя бы заявление о том, что горизонт предприятия слишком узок, чтобы оно могло при отсутствии централизованного планирования действовать в соответствии с необходимыми макроэкономическими процессами. Это гипнотизировало неискушенных и заставляло думать, что эти предложения не поведут к полному отказу от централизованного планирования и управления, к переходу всецело на рельсы рыночной экономики. Г. Лисичкин и Н. Петраков либо не понимают того, о чем не смог умолчать даже О. Шик, либо недостаточно заботятся о важнейших условиях реального функционирования общественной собственности – единстве экономики и подчинении отдельных предприятий интересам общества. Уместно напомнить этим авторам известное ленинское предостережение: «Отнять право у всероссийского центра подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли во всех концах страны... было бы областническим анархо-синдикализмом, а не коммунизмом»[1].

По словам Г. Лисичкина и Н. Я. Петракова, их схемы вообще «позволяют» снять вопрос о планируемых и непланируемых показателях. И все же никто из экономистов не оказал открытую поддержку такому «решению» проблемы. Я. А. Кронрод, например, хотя по существу своих предложений весьма близок к Г. Лисичкину и Н. Я. Петракову, не счел возможным вообще обойти вопрос о показателях[2]. Он полагает зато, что предприятиям надо устанавливать «минимум укрупненных эластичных показателей», проводимую экономическую реформу трактовать в смысле ограничения «директивных плановых показателей

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 392.

[2] См.: Кронрод Я. А. Закон стоимости и социалистическая экономика. М., «Наука», 1970, с. 54—58.

минимумом», как будто целью реформы было не совершенствование централизованного управления, а его сужение, а пока, говорит критикуемый автор, «минимум централизованных заданий, хотя и сокращен реформой, все еще значителен».

Обоснования сокращения сферы централизованного управления у Я. А. Кронрода сводятся к тому, что централизация «связывает», «сковывает», «не заинтересовывает», «предопределяет», и, наконец еще один аргумент: «Поле для хозяйственной инициативы предприятий... все еще недостаточно широко». Но ведь хорошо известно, что чрезмерная децентрализация чревата для социалистической экономики тяжелыми последствиями. Какие же аргументы приводит автор, чтобы доказать, что ликвидация критикуемой системы не скажется отрицательно и предлагаемый им «минимум укрупненных эластичных показателей» обеспечит необходимый натурально-вещественный баланс экономики?

Кронрод утверждает, что это «может быть достигнуто», что предлагаемое им задание по специализированным группам «призвано обеспечить планомерную сбалансированность», «сможет... поддерживать» сбалансированность производства и т. д. и, наконец, что предлагаемые плановые задания, «по нашему мнению, смогут надежно обеспечить поддержание запланированных народнохозяйственных пропорций и темпов расширенного воспроизводства»[1]. Эти заверения не могут быть достаточными для доказательства того, что общественные интересы будут обеспечены. Более того, заверения даже самых авторитетных ученых не являются в науке доказательством.

Допуская минимум стоимостных показателей, Я. А. Кронрод выступает за уничтожение планирования производства с натурально-вещественной стороны и ликвидацию системы централизованного материально-технического снабжения. Высказываясь против тех, кто предлагает установить «оптимальное сочетание между централизованным распределением средств производства и оптовой торговлей ими»,

---

[1] Кронрод Я. .4. Закон стоимости…, с, 54, 58.

он предлагает системе Госснаба отвести только две функции: «организацию оптовой торговли и страхование обращения». «Переход к торговле средствами производства, – пишет автор, – обусловит постепенное свертывание централизованного планирования ассортимента производства в натуре»[1].

Попытаемся выяснить, к чему ведет свертывание планирования в натуральных показателях и централизованного распределения средств производства.

К показателям, определяющим натурально-вещественную структуру производства, помимо натуральных и по содержанию, и по форме, следует отнести и такие показатели, которые по форме являются стоимостными, но превращаются в непосредственно натуральные простым делением на цену соответствующих продуктов. Кроме того, к ним относятся такие стоимостные показатели (как, например, объем реализованной продукции определенного вида), которые, по существу, являются средством агрегирования продуктов в группы по натурально-вещественному признаку. Центр, не расшифровывая детальную номенклатуру, может указать, например, лишь, что всего станков надо произвести на такую-то сумму рублей.

К. Маркс, исследуя общественное воспроизводство специально подчеркивал необходимость учета как стоимостных, так и натурально-вещественных его моментов, без чего невозможна организация нормального процесса воспроизводства. Стремление отказаться от натуральных плановых показателей, которое свойственно некоторым экономистам, идет поэтому вразрез не только с практикой хозяйствования социалистических стран, но противоречит и марксистской методологии. Именно в способности прежде всего учесть натурально-вещественные моменты воспроизводства, а не только стоимостные, видел гениальность Марксовых схем В. И. Ленин[2].

Еще более актуальны эти мысли для общества, идущего к полному отмиранию товарно-денежных отношений. Если стоимостные показатели с переходом на высшую фазу коммунизма могут отмереть, превратившись исключительно в

---

[1] Там же, с. 56, 64, 65.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 39.

показатели затрат труда и эффективности производства, то необходимые для оптимального балансирования и бесперебойного функционирования общественного производства натурально-вещественные показатели, имеющие решающее значение с момента построения социализма, не только не отомрут, но и получат еще большее развитие.

Как выше было указано, без натурально-вещественных показателей нельзя согласовать структуру производства и потребностей, а это – одна из стратегических задач народнохозяйственного планирования, вытекающая из основного экономического закона социализма. Без натурально-вещественных показателей невозможно развивать производство для удовлетворения потребностей, без них, следовательно, невозможен социализм.

По мере построения коммунизма в связи с ростом общественного характера производства роль натурально--вещественных показателей будет постоянно расти.

На современном этапе очень важно помимо совершенствования натурально-вещественных показателей искать наилучшие формы их совмещения со стоимостными, которые еще долгое время будут играть в экономике существенную роль. Необходимо, однако, иметь в виду, что стоимостные показатели являются показателями экономии труда и эффективности социалистического производства лишь при том условии, что натурально-вещественная структура производства определена планом и, следовательно, производство ведется для удовлетворения потребностей. В случае отсутствия натуральных показателей стоимостные показатели будут толкать предприятие на изменение номенклатуры и ассортимента продукции, и поскольку с натурально-вещественной стороны центр оставил производство неопределенным, несоответствие производства и потребностей может достичь катастрофических размеров, и производство потеряет свой социалистический характер.

Важнейшие положения марксизма о роли планирования в натуральных показателях хорошо известны и нашли свое воплощение в экономической практике социалистических стран. Чем же объясняют свою позицию экономисты, призывающие к

отказу от натуральных показателей? Я. А. Кронрод, например, свой отход от известных ему положений о роли планирования в натуральных показателях совершает под лозунгом создания ситуаций «борьбы за потребителя», что, по мнению автора, заставит предприятия повышать качество продукции, будет стимулировать технический прогресс[1].

Положим, ставится цель стимулировать повышение качества продукции и технический прогресс. Но какой ценой предлагается достигнуть этой цели? Ценой отказа от сознательного контроля за движением материальных ценностей, следовательно, отказа от составления и реализации оптимальных натурально-вещественных балансов и, значит, ценой отказа от преимуществ социализма, обеспечивающих высокие темпы развития.

Только при капитализме нет иных средств стимулирования научно-технического прогресса и повышения качества продукции, кроме конкуренции, которая, хотя и выглядит как «борьба за потребителя», по сути дела является борьбой с потребителем. В социалистической же экономике существует множество высокоэффективных способов обеспечить выпуск качественной продукции, например постоянное, идущее в ногу с научно-техническим прогрессом изменение государственных стандартов, аттестация продукции на качество, соответствующая надбавка к цене, штрафы за некачественность, установление условий о качестве продукции в хозяйственных договорах и т. д.

Огромное значение для решения задачи ускорения научно-технического прогресса имеет, как указывалось на XXIV съезде КПСС, проведение единой государственной технической политики. «Выполнение планов по новой технике должно стать важнейшим критерием при оценке деятельности министерств и предприятий, а равно и результатов социалистического соревнования... Мы должны располагать научно обоснованными нормами расходов сырья, топлива, электроэнергии, материалов, трудовых затрат. Плановые органы должны своевременно проводить пересмотр нормативов, обеспечивая непосредственную связь этих норм с достижениями технического

---

[1] Кронрод Я. .4. Закон стоимости…, с. 57.

прогресса» [1] . Словом, имеются богатые возможности осуществления технического прогресса и без отказа от преимуществ социализма.

Рассмотрим теперь, какое значение в системе планомерной организации производства имеет система централизованного материально-технического снабжения.

Планомерность не ограничивается сознательным поддержанием пропорциональности. Планомерность предполагает ведение по плану всей хозяйственной жизни общества, уничтожение стихийности в осуществлении всех важнейших экономических процессов. Отсюда следует, в частности, что задания по выпуску продукции не дают еще народнохозяйственного плана, и план материально-технического снабжения, обеспечивающий планомерное движение средств производства, представляет в народнохозяйственном плане его вторую важнейшую часть.

Необходимо иметь в виду, что движение средств производства внутри сферы производства от одного предприятия к другому, поскольку производство приобрело общественный характер, составляет один из моментов самого производства. Преодолеть стихийность производства означает поэтому до начала процесса производства определить не только, что и где будет производиться, но также что и где будет производительно потребляться. Необходимо гарантировать удовлетворение потребностей производства, обеспечив планомерное движение средств производства из пункта их производства в пункт их производительного потребления. Вот эти функции и выполняет социалистическая система материально-технического снабжения. На XXIV съезде КПСС подчеркивалось, что «опыт подтверждает жизненность такой системы»[2] и были поставлены задачи по ее дальнейшему совершенствованию.

К сожалению, еще нередко встречаются такие авторы, которые, по существу, выступают против планомерности внутри сферы производства, обеспечиваемой системой материально-технического снабжения. А. Сидоров и С. Воронин

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 141, 168.

[2] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 171.

приписывают все перебои в снабжении системе фондированного снабжения. «Как осуществляется снабжение сегодня? – спрашивают А. Сидоров и С. Воронин и сами же отвечают: – С помощью принудительного централизованного распределения ресурсов. Из-за своей скрупулезнейшей мелочной методики такая система вызывает то фиктивный недостаток, то относительные излишки продукции. Из жара в озноб, из одной крайности в другую – только так, и не иначе, поддерживается „относительное равновесие"»[1]. Указанные авторы затушевывают тот факт, что перебои в снабжении – прямой результат и неизбежный продукт небрежного планирования и ослабления его директивного характера. Распределять можно лишь то, что произведено, и если планы составлены неудовлетворительно или не выполняются, то системе материально-технического снабжения будет нечего распределять. Заместитель председателя Госснаба СССР В. Лагуткин указывает на то, что «значительные трудности в материально-техническое снабжение вносят имеющие еще место неувязки в балансах, неполное обеспечение планов производства и капитального строительства материальными ресурсами. Отрицательно сказывается на выполнении поставок и большое число изменений, вносимых министерствами в планы производства, нередко с нарушением установленного порядка и сроков, без предварительного согласования с потребителями и органами, осуществляющими распределение продукции», «часты факты выполнения и перевыполнения предприятиями планов производства по общему объему реализованной продукции и невыполнения при этом заданий и обязательств по поставкам продукции в номенклатуре в соответствии с нарядами органов снабжения и сбыта и заключенными договорами»[2]. Таким образом, для организации бесперебойного снабжения нужно прежде всего налаживать и укреплять директивное планирование, то есть идти вперед, а не назад, к отказу от планового распределения средств производства и использования всех преимуществ планомерности. Оптовая торговля может и должна

---

[1] Сидоров А., Воронин С. Размышления у «долгого ящика». — 'Литературная газета», 1973, 24 января, с. 10.

[2] «Литературная газета», 1973, 24 января, с. 10.

использоваться в дополнение к системе планового распределения средств производства, но подавляющая часть средств производства должна распределяться планомерно, а их движение в сфере производства подвергаться централизованному контролю.

В связи с имеющимися еще ошибочными взглядами на характер управления при социализме необходимо подчеркнуть коренные преимущества социалистической экономики:

1) проблема реализации потребительной стоимости произведенного продукта, вопрос о его потреблении (производительном или непроизводительном) решаются до начала процесса производства, а не по окончании его;
2) движение материальных ценностей, взаимная увязка производства в разных отраслях и на различных предприятиях происходят по заранее намеченному плану и под сознательным контролем центра.

Это позволяет не только достигнуть полного использования производственных мощностей, заранее сбалансировав производство по натурально-вещественному признаку, по ассортименту и обеспечив четкую и своевременную поставку предприятиям сырья и полуфабрикатов, не только избежать громадных потерь в сфере обращения, но и из всех возможных сбалансированных планов выбрать такой, который в максимальной степени экономит человеческий труд, гарантирует наиболее эффективное использование ресурсов.

Отсюда следует, что всякое ограничение централизации по сравнению с имеющимися техническими и организационными возможностями, и прежде всего всякое умаление значения планирования в номенклатуре, равносильно растрате человеческих и материальных ресурсов, замедлению темпов роста производства и повышения жизненного уровня народа. Е. Г. Либерман, однако, пишет: «Остается только пожелать, чтобы номенклатура продукции, не распределяемой в централизованном порядке, все более расширялась»[1]. Решения о хозяйственной реформе ставят проблему совершенно в иной плоскости. Речь идет о рациональном изменении рубежей информации, объем

---

[1] Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства. М., «Экономика», 1970, с.

которой с ростом масштабов производства резко возрос, с таким расчетом, чтобы усилить роль центра в решении главных, принципиальных вопросов и освободить его от решения второстепенных хозяйственных вопросов. Планирование движения средств производства необходимо для уничтожения стихийности производства и поэтому всегда было, есть и будет прерогативой центра. Вот почему ошибочна и вредна идея безудержного сокращения круга продукции, распределяемой централизованно.

Из необходимости использовать все преимущества централизации вытекает необходимость придерживаться в планировании принципа напряженных планов. Напряженный план в свою очередь требует фондированного снабжения, так как, предполагая полное использование ресурсов, он исключает избыточность для подавляющего числа видов средств производства, а лишь относительно избыточные продукты могут без нарушения плана не получать заранее определенного целевого назначения. Напряженный план, следовательно, тесно связан с существованием других свойственных социализму форм хозяйствования, и отказ от принципа напряженных планов был бы отказом от полного использования преимуществ социализма.

Однако Я. Г. Либерман заявляет об «ошибочности самой идеи о стимулировании повышенных плановых заданий»[1]. Необходимо поэтому хотя бы кратко пояснить важность решения этой проблемы, выдвинутой в свое время самим ходом социалистического строительства и вновь поставленной в центр внимания экономистов и хозяйственников XXIV съездом КПСС.

Напряженный план – это возможность полнее использовать принадлежащие обществу средства производства. Это возможность полнее загрузить имеющиеся производственные мощности и обеспечить более полное (за счет напряженных планов предприятий-поставщиков) и более четкое (за счет государственной плановой дисциплины) материально-техническое снабжение. Это возможность направить гораздо большую массу продуктов по заранее намеченным

[1] Либерман Я. Г. Государственный бюджет в новых условиях хозяйствования. М., «Наука», 1970, с. 125.

маршрутам и избежать больших издержек обращения. Это возможность заранее сбалансировать производство и распределение средств производства, больше продукции планомерно отправлять туда и тогда, где и когда она может быть использована наиболее эффективно. Напряженный план, следовательно, обеспечивает более высокую эффективность и более высокие темпы роста общественного производства. Отказавшись от него, мы бы лишились очень важных экономических преимуществ. Оптимальный план поэтому – это не только сбалансированный, но и напряженный план.

Про капиталистическое программирование хорошо известно, что оно ограничивается стремлением влиять на рыночные тренды, то есть тенденции стихийного развития, смягчая пики кризисов и сглаживая колебания объемов производства.

Коренное отличие социалистического планирования от буржуазного программирования состоит в том, что хозяйственные единицы получают конкретные плановые задания: что, к какому сроку, в каком объеме, какого качества произвести и кому поставить. Круг показателей, устанавливаемых предприятием, при социализме не имеет каких-либо социальных границ и ограничивается лишь степенью познания экономической действительности и техническими возможностями управления с учетом затрат на управление. При этом в число показателей включаются обязательно показатели двух видов – обеспечивающие натурально-вещественную и стоимостную стороны воспроизводства, как того требует марксистско-ленинская теория воспроизводства. Имеются, кроме того, специальные показатели по росту производительности труда и эффективности производства, по внедрению новой техники и т. д.

Все это известные истины. Но выступления против индивидуальных плановых заданий некоторых советских экономистов вынуждают еще и еще раз эти истины повторять.

Например, Я. Г. Либерман заявляет, что ему «представляется возможным отказаться от конкретных индивидуальных плановых заданий каждому предприятию в отдельности»[1]. Это заявление в

---

[1] Либерман Я. Г. Государственный бюджет..., с. 168.

корне неверно. Ведь лишить руководство отрасли права давать конкретные индивидуальные задания каждому предприятию в отдельности – значит лишить его главных средств выполнения установленного плана отрасли, лишить план обязательной силы.

Планомерное установление натурально-вещественной структуры производства невозможно уже в том случае, когда предприятия не получают индивидуальных заданий только по номенклатуре. Дело в том, что стоимостные показатели могут иметь одну и ту же величину при самых различных сочетаниях производимых на предприятии продуктов и не предопределяют поэтому натурально-вещественную структуру производства предприятия. Стоимостные показатели задают, по существу, систему линейных уравнений, в которой в качестве неизвестных фигурируют количества выпускаемых продуктов в натуральном выражении. Число стоимостных показателей почти всегда меньше числа продуктов, поэтому система имеет бесчисленное множество решений, что и подтверждается на практике.

Поэтому предприятия, составляющие отрасль, без конкретных плановых заданий будут производить продукты в неконтролируемых количествах и руководство отрасли не сможет добиться выполнения общеотраслевых заданий. За ширмой отказа от конкретных индивидуальных плановых заданий каждому предприятию в отдельности скрывается, следовательно, принципиальный отказ от директивного планирования. Безадресный план – это не план, а список желаемых продуктов в желательных количествах.

Марксизм-ленинизм учит для оценки тех или иных предложений обращаться к практике. Вся суть извращения экономической системы социализма в Чехословакии состояла как раз в отказе от индивидуальных плановых заданий каждому предприятию в отдельности. Подобная система регулирования, не выходящая даже за рамки государственного регулирования в капиталистической стране, по существу своему есть отрицание социалистической системы планового управления экономикой.

Естественно, что автор, которому «представляется возможным отказаться от конкретных индивидуальных плановых заданий каждому предприятию в отдельности», считает идеальным

положение, когда предприятия обеспечены только той информацией, «которая необходима и полезна для безусловного выполнения установленных глобальных пропорций»[1]. Но разве может речь идти о глобальных пропорциях? Общественный интерес заключается отнюдь не только в установлении глобальных пропорций. Хорошие глобальные пропорции, как и средние цифры, могут прикрывать нехватку одних продуктов и избыток других, могут прикрывать значительные отклонения от действительных народнохозяйственных целей.

Ярко выраженное стремление ограничить централизованное плановое управление проявил Б. В. Ракитский. Государственному плановому управлению он отводит лишь роль установления макропропорций. Функцией централизованного планирования и центрального управления, пишет Б. В. Ракитский, «является установление и постоянное поддержание решающих народнохозяйственных пропорций, т. е. макропропорциональности общественного воспроизводства»[2]. Но ведь предприятие не имеет дела с макропропорциями, а лишь с микропропорциями. Поэтому Б. В. Ракитский предлагает абсолютно то же самое, что и Я. Г. Либерман: никаких плановых заданий предприятиям не давать. Именно так следует понимать предложение ограничиться лишь установлением макропропорций.

Стремясь в своих предложениях опереться на партийные решения, Б. В. Ракитский пишет: «Опыт 1966–1968 гг. вплотную подвел наше хозяйство ко второму этапу реформы, подготовив предпосылки для его осуществления. Основным содержанием этого этапа должно стать осуществление наиболее далеко идущих, наиболее глубоких идей, заложенных в решениях мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда КПСС»[3].

Что должно стать содержанием второго этапа реформы, ясно было указано XXIV съездом КПСС, еще раз подчеркнувшим, что «ведущим и определяющим является директивное планирование»

---

[1] Либерман Я. Г. Государственный бюджет..., с. 174.

[2] Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 69.

[3] Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 124.

и «его совершенствование должно и впредь находиться в центре нашего внимания»[1]. Именно эта идея наряду с идеей повышения эффективности общественного производства и ускорения темпов научно-технического прогресса является одной из наиболее глубоких идей, составляющих стержень экономической политики партии.

XXIV съездом КПСС была дана наиболее глубокая партийная трактовка идей, заложенных в решениях мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда КПСС. Что же касается «наиболее далеко идущих идей» Б. В. Ракитского, то к ним, кроме идеи планирования одних лишь макропропорций, относится его идея о том, что «реформа обязательно приведет к отказу от централизованного планирования ассортимента»[2]. Несостоятельность и абсурдность этого утверждения доказана жизнью.

Доведение государственного плана до предприятий не только по валовому объему производства, но и обязательно по ассортименту – одно из фундаментальных условий социалистического планирования.

Это условие атакуют ревизионисты, заявляя, что центральные макроэкономические планы должны быть чрезвычайно макроэкономическими, дающими направление только основной структуре и наиболее общие пропорции отраслей производства, фундаментальное региональное размещение производительных сил, основные процессы распределения национального дохода, основные пропорции между собственным производством и внешней торговлей и т. д. Мы должны понять, убеждает Шик, что центральное управление может успешно управлять только долговременным развитием агрегированных и обобщенных экономических явлений, чтобы освободить себя от административного представления о планировании детальными директивами. Дескать, хотите – принимайте шиковское понимание возможностей социалистического управления, не хотите–носите клеймо человека с административными представлениями о планировании детальными директивами. Если

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 68, 169.

[2] Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 121.

все же кто-то клюнет на эту удочку, то ему произведение О. Шика разъяснит, что «как только отраслевое управление начинает определять конкретно производственную программу и размер производства различных предприятий, это не только ограничивает независимость предприятий, но также мешает конкуренции между ними и при этом также необходимым рыночным отношениям между торговлей и производством»[1]. Вот, оказывается, чем вредно, по Шику, доведение до предприятия централизованных заданий! Оно «ограничивает независимость предприятий», и «мешает конкуренции между ними». И это выдавалось за развитие экономической теории социализма!

Общие пропорции складываются из частных, и, не запланировав последние, нельзя гарантировать и соблюдение первых. Практика ЧССР подтвердила, что без развертывания макропоказателей в микропоказатели предприятия действуют стихийно, и в результате устанавливаются такие пропорции, которые могут соответствовать макропоказателям лишь в одном случае – в том случае, когда эти показатели являлись прогнозом стихийного развития, а не выражением общественных интересов.

Таким образом, без централизованного директивного планирования каждому предприятию номенклатуры продукции невозможно обеспечить и поддерживать не только микро-, но и макроэкономические пропорции в натурально-вещественной структуре общественного продукта, невозможно планомерное управление производством в соответствии с потребностями социалистического общества. Основной экономический закон социализма может быть осуществлен, следовательно, только при условии установления конкретных индивидуальных плановых заданий, задающих натурально-вещественную структуру производства каждому предприятию в отдельности. Это и есть конкретная форма осуществления этого закона в плановом управлении экономикой.

3. ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ПЛАНОВ. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА

---

[1] Sik O. Plan and market under socialism. Prague, 1967, с. 140.

Реализация общественных экономических интересов и обязательность планов. Государственный план –закон для всех. Проверка выполнения планов, привлечение к ответственности за невыполнение – неотъемлемые элементы государственного планового управления. Научная обоснованность планов – предпосылка их директивного характера. Высокий уровень хозяйственной дисциплины – необходимое условие проведения в экономике принципа демократического централизма

План обязателен для всех, чью деятельность он согласует с деятельностью других участников планируемого процесса и направляет в соответствии с общественными интересами. Планом называется не перечень благих пожеланий, а комплекс таких внутренне согласованных и взаимообусловленных заданий, которым предстоит воплотиться в реальной экономической жизни. Невыполнение их даже небольшим числом участников планируемого процесса, нарушая необходимую согласованность, ставит под сомнение дальнейшую реализацию плана в целом.

План предполагает соответствие между ним и экономической действительностью в течение планового периода. Это возможно или в случае обязательности плановых заданий, то есть в случае его директивности, или тогда, когда план является лишь прогнозом стихийного развития и вырождается в предварительное отражение независимо от него развивающейся действительности, в которую он не вносит никаких изменений.

Следовательно, план как орудие преобразования действительности, как средство сознательного воздействия человека на экономическую жизнь с целью подчинения ее интересам общества может быть только директивным планом. Обязательность планов -– не просто свойство, но конституирующее свойство планов, отличающее их от выраженных на бумаге, но не подлежащих реализации идей. План отвечает Марксову материализму, поскольку, будучи отражением познанных законов и воплощением интересов революционного

класса, он в результате своего выполнения преобразует действительность и делает ее своим выражением.

Обязательность планов, вытекающая из самого их существа, является самым прямым и наиболее ярким выражением принципа демократического централизма. Раз план выражает общественные интересы, то его обязательность обеспечивает приоритет общественных интересов над коллективными и личными, господство коренных, долговременных интересов трудящихся над побочными, сиюминутными, а в этом – главное содержание принципа демократического централизма, в этом – проявление общественной собственности на средства производства.

Обеспеченный планом демократический централизм и в сфере оперативно-хозяйственной самостоятельности не прекращается, поскольку трудящиеся и в этой сфере действуют в общественных интересах. Это следствие того, что план выражает интересы непосредственных производителей и в силу этого развивается и дополняется инициативой масс. Сплавляя в единое целое научное предвидение и опыт миллионов, план обеспечивает единство в основном, коренном, существенном, оставляя простор для разнообразия в подходе к делу, в способах ведения контроля, в конкретном осуществлении как выраженных, так и не выраженных в плане общественных интересов.

Без обязательности выполнения планов и директив центра – нет централизма, а поскольку распоряжения центра при социализме являются выражением общественных интересов – нет централизма демократического. Неподчинение требованиям общественных интересов, выраженным в плане и директивах центра, означает выдвижение в ранг решающих интересов узко-групповых, означает полный разрыв с демократическим централизмом, а заодно и с общественной собственностью, так как демократический централизм есть становой хребет общественной собственности на средства производства. «Мы стоим за демократический централизм. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны –

от анархизма»[1].

Государственный план является законом. Это означает, что в случае его невыполнения к виновным применяются со стороны государства меры материального, морального, административного или судебного воздействия в зависимости от характера, степени и причин невыполнения. Принуждение, применяемое со стороны социалистического государства, служит выражением решимости революционного класса добиться своих классовых целей, несмотря на анархические привычки или действия (или бездействие) отдельных лиц несмотря на то, что при социализме еще не у всех выработана привычка действовать всегда в интересах общества и всегда подчиняться в процессе выполнения плана распоряжениям руководителей и директивам центра. Строжайшая дисциплина в процессе выполнения планов, широчайшее обсуждение в процессе их составления, составление планов в интересах трудящихся – в этом суть принципа демократического централизма в управлении социалистической экономикой.

Дисциплина в процессе исполнения не означает, однако, что, как только план составлен, он перестает обсуждаться. Напротив, в ходе выполнения плана вскрываются его положительные и отрицательные стороны, обогащается практика планирования, аккумулируется опыт широких народных масс, всех участников выполнения народнохозяйственных планов. Однако характерной чертой обсуждения в процессе выполнения плана является то, что это обсуждение не должно мешать выполнению планов, не ставит под сомнение их обязательности, не освобождает несогласных с тем или иным пунктом плана от выполнения этого пункта. Все сделанные замечания учитываются при корректировке планов и при составлении их на следующий период.

В. И. Ленин требовал установления строжайшей ответственности за исполнительские функции. «На суды, – указывал он, – ...если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится... задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся... Без

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 151.

принуждения такая задача совершенно не выполнима. Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине»[1].

В. И. Ленин подчеркивал, что масштабы использования государственного принуждения определяются степенью сознательности и дисциплинированности участников трудового процесса, степенью сознательного и добровольного подчинения общественным интересам и их проводникам – советским руководителям. «Это подчинение, – писал Ленин, – может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, – если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо»[2].

В экономической литературе имеющее еще место неприятие обязательного, директивного характера планов часто выражается в совершенно абстрактной форме. Так, например, некоторые авторы, сводя управление к движению потоков информации, намеренно или ненамеренно выпускают такое звено управления, как управляющее воздействие. И хотя движение потоков информации действительно составляет одну из важнейших сторон управления, было бы ошибкой, однако, возводить одну какую-либо сторону явления в абсолют, не принимая во внимание других, не менее важных сторон явления.

В самой абстрактной форме управление есть деятельность, обеспечивающая движение объекта управления в соответствии с целями субъекта управления, что немыслимо без средств, которые гарантируют такое соответствие. Управление в экономике состоит в подчинении действий людей интересам собственников средств производства и предполагает наличие средств этого подчинения. Плановое управление предполагает наличие средств,

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 163.

[2] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 200.

которые обеспечивают выполнение планов, поэтому абстрагироваться от средств выполнения планов значило бы абстрагироваться от обязательности их выполнения.

Встречаются, к сожалению, и прямые, максимально конкретные и ясно определенные выпады против обязательного исполнительного (а не рекомендательного) характера планов. Экономисты Е. Либерман и З. Житницкий, например, имея в виду процесс управления, пишут сдедующее: «Если же этот процесс приобретает исполнительный, а не плановый характер и ведется методом прямого указания места, времени и получателя каждого товара, то он неизбежно теряет экономический характер и приобретает все черты административного рационирования наподобие карточной системы»[1]. И все это направлено против тех, кто сохраняет свою приверженность обязательным планам, против тех, кто полагает, что экономический характер не только не теряют, но и с самого начала не имеют планы рекомендательные.

Уместно здесь вспомнить высказывание Энгельса: «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть... экономически бессильна. Насилие (т. е. государственная власть) – это тоже экономическая сила»[2]. Если бы не директивный характер планов, страна победившего социализма не совершила бы того экономического чуда, которое сделало ее маяком, притягательной силой в глазах многомиллионной массы трудящихся как в развитых капиталистических, так и в развивающихся странах. И если в этих странах невозможно директивное планирование, то все же ни одна партия там не может завоевать победы на выборах, не пообещав «планирования» и не назвав планированием составляемые государством программы развития. Название, однако, не может дать высоких темпов роста. Они возможны лишь тогда, когда в результате совершения социалистической революции появится общность интересов в масштабах всей страны и, следовательно, возможность составлять планы, явля-

---

[1] Либерман Е., Житницкий З. Экономические и административные методы хозяйственного руководства. — «Плановое хозяйство», 1968, № 1, с. 121.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 420.

ющиеся выражением общественных интересов и представляющие собой директивы пролетарского государства.

Изображение плана не имеющим исполнительного характера равносильно призыву уничтожить планирование как таковое, так как необязательный план – это не план, а проспект, рекомендация, информация и т. п. С уничтожением же централизованного государственного планирования перестает функционировать общественная социалистическая собственность на средства производства, практически становится невозможным социализм как экономический строй. По существу, к тому же ведут предложения отказаться от мер государственного принуждения и в случае невыполнения планов ограничиваться исключительно лишь финансовым воздействием, взиманием штрафов и т. д.

Такая система взаимоотношений между государством и предприятиями поставила бы предприятия в положение кооперативных собственников, поддерживающих с государством чисто торговые отношения и имеющих возможность, уплатив соответствующий штраф, действовать помимо общественных интересов и даже вопреки им. Решение о том, выполнить или не выполнить план, оставалось бы в этом случае за предприятием. Все материальные балансы, построенные на предположении о выполнении планов, неизбежно рухнули бы и вместо планомерного развития экономика опять погрузилась бы в стихию рыночных отношений. Диалектика ошибочных идей и ошибочных предложений, следовательно, такова, что если принятие тезиса «рыночных социалистов» о товарном характере социалистического производства ведет к отказу от обязательности планов, то отказ от обязательности планов превращает социализм в разновидность товарного производства и, таким образом, реализует ошибочную идею на практике.

Выступления против обязательности планов в такой прямой форме – не очень частое явление, и та откровенность, с которой некоторые авторы высказывают свои мысли, оставляет возможность предположить, что они стали жертвами заблуждений. А вот когда по тем же вопросам высказываются ревизионисты, они, как правило, так или иначе маскируются.

Обязательный характер планов предполагает проверку их

исполнения, контроль за ходом их реализации. Проверка и контроль дают ту обратную связь, без которой не может быть управления. Марксисты, будучи прежде всего материалистами, хорошо понимают, что даже очень хороший, научно составленный план есть все-таки идея будущего развития, а не само развитие, и необходимо постоянное сличение этой идеи с действительностью, если мы хотим добиться реализации поставленных целей. Вот почему В. И. Ленин так много внимания в работах послеоктябрьского периода уделял вопросам учета, контроля и проверки исполнения.

Новые возможности совершенствования учета, контроля и проверки исполнения раскрываются в связи с широким внедрением автоматизированных систем управления. Показателен опыт Ленинградского объединения «Электросила», где создана и функционирует автоматизированная система контроля исполнения (АСКИ). Суть системы состоит в следующем. На каждый документ, требующий контроля, кроме конкретного исполнителя назначается лицо, снимающее его с контроля. После постановки документа на контроль ЭВМ выдает контрольные карточки, направляемые исполнителю и лицу, снимающему с контроля. В карточке указываются содержание работы, срок исполнения и время, которое отводится контролеру, чтобы принять работу. Нарушивший этот срок несет материальную ответственность, так как попадает в ведомость, ежемесячно выдаваемую ЭВМ, где указываются проценты, на которые нарушителю должен быть снижен размер начисленной премии. Еженедельно из информационно-вычислительного центра в группу контроля поступают списки нарушителей исполнительской дисциплины со сроками задержки выполнения. Эти списки направляются руководителям, утвердившим задания, для принятия мер и соответствующих решений.

Система позволяет держать на контроле одновременно около 140 тыс. позиций. Для контроля такого количества документов обычным путем потребовалось бы 130 человек, тогда как сейчас весь этот процесс координирует группа из четырех человек[1].

---

[1] См.: Фомин Б. ЭВМ плюс деловитость. – «Ленинградская правда», 1973, 29 сентября.

Широкое внедрение автоматизированных систем управления позволит резко повысить уровень планового управления, дать новые гарантии неукоснительного выполнения планов. В рамках автоматизированной системы плановых расчетов возможно заранее, еще на этапе планирования, предвидеть и оценить последствия невыполнения планов теми или иными хозяйственными единицами, указав цепочки невыполнения, которые порождаются невыполнением плана в каждой из этих единиц, предусмотреть комплекс мер, которые должны быть предприняты в случае того или иного нарушения. Сосредоточение усилий центральных органов на ключевых с точки зрения последствий невыполнения планов объектах позволит избежать цепных реакций невыполнения, которые еще очень часто имеют место и не могут не отражаться на общих результатах развития экономики. Предупреждать же о намечающихся тенденциях к невыполнению автоматизированная система сбора и обработки информации способна значительно раньше, чем это имеет место при нынешней технической базе. В настоящее время в ряде случаев центр не получает информации о тенденциях к невыполнению и ставится перед фактом невыполнения плана, то есть тогда, когда можно принять меры только в счет будущего выполнения, но не в счет настоящего.

Обязательность планов следует понимать не только как обязательность плановых заданий предприятиям, объединениям, отраслям и вообще составным частям народнохозяйственного организма, но и как обязательность выполнения всего народнохозяйственного плана в целом по всему кругу его показателей и, в частности, как безусловное удовлетворение всего перечня плановых потребностей. Выполнения плана центру необходимо добиваться снизу вверх, то есть обеспечивая его выполнение всеми нижестоящими звеньями, причем в более крупных частях народного хозяйства, на более высоких уровнях управления – даже в случае непредвиденных обстоятельств, вызвавших невыполнение планов отдельными нижестоящими звеньями или временные перебои в снабжении. В том, чтобы обеспечивать безусловное выполнение планов, локализовывать невыполнения и обеспечивать максимально точное соблюдение

как выраженных, так и не выраженных в плане общественных интересов, и состоят главные функции органов управления народным хозяйством. Этого органы управления могут достичь, используя имеющиеся в их распоряжении материальные резервы и весь арсенал социалистических методов управления.

Для реального выполнения планов они должны быть научно обоснованными и неуклонно проводиться в жизнь. Это требует высокого уровня плановой работы, эффективной, энергичной организаторской деятельности министерств и ведомств и железной хозяйственной дисциплины.

Ничто так не подрывает обязательности планов, как их необоснованность, ненаучность. Может ли идти речь о выполнении, если, например, план производства запчастей объединению дается на 13,9 млн. руб., а выделенные фонды на стальные и чугунные заготовки позволяют изготовить их только на 8,4 млн. руб.? [1] Эти цифры взяты из плана 1972 г. объединения «АвтоВАЗ» (г. Брянск). На 1973 г. тоже было намечено выпустить запасных частей на 15 млн. руб., а фонд на заготовки сохранился на прежнем уровне – 8,4 млн. руб. От ответственности за такое планирование планирующие органы уходят путем «корректировки» планов в последние дни отчетного года. Так, в конце 1967 г. план по запчастям объединению «АвтоВАЗ» был уменьшен на полмиллиона рублей, в 1968 г. – на 2 млн. 564 тыс. руб., в 1969 г.– на 795 тыс. руб., в 1970 г. – на 3 млн. руб., в 1971 г.– на 2,6 млн. руб. Вот тут как раз тот случай, когда меры государственного принуждения следует принять не к исполнителям, а к «корректировщикам».

Корректировка планов, разумеется, имеет смысл лишь в том случае, когда плановый период еще не подошел к концу и представляет собой такие изменения в плановых заданиях, которые улучшают сбалансированность этих заданий и сохраняют их согласованность по всему народному хозяйству. Корректировка планов учитывает результаты выполнения плана за истекшую часть планового периода и способствует лучшему выполнению плана, но только при том условии, что кор-

---

[1] См.: «Чудеса» планирования. — «Правда», 1973, 12 января.

ректировка сохраняет достигнутую в процессе планирования взаимоувязанность директив, составляющих план.

Если же это требование не соблюдается, то план, представляющий собой итог большого труда ученых, плановых и хозяйственных работников, коллективов предприятий, рассыпается на директивы, не связанные между собой и потому не способные составить план. Добиться согласованности можно только усилиями больших коллективов людей, кропотливой плановой работой, уничтожить же эту согласованность может всего одно непродуманное решение одного министерства. Вот почему план является законом не только для нижестоящих звеньев народного хозяйства, но и для вышестоящих, и за сохранение его сбалансированности хозяйственные руководители должны нести самую строгую ответственность.

К сожалению, случаи нарушений согласованности плановых директив еще имеют место. «Ленинградская правда» критиковала, например, руководителей Министерства станкостроительной промышленности, в ведении которого находится одно из крупнейших предприятий Ленинградской области – тихвинский «Центролит», за то, что они «в угоду ведомственным интересам поступились интересами народного хозяйства в целом». О позиции министерства можно судить хотя бы по таким фактам. В 1972 г. внутриотраслевые поставки с «Центролита», иначе говоря, поставки «для себя», были выполнены сполна, а межотраслевые – только на 44 процента. В тяжелейшем положении оказались многие ленинградские заводы «чужих» министерств.

Металлическому заводу для выпуска турбин в 1972 г. вместо 525 т сварных металлоконструкций дали только 23 т, объединение «Электросила» получило 34 т вместо 1000 т, а «Электроаппарат» довольствовался 3 т конструкций вместо 1000 т, предусмотренных договорами и государственным планом кооперативных поставок.

В 1973 г. та же практика. За полугодие Кировскому заводу было недодано почти 2700 т стального литья, в результате чего был не полностью выполнен план выпуска степных богатырей тракторов «Кировец», которые так нужны в страдную пору уборки урожая. К сказанному приходится добавить, что

сооружение огромного завода велось некомплексно, без учета элементарных социальных нужд коллектива[1]. А ведь план – это комплекс согласованных, взаимоувязанных директив...

В плановом централизованном хозяйстве от работы плановых работников и хозяйственных руководителей в колоссальной степени зависят ход и результаты хозяйственной жизни. Недостаточно четкое выполнение своих обязанностей руководителями не только нарушает плановость, но и несет громадный моральный ущерб, смазывая успехи низовых работников и подрывая инициативу рядовых участников общественного производства.

Призывы к экономии, например, не достигают своей цели, если люди видят, как не по-хозяйски порой расходуются народные средства, или из-за неувязок в планировании и материально-техническом снабжении, или оттого, что министерство, главк не проявляют должной энергии и настойчивости, чтобы добиться ритмичной работы поставщиков. Председатель Белорусского республиканского комитета профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов Ч. Антилевский пишет: «Слишком дорого обходятся строителям недочеты планирования не только материально, но и морально. Как можно включать в план строительства здание, если нет для него строительных материалов? Не обеспечивая стройки необходимыми материалами, плановики заранее обрекают их на простои и на штурмовщину. Ведь из воздуха строить здание не станешь! Нельзя сказать, что обо всем этом не говорилось на различных заседаниях в руководящих инстанциях. Время, однако, идет, а ошибки и просчеты в планировании повторяются. Я не знаю ни одного случая, чтобы виновные в таком, прямо скажем, несоциалистическом планировании понесли ответственность»[2].

Бурный рост специализации и кооперирования, необходимость повышения темпов нашего экономического роста предъявляют особые требования к хозяйственной дисциплине. Нужно, чтобы весь народнохозяйственный организм функционировал с точностью часового механизма. Улучшение планирования,

---

[1] См.: Чертков Б. Вложенный рубль должен работать. — «Ленинградская правда», 1973, 4 августа.

[2] Антилевский Ч. Планировать надо реально.—«Труд», 1973, 6 марта.

отмечает журнал «Коммунист», тесно связано с укреплением хозяйственной дисциплины. К сожалению, случаи нарушения плановой дисциплины имеют место уже в процессе составления государственных планов. «Некоторые Госпланы союзных республик представляют проекты планов в Госплан СССР со значительным опозданием и не в полном объеме, часто превышают в них предусмотренные лимиты капитальных вложений, что приводит к необходимости перерабатывать соответствующие разделы планов»[1].

Чем выше звено управления, тем выше должна быть дисциплинированность, ибо ослабление дисциплины в каком-либо звене ведет к ослаблению дисциплины сверху донизу во всех подчиненных этому звену составных частях общественного производства. Большая ответственность за то же нарушение, большая мера наказаний за просчеты в планировании и недостаточно энергичную организаторскую работу на более высоких уровнях управления необходимы также для того, чтобы наверх выдвигались лишь наиболее дисциплинированные, наиболее ответственные и наиболее твердые и энергичные работники, преданные общему делу.

Дисциплинированность при социализме в самом широком смысле заключается в том, чтобы не только выполнять планы, наряды и хозяйственные договоры, но и в сфере оперативно-хозяйственной самостоятельности действовать в общественных интересах. Контроль государства за деятельностью хозяйственных звеньев экономики не должен поэтому сводиться лишь к сверке результатов хозяйственной деятельности с показателями планов, а охватывать все аспекты деятельности предприятий, быть контролем всеобщим, всеобъемлющим, универсальным.

Необходимо выборочно проводить полный анализ деятельности предприятий, объединений и отраслей, чтобы вскрыть все факты отступлений от общественных интересов, предать самой широкой гласности как эти факты, так и принятые по ним меры, чтобы для каждого хозяйственника была ясна

---

[1] Совершенствовать стиль и методы хозяйственного руководства.— «Коммунист», 1972, № 11, с. 5.

неотвратимость строжайшего наказания за отступление от общественных интересов и, следовательно, за нарушение отношений общественной собственности. Такой контроль, который может проводиться снизу и сверху, должен закрыть для нижестоящих звеньев лазейки формального выполнения планов, а для вышестоящих – возможность смотреть сквозь пальцы на бесхозяйственность подчиненных, если ими выполнен план в результирующих показателях.

Этот контроль предполагает оперативно-хозяйственную самостоятельность и является прямым выражением принципа демократического централизма. О нем говорил В. И. Ленин в своих работах послеоктябрьского периода и идею его развил наиболее полно в статье «Очередные задачи Советской власти». Реальное функционирование общественной собственности обеспечивается такой системой всенародного учета и контроля, которая не упускает ни один факт отступления от общественных интересов и пресекает все попытки полного или частичного присвоения принадлежащих обществу средств производства.

Ослабление хозяйственной дисциплины ведет к ослаблению демократического централизма, общественной собственности на средства производства. События в Чехословакии конца 60-х годов, которым предшествовало и сопутствовало ослабление государственной дисциплины по всем линиям, подтвердили и сделали вновь актуальными следующие ленинские слова: «Реставрация буржуазной эксплуатации грозила нам вчера в лице Корниловых, Гоцов, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их победили. Эта реставрация, та же самая реставрация грозит нам сегодня в иной форме, в виде стихии мелкобуржуазной распущенности и анархизма, мелкособственнического: «моя хата с краю», в виде будничных, мелких, но зато многочисленных выступлений и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности»[1].

XXIV съезд КПСС подчеркнул, что для совершенствования управления необходимо повышение научного уровня планирования, ответственности за выполнение планов и

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 203.

государственных заданий. Съезд поставил задачу добиться крепкой хозяйственной дисциплины как условия успешного выполнения тех грандиозных планов, которые стоят перед советским народом, условия нашего быстрого движения вперед. Для решения этой задачи необходимо в полной мере использовать все средства, имеющиеся в распоряжении социалистического государства.

4. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАСЧЕТ

Прекращение действия стихийных регуляторов производства и цены. Необходимость использования товарно-денежных и стоимостных форм для учета, контроля и материального стимулирования. Понятие хозяйственного расчета. Хозрасчет нэповский и хозрасчет социалистический. Преодоление противоречий хозрасчета. Относительность хозрасчетного обособления и термин „полный хозяйственный расчет". Хозяйственный расчет и высшие звенья экономического управления

По мере того как план завоевывал себе роль регулятора производства, преодолевался товарный характер производства. Производство становилось непосредственно общественным. А непосредственно обобществленный труд, как подчеркивал Маркс, означает «форму производства, диаметрально противоположную товарному производству»[1]. Продукты на социалистических пред, приятиях производятся не для обмена, а непосредственно для удовлетворения потребностей общества, которые выражены в плане и выступают по отношению к коллективу предприятия в качестве государственных заданий, подлежащих обязательному выполнению.

Государственные задания по номенклатуре и ассортименту, доводимые до каждого предприятия и определяющие натурально-вещественную структуру его выпуска, подчиняют производство основному экономическому закону социализма и

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 104.

прекращают действие стихийных регуляторов производства.

Если выпуск продукции планируется в соответствии с потребностями, то тем самым обеспечен гарантированный сбыт продукции потребителю, для которого она была произведена. Отсутствие же гарантий сбыта является важнейшим элементом стихийного регулирования. Только перепроизводство какого-либо продукта и вызванное этим падение цены может заставить частных производителей сокращать производство данного продукта. Закон стоимости может выступать регулятором производства лишь при условии, что сохраняется свободная конкуренция и у предприятий имеется возможность без ограничений менять объем и структуру своего производства под воздействием изменения цен.

Если же натурально-вещественная структура производства предприятий определена планом, то изменение цены какого-либо продукта под воздействием спроса и предложения уже не может стихийно вызвать возрастание (при росте цены) или убывание (при снижении цены) объемов его производства. Следовательно, сохранение практики стихийного установления цен под воздействием спроса и предложения теряет свою объективную основу.

В то же время нужды социалистического планового управления требуют централизованного установления цен, причем для подавляющего большинства видов продукции – установления твердых цен, то есть неизменных в течение планового периода. Только при этом условии планируемые затраты, результаты и эффективность производства могут получить вполне определенное, фиксированное в данном плановом периоде стоимостное выражение.

Без твердых цен стоимостные показатели нельзя использовать даже как плановые показатели затрат труда, поскольку с изменением цен одна и та же величина стоимостного показателя будет задавать различные величины затрат труда. В то же время при твердых ценах стоимостные показатели могут использоваться даже для планирования натурально-вещественной структуры производства и придавать дополнительную гибкость планированию. Появляются полунатуральные показатели,

которые по форме являются стоимостными, но превращаются в натуральные простым делением на цену соответствующих продуктов. Кроме того, появляются такие стоимостные показатели (как, например, объем реализованной продукции определенного вида), которые в то же время являются средством агрегирования продуктов в группы по натурально-вещественному признаку, средством планового распределения всей массы общественного труда по укрупненным группам конкретного труда.

Твердые цены – показатель того, что общество покончило со стихийным регулированием, что роль регулятора производства взяло на себя социалистическое государство.

К сожалению, некоторые экономисты выступают против теории и практики централизованного установления цен. Наиболее последовательным из них оказался Б. В. Ракитский. Он писал: «Отсутствие системы гибкого подвижного установления и изменения цен, в частности возможности их реакции на изменение конъюнктурных условий (в рамках хотя бы (!) плановой «вилки» изменения уровня цен), не позволяет создать систему стимулирования за умелое маневрирование и использование выгод конкретной хозяйственной ситуации... негибкое Ценообразование и фондирование пресекают развитие внутриотраслевой конкуренции, глушат создаваемые ею импульсы для развития технического прогресса»[1]. В своей борьбе за развитие конкуренции (ибо дело не в разновидности конкуренции, а в факте ее существования или несуществования) Б. В. Ракитский видно сов, сем забыл о борьбе с идеями О. Шика, который утверждал, что в его схеме управления социалистическим хозяйством «применение системы рыночной конкуренции есть дело первоочередной важности»[2].

Подобное представление о роли конкуренции и методах регулирования цен заставляет ставить вопрос: не нанесет ли вред реализация предложений Б. В. Ракитского системе управления народным хозяйством, тем более что он в своей модели за

---

[1] Ракитский Б. В. Формы хозяйственного руководства предприятиями, с. 175–176.

[2] Sik. O. Plan and market under socialism, p. 301.

государством оставляет контроль лишь «над уровнем цен»[1]. Б. В. Ракитский предусмотрел этот вопрос и спешит успокоить читателя: «Цены, колеблющиеся в пределах лимитов на основе договоренности, никак не могут подорвать основы нашей социалистической плановой экономики, ибо они сами есть объект централизованного контроля. Даже если бы цены были вообще безлимитными (рассмотрим и такой крайний, но теоретически мыслимый (!) случай), то они и тогда не способны были бы вызвать хозяйственные диспропорции, ибо, как уже говорилось вначале, центр тяжести регулирования социалистического производства лежит не в обращении, а в области планирования»[2].

Автору должно быть хорошо известно марксистское положение о том, что нельзя метафизически разрывать централизованное планирование и ценообразование. Каждому ясно, что неизменные в течение планового периода цены делают стоимостные показатели планов одновременно и натуральными, и цифра в рублях в силу этого всегда выражает собой определенное количество продукции определенного вида. Запланированные натурально-вещественные пропорции при таких ценах выражаются какими-то определенными стоимостными величинами. Но достаточно устранить стабильность цен, как это свойство потеряется, и если в какой-то момент запланированная в рублях сумма поставок представляет необходимое пропорциональное количество продуктов данного вида, то в следующий момент уже меньшее (с повышением цены) или большее (с понижением). С уничтожением твердых, централизованно устанавливаемых цен планирование производства, именно производства, становится невозможным, диспропорции неизбежными, и преимущества социализма теряются.

Превращение цены в один из инструментов планирования непосредственно общественного производства подтверждает, что коренное изменение характера производства не ведет непременно к уничтожению всех тех форм хозяйствования, которые выработаны человечеством р условиях товарного производства. И это вполне объяснимо. Социализм есть продукт всего

---

[1] Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 142.

[2] Там же.

предшествующего развития человечества. Банки, например, уже в условиях капитализма из посредников в финансовых операциях выросли в органы общественного счетоводства. Социалистический переворот, требующий перенесения счетоводства на все общество, придания ему всеобъемлющего характера, уничтожил товарное содержание банковских операций, но не мог не сохранить и не развить банки как аппарат учета и контроля за производством и распределением.

Следует заметить, что вообще те или иные формы хозяйствования существуют не по воле того или иного лица, а в силу объективной необходимости. Они исчезают, уступая место другим лишь в том случае, когда необходимость в них перестает существовать. А существует ли необходимость в использовании товарно-денежных и стоимостных форм в социалистическом хозяйстве?

Достаточно принять во внимание тот факт, что средства производства при социализме непосредственно используются коллективами отдельных предприятий (объединений). Поэтому производственные коллективы имеют возможность влиять на характер использования закрепленных за предприятием средств производства. Экономическая теория, равно как и экономическая история, учит, что если никаких противодействующих факторов нет, то средства производства из объекта хозяйствования могут превращаться в объект собственности. Экономическое развитие Чехословакии в 1968 г. подтвердило эту истину.

Государственный план, доводимый до каждого предприятия и определяющий его производство с натурально-вещественной стороны, – вот главное средство, ликвидирующее возможность превращения средств производства из объекта хозяйствования в объект собственности производственных коллективов. Вот почему говорим: плановое централизованное управление экономикой в общественных интересах – ядро отношений общественной собственности на средства производства.

План, однако, не может во всей конкретности предопределить деятельность предприятия, и проблема обеспечения действий коллектива предприятия в общественных интересах одним лишь планированием не снимается. Необходим контроль и учет

всеобщий, всеобъемлющий универсальный, исключающий использование средств производства вопреки общественным интересам и гарантирующий поэтому общественную собственность на средства производства не только в основном и коренном, но и в полной мере.

Существует, следовательно, объективная необходимость в учете и контроле, в сравнении затрат и результатов и в использовании всех форм, которые решают эту задачу. Помимо прямого учета и контроля объективно необходимо поэтому использовать и те формы, которые выработаны человечеством в лоне товарного производства, но могут служить для решения специфически социалистических задач. Учет затрат труда – это такая сторона закона стоимости, которая с уничтожением его как закона товарного производства не только не исчезает, но, напротив, только при социализме получает действительно всеобъемлющий характер, действительно полное развитие.

Использование товарно-денежных и стоимостных форм, выработанных товарным производством, для нужд социалистического учета и контроля порождает хозяйственный расчет. Хозяйственный расчет предполагает обособление предприятий по затратам и результатам, учет и сравнение затрат и результатов в стоимостной форме на каждом предприятии в отдельности и является в то же время инструментом организации материального стимулирования. Необходимость в материальном стимулировании – вторая, порождающая использование товарно-денежных и стоимостных форм, черта социализма. Хозяйственный расчет, таким образом, – это определенный способ использования товарно-денежных и стоимостных форм для учета затрат и результатов хозяйствования и организации материального стимулирования. Не следует забывать, что всякая форма содержательна. Использование стоимостных и товарно-денежных форм несет отпечаток своего товарного происхождения, и с уничтожением директивного планирования и управления эти формы способны быстро наполняться прежним, товарным содержанием. Тогда социалистический их характер отступает на задний план, чтобы впоследствии исчезнуть вовсе.

Хозяйственный расчет обеспечивает использование

материальных интересов трудящихся для стимулирования развития производства в общественных интересах. Когда общественные интересы еще не выражались в виде народнохозяйственного плана и директивное управление еще не получило присущего социалистической экономике развития, мы имели хозрасчет нэповского типа. Хозрасчет социалистического типа возник лишь с установлением планового централизованного управления и является формой хозяйствования, обеспечивающей использование материальных интересов в целях выполнения централизованных заданий государственного плана.

О хозрасчете нэповского типа В. И. Ленин в 1921 г. писал: «Перевод госпредприятий на так называемый хозяйственный расчет неизбежно и неразрывно связан с новой экономической политикой, и в ближайшем будущем этот тип станет преобладающим, если не исключительным»[1].

Хозяйственный расчет нэповского типа перерастал в хозяйственный расчет социалистического типа по мере вытеснения капиталистических и товарных начал и создания всеобъемлющей системы государственного планирования и управления. Хозяйственный расчет социалистического типа окончательно сложился только к концу второй пятилетки[2]. Он предполагает объединение всего народного хозяйства государственным планом в единый механизм и преодоление в основном обособленности интересов.

Хозяйственный расчет, как было сказано, предполагает стоимостную оценку производимой на социалистических предприятиях продукции, централизованное установление цен. Эти цены дают стоимостное выражение затратам, результатам и эффективности производства предприятий и служат в руках государства одним из важнейших рычагов централизованного управления.

Для организации социалистического хозрасчета необходимы неизменные в течение определенного планового периода цены. Стабильные цены, как подчеркивалось на мартовском (1965 г.),

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 342—343.

[2] Перевод на хозрасчет подразделений предприятий начался в 1929 г., а главных управлений наркоматов — в 1936 г.

октябрьском (1968 г.) и июньском (1970 г.) Пленумах ЦК КПСС, обеспечивая устойчивость экономических условий работы предприятий, дают им возможность получать гарантированную прибыль, а хорошо работающим предприятиям-–гарантированную добавочную прибыль. Это позволяет предприятиям рассчитывать свои планы производства и воспроизводства на перспективу и поощряет перспективный подход к организации всей деятельности предприятия. В то же время это дает возможность государству отрегулировать систему платежей в бюджет так, чтобы погасить воздействие, которое на размеры фонда зарплаты и хозрасчетных фондов оказывают внешние факторы, не зависящие от деятельности предприятий, и таким образом создать всем производственным коллективам равные экономические условия хозяйствования.

Те цены, по которым предприятия реализуют производимую продукцию, включая и предметы потребления, устанавливаются, как правило, на таком уровне, который обеспечивает предприятиям возмещение затрат на производимую продукцию и получение прибыли. В то же время цены, по которым предметы потребления приобретаются населением, должны быть установлены исходя из других принципов: из социалистического закона воспроизводства рабочей силы, из задачи формирования потребностей, из решения определенных социально-экономических задач.

Противоречие между этими двумя группами требований устраняется благодаря тому, что государство является посредником между производством и потребителями и может поэтому обеспечить реализацию потребителям продукции по ценам иной структуры и уровня, чем те, по которым реализуют продукцию предприятия. Поэтому при социализме существует две системы цен на предметы потребления: система розничных и система оптовых цен. Предприятия сдают предметы потребления государственным сбытовым организациям по оптовым ценам, а через государственные магазины население приобретает их уже по розничным ценам.

Социалистическое государство, являясь посредником между производством и потребителями и организатором производства,

является в то же время представителем потребителей. Это играет решающую роль для подчинения производства интересам удовлетворения потребностей трудящихся в соответствии с общественными интересами. Централизованное управление экономикой, и, в частности, централизованное установление цен, позволяет гасить еще возможные при социализме попытки поставить материальные интересы коллективов предприятий выше интересов потребителей производимой ими продукции.

Одно из требований хозрасчета – построение такой системы цен, которая делала бы нужные обществу продукты рентабельными. Нельзя, однако, предполагать, что когда-либо все продукты каждого предприятия будут одинаково рентабельными. С точки зрения увеличения объема прибыли, на предприятии среди рентабельных продуктов всегда будут более и менее «выгодные». В этих условиях, чтобы сохранить и приумножить те преимущества, которые связаны с возможностью установления твердых цен, чтобы не лишить цены их социально-экономических функций, чтобы исключить при этом «исчезновение» нужных продуктов, необходимо по всем нужным обществу, но не самым «выгодным» для предприятий изделиям либо указывать конкретно, «что и сколько произвести», либо запретить их снятие с производства без санкции центральных органов.

Чтобы использовать преимущества высоких темпов развития, нельзя обойтись без конкретных указаний предприятиям, какие из «выгодных» продуктов, в каком количестве, для кого и к какому сроку они должны произвести обязательно. На основе этих плановых указаний поставщики и потребители заключают договоры, конкретизирующие условия поставки. Только на этой основе возможно свойственное социализму решение в исторически короткие сроки крупнейших социально-экономических задач.

Одной из важнейших сторон хозрасчета социалистического типа является социалистический учет и контроль. Материальное стимулирование играет по отношению к плану подчиненный характер, и его использование определено государственным планом. Это – стимулирование в рамках плана, стимулирование лучшего выполнения государственных плановых заданий. В таком качестве хозрасчет является средством связать удовлетво-

рение личных и коллективных материальных интересов с выполнением государственного плана, привязать личные и коллективные материальные интересы к общественным экономическим интересам, а методы материального стимулирования – к директивным и административным методам.

Без плана, без директивных и административных методов хозрасчет не может являться средством реализации основного экономического закона социализма и теряет свой специфически социалистический характер. Это связано с тем, как убедительно показывает А. Еремин, что стоимостный эффект деятельности ячейки далеко не всегда совпадает с натурально-вещественными потребностями общества. А. Еремин пишет: «При социализме, который, конечно, не является разновидностью товарного хозяйства, хозрасчетное обособление вызывает специфические противоречия. Производство в отдельной ячейке (как и в обществе в целом) не имеет целью производство стоимости или избытка стоимости над затратами... Однако сама обстановка хозрасчетного хозяйствования делает синтетический стоимостный итог хозяйственной деятельности автоматически определяющим благосостояние отдельных членов коллектива ячейки и всего его в целом» [1]. Обеспечение планомерного функционирования всего народнохозяйственного целого необходимо требует сознательного контроля за тем, чтобы противоречия между хозрасчетными интересами ячеек производства и общественными интересами разрешались не в ущерб общественным.

Нельзя вместе с А. Ереминым не выразить сожаления в том, что «противоречия, свойственные сегодня хозрасчетному обособлению предприятий, иногда рекомендуется преодолевать посредством его углубления, ослабления его относительного характера, его связей с общей системой планового управления экономикой, хотя многие негативные моменты в функционировании нашего хозяйственного механизма как раз обусловлены наличием многочисленных границ обособления

---

[1] Еремин А. Соотношение субъективного и объективного и проблема «автоматизма» в управлении социалистической экономикой. – В кн.: «Роль объективного и субъективного в управлении производством». М., «Экономика», 1972, с, 46.

(между звеньями переработки продукта, между научно-конструкторскими и производящими звеньями и т. д.). Стало быть, предлагаемые рецепты усиления хозрасчетной обособленности нельзя... признать приемлемыми»[1].

Преодоление противоречий хозрасчета происходит прежде всего за счет планового определения структуры производства с натурально-вещественной стороны. В плане может быть указан не только вид и объем производимого продукта, но и нижняя граница его качества сразу по большому числу параметров, то есть общественные потребности могут быть выражены с той подробностью, глубиной и однозначностью, которые недоступны для стоимостных категорий. Потребность не сводится к стоимости, не растворяется в ней, это самостоятельная категория и ей должно быть дано самостоятельное выражение. Такое выражение и дают ей натуральные (номенклатура, ассортимент) и агрегировано-натуральные (объем реализованной продукции) показатели государственного плана.

Нельзя забывать, что стоимостные показатели могут иметь одну и ту же величину при самых различных сочетаниях производимых на предприятии продуктов и не предопределяют поэтому натурально-вещественной структуры производства объединения или предприятия. Без планового задания натурально-вещественной структуры производства нет, следовательно, развития производства для удовлетворения потребностей и, следовательно, нет социалистического хозрасчета.

Итак, хозрасчет социалистический есть хозрасчет, построенный на плане и ориентирующий материальные стимулы на выполнение плана и директив центра. Это хозрасчет, предполагающий и усиливающий централизм. В связи с этим нельзя не обратить внимания на искажение понятия полный хозяйственный расчет, которое некоторые авторы толкуют как хозрасчет, полностью освобожденный от его планомерного характера, предполагающий полную независимость хозрасчетных единиц от государства. Такую, по сути дела, идею полного хоз-

---

[1] Еремин А. Управление экономикой и теория хозрасчета. — «Вопросы экономики», 1973, № 4, с. 115.

расчета проводил в своих работах Б. В. Ракитский, и такой хозрасчет он объявил конечной целью реформы[1]. Какие же показатели, по его мнению, останутся при достижении этой сформулированной им цели? «Среди перечисленных показателей, – пишет Б. Ракитский, – нет ни объема реализуемой продукции, ни номенклатуры. Нам кажется, что в будущем, при полном хозяйственном расчете, утверждать эти показатели сверху не будет необходимости»[2]. Оставляемые Б. В. Ракитским показатели носят чисто финансовый характер, представляя собой различного рода платежи[3], так что директивное планирование и управление практически сходят на нет.

Конечной целью реформы, как это подчеркнул XXIV съезд КПСС, является совершенствование всей системы управления, и прежде всего основных методов управления экономикой – директивного планирования и управления, которые при социализме являются ведущими и определяющими. Хозяйственный расчет в отрыве от главенства директивного планирования и управления теряет свой социалистический характер, оказывается коммерческим расчетом, хозрасчетом нэповского типа, хотя ему наклеивают ярлык «неформального хозрасчета». Неправомерно поэтому использование термина «формальный хозрасчет» применительно к хозрасчетным отношениям всего периода 30-х и 50-х годов[4]. Ревизионисты согласны считать хозрасчет неформальным лишь при условии, что рычаги материального стимулирования примут господствующее значение. Хозяйственный расчет, который привязывает все материальные стимулы к государственному плану, к директивным и административным методам, отнюдь не является формальным.

Рассмотрим в заключение еще один важный момент в организации управления. Даже на самых нижних уровнях управления, как мы отмечали выше, возможно возникновение

---

[1] См.: Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 71.

[2] Там же, с. 79.

[3] См. там же, с. 78—79.

[4] Ср.: «Хотя предприятия и были хозрасчетными, но этот хозрасчет носил в основном формальный характер». (Ракитский Б. В. Формы хозяйственного руководства предприятиями, с. 16).

противоречий между стоимостным и натурально-вещественным аспектами воспроизводства. Даже в применении к предприятию нельзя сказать, что его цель – максимальное превышение доходов над расходами. Цель предприятия – удовлетворение общественных интересов, как выраженных, так и не выраженных в государственном плане, удовлетворение потребностей общества наиболее эффективным образом. При социализме конечный пункт производства – удовлетворение общественных потребностей – стал не только результатом, но и целью производства, что нашло свое отражение на всех уровнях управления. В то же время в условиях индивидуального и общественного воспроизводства эта цель проявляется по-разному. На уровне предприятия натурально-вещественные аспекты воспроизводства уже определены плановыми заданиями по номенклатуре и ассортименту, и одной из важнейших задач является поэтому задача превышения доходов над расходами на запланированную продукцию, эквивалентная при этих условиях задаче экономии затрат труда. На высших уровнях управления, где формируется государственный план и устанавливаются цены, задача состоит в одновременном формировании натурально-вещественной и стоимостной структур производства в общественных интересах, и степень превышения доходов над расходами уже никак не может являться решающим показателем работы органов управления.

К. Маркс специально обращал внимание на то, что анализ воспроизводства в целом следует начинать с рассмотрения его натурально-вещественных аспектов, с выяснения характера потребностей и средств их удовлетворения и что согласование натурально-вещественных и стоимостных аспектов воспроизводства является решающим моментом в осуществлении процесса воспроизводства. Эта мысль для практики управления на макроуровне имеет особую важность, так как здесь несогласованность между стоимостными и натурально-вещественными аспектами воспроизводства грозит весьма серьезными нарушениями нормального хода воспроизводства, перебоями в снабжении предприятий и населения необходимыми продуктами и т. д.

На этом уровне управления задача максимального превышения

доходов над расходами, характерная для хозрасчета, может входить в серьезные противоречия с задачей обеспечения потребностей народного хозяйства, обеспечения определенной натурально-вещественной структуры продукции отраслей. В этом – одно из отличий воспроизводства на макроуровне от воспроизводства на микроуровне. Было бы неправильно не считаться с этим отличием и при решении вопроса о том, переводить или не переводить министерства на хозяйственный расчет. Поэтому трудно согласиться с Б. В. Ракитским, что «хозрасчет министерства был бы самым действенным рычагом в перестройке стиля их работы» [1]. Это можно заявлять только в том случае, когда предполагается отказ от директивного управления со стороны министерств и от подчиненного значения материальных стимулов для деятельности руководящих работников. О том, что Б. В. Ракитский имеет в виду как раз такую перестройку стиля работы министерств, говорит его представление о хозрасчете и то решение, которое он дал созданной им самим же дилемме (командир – администратор или хозяйственник – коммерсант): «командир-администратор, – пишет Б. В. Ракитский, – далеко не всегда и не во всем разумеет хозяйственника-коммерсанта» [2]. Обозвав командирами-администраторами тех командиров производства, хозяйственников, которые используют все предоставляемые социалистическим строем методы руководства, Б. В. Ракитский вдобавок продемонстрировал, что идеалом руководителя для него является хозяйственник-коммерсант.

При социализме необходимо полностью использовать все возможности хозяйственного расчета, и, в частности, его возможности в области учета и контроля. По меткому выражению академика В. С. Немчинова, «карман, конечно, один, но кошельки должны быть разные». Нельзя, однако, забывать, что существование хозрасчета обусловлено также необходимостью использовать в первой фазе коммунизма материальное стимулирование, и по мере ослабления этой необходимости будет ослабевать и значение хозрасчета. Сохранится и разовьется при коммунизме лишь та его сторона, которая представляет собой

---

[1] *Ракитский Б. В.* Формы хозяйственного руководства предприятиями, с. 144.

[2] Там же, с. 146.

сегодня учет затрат труда, социалистический учет и контроль.

Поэтому хозяйственный расчет нужно совершенствовать. Но было бы неверно считать совершенствование хозрасчета единственной или главной магистралью совершенствования системы управления экономикой социализма. Лицо системы управления при социализме определяется директивным планированием и управлением. Поэтому при полном использовании возможностей хозрасчета главное внимание должно быть уделено совершенствованию директивного планирования, директивных и административных методов управления, социалистического учета и контроля и развитию на этой основе социалистического соревнования, инициативы и самодеятельности масс в реализации общественных интересов. Только при этом условии хозяйственный расчет сохранит свой социалистический характер и в комплексе с другими формами осуществления демократического централизма послужит эффективным средством социалистического управления.

5. СИСТЕМА МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Основы классификации методов управления социалистической экономикой (базис и надстройка в социалистическом обществе). Система управления как диалектическое единство методов. Присущ ли административным методам экономический характер? Экономические методы управления и экономическая реформа.

Правильная классификация методов управления в системе государственного планового управления социалистической экономикой зависит от правильного понимания соотношения между экономическим базисом и политической надстройкой.

Марксизм-ленинизм учит, что государство как таковое, то есть политическое государство, есть категория надстроечная. Это аппарат для проведения политики экономически господствующего класса. Поскольку политика класса есть концентрированное выражение его экономических интересов,

постольку государство – это такая организация принуждения, которая обеспечивает подчинение всего общества экономическим интересам господствующего класса. Степень и масштабы использования принуждения определяются тем, в каком отношении интересы экономически господствующего класса находятся к интересам других классов и социальных групп общества и какова сила сопротивления этих классов и социальных групп осуществлению интересов господствующего класса.

С установлением диктатуры пролетариата, когда государство стало проводником интересов рабочего класса, выразителя коренных интересов трудящихся и эксплуатируемых, класса, наиболее полно и последовательно заинтересованного в построении коммунизма, с уничтожением эксплуататорских классов и социальных причин, их порождающих, начался процесс отмирания государства. Этот процесс протекает тем интенсивнее, чем интенсивнее сокращаются социально-экономические различия между людьми, ибо с сокращением социально-экономических различий уменьшаются различия в интересах, усиливается их общность, а с уменьшением различий в интересах и усилением их общности ослабевает необходимость в принуждении для проведения интересов политически господствующего класса. Как подчеркивается в резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу Центрального Комитета, «на базе социалистических интересов и коммунистических идеалов рабочего класса все более укрепляется единство советского общества» [1]. С достижением полного социального равенства необходимость в классовом принуждении отомрет, а вместе с этим отомрет и соответствующий аппарат – государство.

Процесс отмирания государства как такового сопровождается тем, что оно выполняет все больше экономических функций по организации социалистического хозяйства. Но это, конечно, не означает, что социалистическое государство перестает быть политической надстройкой. Государство как таковое, пока оно еще существует, остается организацией надстроечной, и только с учетом этого факта может быть рассмотрен вопрос о его эконо-

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 203.

мических функциях в социалистическом хозяйстве. В то же время именно потому, что государство – организация надстроечная, было бы методологически ошибочным пытаться из одного лишь понятия государства выводить и только под этим углом зрения анализировать его экономические функции. К пониманию экономических функций социалистического государства можно подойти только на основе изучения качественных особенностей экономического базиса коммунистической формации, первой фазой которой является социализм.

Коммунистическая общественно-экономическая формация есть, как известно, формация, основанная на крупной машинной индустрии и общественной собственности на средства производства. Она возникает в результате революционного превращения производства, принявшего развитый общественный характер, в непосредственно общественное производство, то есть в производство, непосредственно осуществляющееся в общественных интересах. Обобществление производства на деле заключается в том, чтобы подчинить весь его ход общественным экономическим интересам, что в условиях общественного характера производства может быть достигнуто только посредством планового управления экономикой из единого центра, когда «все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общему плану и при участии всех членов общества» [1]. В этом – реальное содержание общественной собственности на средства производства.

Для осуществления общественной собственности необходимо, таким образом, чтобы все общественное производство подчинялось общественным экономическим интересам, а реальными отношениями собственности являются те производственные отношения, которые обеспечивают такое подчинение, прежде всего отношения планового централизованного управления в общественных интересах. Отношения планового централизованного управления экономикой в общественных интересах придают

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 329—330.

соответствующую направленность всем другим производственным отношениям и составляют поэтому становой хребет реальных отношений общественной собственности.

Итак, обобществление производства на деле заключается в том, чтобы подчинить весь его ход общественным экономическим интересам, а в условиях развитого общественного характера производства это может быть достигнуто только посредством планового управления экономикой из единого центра. В. И. Ленин обращал на это обстоятельство особое внимание. Он ясно отделял национализацию и конфискацию от обобществления деле, отмечая, что «недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению» [1] подчеркивая, что «одна экспроприация, как юридический или политический акт, далеко не решает дела, ибо нужно фактически сместить помещиков и капиталистов, фактически заменить их другим, рабочим, управлением фабриками и имениями» [2]. Наконец, он прямо указывал, что построение социализма «есть построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра»[3]. Было бы поэтому серьезной ошибкой считать, что лишь с отмиранием государства возникнет экономический центр по руководству народным хозяйством. Напротив, с возникновением экономического центра по управлению социалистическим хозяйством только и начинается активное, сознательное, целенаправленное формирование экономических условий отмирания государства.

В. И. Ленин выступал за «настойчивое проведение централизации хозяйственной жизни в общенациональном масштабе»[4] и социализм рассматривал как «единую фабрику». Такое понимание социализма позволяет сделать очень важный вывод. Точно так же, как отношения управления фабрикой являются экономическими, ибо они обеспечивают кооперацию труда в масштабах фабрики, экономическими, базисными, производственными отношениями являются отношения

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 293.

[2] Там же, т. 37, с. 262.

[3] Там же, с. 422.

[4] Там же, т. 36, с. 218.

планового централизованного управления производством коммунистической формации. Эти отношения обеспечивают кооперацию труда в масштабах общества в целом, существуют объективно и являются производственными в силу самого определения производственных отношений. Ведь производственные отношения – это такие отношения, в которые люди вступают, чтобы производить. А чтобы производить по-коммунистически, то есть в общественных интересах, чтобы способ производства был коммунистическим, необходимо вступать в отношения планового централизованного управления экономикой из единого центра. Это отношения, которые завязываются между центром и производственными ячейками, «цехами» той огромной фабрики, какую представляет собой производство коммунистической формации.

Ясно при этом, что недопустимо смешивать объективную необходимость отношений планового централизованного управления с той или иной конкретной формой этих отношений, которая вполне может оказаться вовсе не необходимой или перестать быть необходимой на известном этапе развития производительных сил. Ясно также, что отношения управления не следует отождествлять с деятельностью по управлению, которая всегда субъективна, как, впрочем, и любая производственная деятельность. Перед органами управления коммунистической формации стоит задача строить свою субъективную деятельность по управлению в соответствии с объективными экономическими законами и объективными экономическими интересами общества и выбирать такую конкретную форму отношений планового управления, которая позволила бы наиболее полно осуществлять требования общественных экономических интересов и объективных экономических законов.

Итак, экономика коммунистической формации существует лишь как экономика, в которой центр вступает в экономические отношения директивного планового управления с производственными ячейками. А отсюда, из экономического характера отношений директивного управления, вытекает экономический характер директивных методов.

При рассмотрении вопроса об экономических методах

управления необходимо держаться принципа историзма. Экономическими по отношению к данному экономическому строю называются такие методы, которые внутренне присущи экономическим отношениям управления этого строя. При капитализме отношения директивного управления могли считаться экономическими только на уровне отдельного капиталистического предприятия, отдельной капиталистической монополии. С установлением общественной собственности, когда кооперация труда распространилась на все общество и экономическими стали отношения управления всей экономикой в целом, директивные методы управления из единого экономического центра получили экономический характер. Более того, теперь это важнейшие экономические методы управления. Что же касается методов материального стимулирования, то, будучи внутренне присущими отношениям планового управления в первой фазе коммунизма, они отмирают с наступлением его второй, высшей фазы вместе с отмиранием распределения по труду. Если в первой фазе коммунизма экономическими методами являются директивные методы, методы материального стимулирования и социалистическое соревнование, то во второй фазе коммунизма директивные методы и социалистическое соревнование будут исчерпывать собой арсенал экономических методов управления. С развитием социализма возрастет роль директивных методов управления и социалистического соревнования, а методы материального стимулирования должны до конца реализовать свои возможности.

Социализм, как известно, – это коммунизм, но только в своей низшей фазе. Способ производства при социализме – коммунистический прежде всего в том плане, что производство ведется планомерно, управляется из единого экономического центра в общественных интересах.

Классовый характер общественных экономических интересов придает классовый, политический характер и экономическому управлению. Деятельность по управлению экономикой при социализме не может не носить поэтому политического характера.

В силу того, что общественные экономические интересы при

социализме имеют классовый характер и суть интересы передового, рабочего класса, субъектом экономического управления может быть только рабочий класс в лице своего сознательного авангарда – Коммунистической партии. В этом состоит экономическая роль Коммунистической партии в социалистическом обществе. Все важнейшие экономические решения принимаются высшими партийными форумами – съездами Коммунистической партии, а в промежутках между съездами – ее Центральным Комитетом. Коммунистическая партия оказывает решающее влияние на всю экономическую жизнь, а поскольку экономика – основа общества, благодаря этому обеспечивается руководящая роль рабочего класса в обществе в целом.

Классовый, политический характер экономического управления в первой фазе коммунизма превращает деятельность по управлению экономикой в экономическую политику и делает необходимым совмещение экономического и политического центров. Так как общественные интересы по своему классовому характеру суть интересы передового, рабочего класса, а аппаратом для проведения интересов экономически господствующего класса, как известно, является государство, только государство может выполнять при социализме роль экономического центра. В. И. Ленин, имея в виду переходный от капитализма к социализму период, писал: «Государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом; она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны»[1].

Безосновательно поэтому, как это делает Я. А. Кронрод, отвергать ту мысль, что «хозяйственные органы государственного аппарата есть верхушка социалистического базиса»[2]. Ведь базис – это система производственных отношений, а государство, выполняя роль центра экономической жизни социалистической страны, несомненно вступает в производственные отношения управления со всеми ячейками хозяйства. Неверно, следова-

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 38, с. 442.

[2] Кронрод Я. Социалистическое государство и экономика. — «Экономические науки», 1974, № 9, с. 20.

тельно, утверждение Я. А. Кронрода, что при социализме «экономические функции государства... являются надстроечными, а не базисными функциями» [1]. Экономические функции социалистического государства – это функции экономического центра, являющегося органом базиса коммунистической формации, а следовательно, базисные функции.

Итак, только государство, которое само по себе есть организация надстроечная, может выполнять при социализме роль экономического центра, относящегося к базису нового строя. Политический и экономический центр совмещены, и центр политический выполняет наряду со своими собственными и функции экономического центра, базисные функции. В этом своеобразие, диалектика взаимодействия базиса и надстройки в социалистическом обществе как переходном к бесклассовому коммунистическому обществу.

Мы видим, таким образом, что взаимоотношения между экономическим базисом и политической надстройкой в социалистическом обществе имеют принципиально новые черты. При рабовладельческом строе, феодализме, капитализме надстройка как бы парит над базисом, находясь лишь в общей зависимости от него, и ее функции сводятся лишь к охране сложившихся производственных отношений, в которых само оно непосредственного участия не принимает. В высшей, монополистической стадии капитализма государство начинает вступать в экономические отношения с капиталистическими монополиями, оказывая на них посредством регулирования цен, налогов, процента за кредит, системы заказов определенное регулирующее воздействие, но тем не менее экономическая жизнь развивается в общем и целом независимо от деятельности политического центра. И лишь при социализме, на первой ступени развития коммунистической формации, когда кооперация распространяется до пределов общества в целом и в число производственных отношений входят отношения управления экономикой из единого центра, государство,

---

[1] Там же, с. 19.

оставаясь центром политическим, одновременно выполняет и функции экономического центра.

Происходит тесное сплетение политики и экономики. Политика, которую призвано проводить социалистическое государство, есть концентрированное выражение экономических интересов рабочего класса, который выражает коренные интересы всех трудящихся, так что деятельность политической надстройки, в общем и целом, определена экономическим базисом. В то же время, поскольку экономическая деятельность носит классовый и, следовательно, политический характер, все экономические отношения буквально пронизаны политическим содержанием, и любой, не только крупный, но и мелкий экономический вопрос может принять и принимает политическое значение. Так, любое отступление от общественных экономических интересов, любое нарушение их есть не только отступление от общественной собственности и ослабление ее, но это также отступление и от государственных интересов и ослабление руководящей роли рабочего класса и Коммунистической партии в обществе. Напротив, последовательное и полное осуществление общественных экономических интересов в экономике есть не только укрепление общественной собственности, но и укрепление руководящей роли рабочего класса и его партии в обществе. Вот почему партия решительно выступает против ведомственных и местнических тенденций, против любых попыток поставить интересы отдельной группы или коллектива работников выше интересов общества в целом, за последовательное проведение демократического централизма, ибо социалистический демократизм требует обеспечения господства в экономике коренных интересов большинства трудящихся. В этом суть политического подхода к решению экономических, хозяйственных задач.

Тот факт, что государство, то есть политический центр, выполняет при социализме одновременно и роль экономического центра, означает, что при социализме политика способна оказывать и оказывает самое непосредственное воздействие на экономику. События в ЧССР конца 60-х годов показали, что всякие нарушения в сфере политики, ревизионизм в теории, на которой базируется деятельность социалистического государства,

или оппортунизм на практике чреваты самыми серьезными экономическими последствиями. В то же время, как показывает история нашей страны, ясность революционной теории, политических задач, стоящих перед обществом, опыт и пролетарская закалка руководителей, преданность делу коммунизма партийных и государственных кадров – все это находит прямое выражение и в успехах экономических. Социализм есть гораздо более сложный, более высокоорганизованный общественный строй, чем капитализм, и он раскрывает все свои возможности только тогда, когда управление им, как экономическое, так и политическое, находится на уровне предъявляемых к нему требований. Этой идеей проникнуты важнейшие партийные решения последних лет, поставившие задачу резкого повышения уровня управления обществом.

Ревизионисты в Чехословакии приложили немало усилий к тому, чтобы доказать, будто у социалистического государства нет экономических, базисных функций, что все функции социалистического государства надстроечные и что, следовательно, оно должно быть отстранено от управления общественным производством. Отношения директивного управления, а вместе с ними и директивные методы управления объявлялись неэкономическими. Экономическими же признавались лишь те методы, которые используются в системе буржуазного государственного регулирования. Под тем предлогом, что деятельность по управлению экономикой субъективна (как будто бы не субъективна любая другая производственная деятельность), отвергалась объективная необходимость этой деятельности, а объективными формами проявления экономических законов объявлялись только цена, прибыль, заработная плата, хозрасчет и т. д., то есть только те, которые связаны с использованием в первой фазе коммунизма товарно-денежных, стоимостных форм и материального стимулирования. При этом ревизионистов не смущало даже то обстоятельство, что высшая фаза коммунизма вообще оставалась тогда без объективных форм проявления экономических законов.

Эти идеи были положены правыми оппортунистами в основу

проведения экономической реформы. Она шла под лозунгом вытеснения административных методов экономическими. И это выглядело вполне благообразно. Однако, если учесть, что административными оппортунисты называли директивные методы экономического управления, а экономическими – исключительно лишь методы материального стимулирования и использование стоимостных рычагов, на практике этот лозунг означал устранение директивного планового управления, а вместе с тем и ядра тех отношений, которые обеспечивают обобществление на деле. За призывами перейти от административных к экономическим методам хозяйствования стояло поэтому не только очернение всей предшествующей экономической практики, которая будто бы была построена на неэкономических методах. За этим стояла цель уничтожить главную форму осуществления общественной собственности, руководящую роль рабочего класса и Коммунистической партии в социалистическом обществе, уничтожить социализм как общественный строй.

По мере развития социалистического общества и перерастания его в коммунизм меняется соотношение между экономическими и политическими функциями социалистического государства. Как указывал В. И. Ленин, аппарату государства в собственном смысле слова «суждено умереть, а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества»[1].

На современном этапе экономические, базисные функции социалистического государства переживают процесс своего дальнейшего развития. Необходимо подчеркнуть в то же время, что как бы ни развивались экономические функции социалистического государства, как бы ни расширялись его задачи как экономического центра, вступающего в экономические отношения управления с производственными ячейками и отдельными работницами, государство как таковое, собственно государство, продолжает оставаться органом политическим и всю

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с, 377–378.

свою экономическую деятельность наполняет политическим содержанием. Экономическая деятельность социалистического государства носит характер экономической политики, и к управлению экономикой нужен политический подход.

Только с полным уничтожением классов экономический центр управления производством коммунистической формации сбросит государственную форму и предстанет непосредственно в виде чисто экономического органа. Это будет. Но история показывала уже не раз, что попытки забегания вперед, попытки подменить решение задач сегодняшнего дня постановкой будущих задач сводятся к самообману и затушевыванию самых насущных, актуальнейших проблем и противоречий современной жизни общества. Это не может не вести к самым серьезным отрицательным последствиям как в теории, так и на практике.

Поэтому хотя мы за построение бесклассового общества, а скорее, именно потому, что мы за построение бесклассового общества, мы отвергаем проповедь бесклассовости надклассовости как чрезвычайно мешающую делу коммунистического строительства, а неклассовый подход к анализу общественных явлений в условиях, когда классы еще остаются, осуждаем как мелкобуржуазный и ревизионистский. Хотя мы за отмирание государства и наше марксистско-ленинское учение выдвигает цель уничтожения всякого насилия над людьми, мы в интересах отмирания государства, в интересах приближения этого момента выступаем за укрепление социалистического государства, полное использование его возможностей как аппарата для неуклонного проведения общественных интересов, так как это одна из решающих гарантий того, что процесс отмирания государства будет действительно происходить.

Точно так же мы за развитие экономических функций социалистического государства, но ни в коей мере не за счет ослабления его политических функций. Напротив, мы за то, чтобы каждое экономическое мероприятие было проникнуто политическим, классовым содержанием и чтобы деятельность государства как экономического центра решала задачу «теснее объединить сотни тысяч коллективов, десятки миллионов

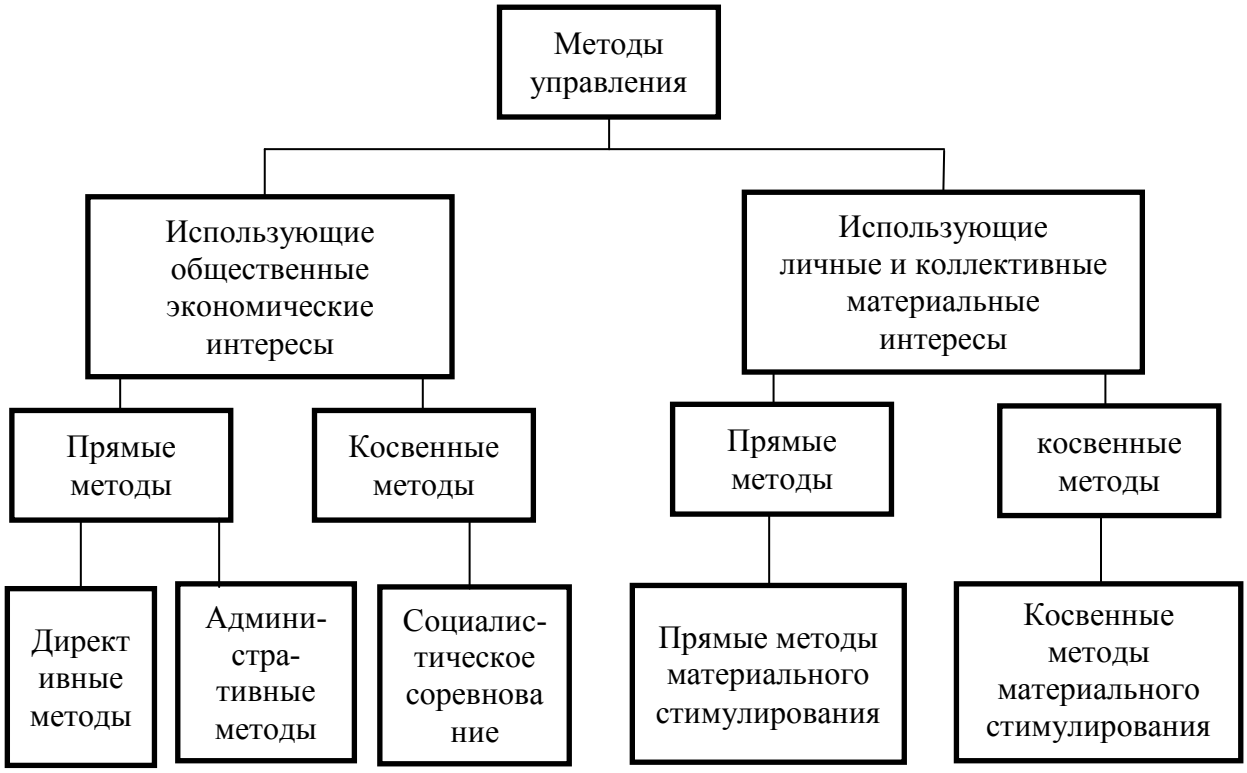
трудящихся вокруг главных целей партийной политики»[1].

Как же выглядит система государственного планового управления социалистической экономикой?

Основу этой системы составляет государственный народнохозяйственный план. Он развивается директивами, направленными на выполнение плана. Директивы, как входящие, так и не входящие в план, дополняются административными распоряжениями и указаниями, призванными обеспечить выполнение директив. В сфере оперативно-хозяйственной самостоятельности действия трудящихся направляются в общественных интересах с помощью социалистического соревнования и методов материального стимулирования.

Выше мы указывали на то, что экономическими методами являются методы, внутренне присущие экономическим отношениям управления этого строя. Система экономических методов управления представлена на схеме (см. рис.).

Рису нок 1 Система экономических методов управления при социализме



[1] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 65.

Директивные и административные методы состоят в том, чтобы на основе изучения хода экономических процессов, и, в частности, хода выполнения планов, сформировать и довести до исполнителей необходимые для успешной реализации общественных интересов управляющие команды, проверить их выполнение и в случае невыполнения по вине исполнителей принять меры государственного принуждения. Директивные и административные методы по форме тождественны и отличаются лишь по значимости управляющих команд: директивы определяют задачи, общее направление и общий ход процесса, а административные указания, распоряжения детализируют директивы и направлены на их выполнение.

Директивы и административные распоряжения, подкрепляемые авторитетом власти, когда они экономически обоснованы, представляют собой наиболее прямое и непосредственное выражение общественных интересов.

Социалистическое соревнование как метод управления не предполагает прямых указаний центра. Оно основано на том, что осознание общности интересов рождает состязание в лучшем удовлетворении этих интересов, и это есть косвенный метод управления, использующий общественные интересы.

Если задание дается в прямой форме, но предполагает только материальную ответственность, мы имеем дело с прямым методом материального стимулирования. Косвенные методы материального стимулирования, как и социалистическое соревнование, не предполагают прямых заданий и лишь ориентируют деятельность коллективов в направлении, определенном общественными интересами.

Систему планового управления социалистической экономикой нельзя рассматривать как конгломерат, механическое соединение различных, органически не взаимосвязанных приемов и методов регулирования экономических процессов. Напротив, это есть система диалектически взаимообусловленных и, таким образом, органически взаимосвязанных элементов (мер, приемов, методов) сознательного, целенаправленного управления экономическими процессами в общественных интересах на основе использования в хозяйственной практике объективных экономических законов

социализма.

Эта система построена на принципе разделения и спецификации функций, выполняемых каждым ее составным элементом в ходе планового регулирования развития всего народного хозяйства. В ней директивные, административные методы, равно как и методы материального стимулирования, выполняют свои специфические функции. Поэтому выступления против тех или иных методов управления всегда следует рассматривать не изолированно, а обязательно с учетом последствий, с учетом того, как будет функционировать в случае утраты или недостаточного использования каких-либо методов вся система управления в целом и будет ли она вообще функционировать как социалистическая.

Несмотря на кажущуюся абстрактность, спор о методах управления, развернувшийся в экономической литературе, имеет не только теоретический аспект. Поэтому к данному вопросу необходимо подходить со всей ответственностью.

Подчеркнем, что правильное понимание соотношения методов управления неразрывно связано с выяснением роли плана в социалистической экономике и системы его показателей, места хозяйственного расчета. Нельзя ожидать правильного понимания системы методов управления от тех, кто объективно выступает против планового централизованного управления экономикой, кто, по существу, ставит под вопрос само существование планирования при социализме. Форма выражения может быть при этом самой различной, и мы видели, что некоторые авторы по форме рассуждают как люди, признающие необходимость планирования, но не признающие всего лишь тех или иных форм этого планирования. Так появляются выступления против натуральных и полунатуральных показателей, индивидуальных плановых заданий, напряженности и обязательности планов, попытки представить план не выражением в директивной форме общественных интересов, а всего лишь регистратором складывающихся хозяйственных ситуаций. «Можно сказать, – пишет, например, Е. Г. Либерман, – что план – это проекция на сетку времени всех действующих договоров (нарядов), срок

исполнения которых приходится на данный год или квартал»[1].

Эти выступления не могут не привести к выступлениям против тех методов, которые тесно связаны с директивным планированием и обеспечивают неуклонное выполнение планов – против директивных и административных методов. И наоборот, выступления против директивных и административных методов равносильны выступлениям против директивного планирования и централизованного управления.

У некоторых авторов распространенным стало противопоставление центральных для социалистической экономики и тесно связанных с директивным планированием директивных и административных методов методам материального стимулирования.

Первые объявляются неэкономическими не только по названию, но и по существу. Последние изображаются только в розовом свете. Вот характерное высказывание Я. А. Кронрода: «Административное руководство не считается с наличием противоречий между общественными и коллективными, коллективными и личными интересами, обязывает предприятие вопреки его интересам заниматься деятельностью, нужной обществу, а работника – деятельностью, необходимой предприятию, безотносительно к тому, насколько это соответствует его личным интересам. Во многих случаях эти задания или совсем не выполняются, или их реализация дает очень мало эффекта, ибо вместо экономического побуждения действуют только административные рычаги» [2]. Этим высказыванием, по существу, отвергается приоритет общественных интересов над коллективными и личными.

Казалось бы, ясно, что каждый метод хорош в своей области и не годится в других, что методы – это только инструменты в руках хозяйственных органов. Будут ли они использоваться в соответствии с требованиями экономических законов или вопреки им, зависит не от методов, а от хозяйственных органов и тех рекомендаций, которые дает им экономическая наука. Я. А.

---

[1] Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства, с. 77.

[2] Кронрод Я. А. Закон стоимости..., с. 47.

Кронрод отвергает эту простую истину. Умалчивая о том, что в основе директивных и административных методов лежат самые существенные, коренные экономические интересы трудящихся – общественные, он пишет: «Именно потому, что административное руководство опирается на авторитет власти, непосредственно не базируется на экономических интересах и стимулах деятельности трудящихся и их коллективов, именно потому, что оно представляет собой руководство, посредством которого осуществляется внеэкономическое принуждение, оно заключает в себе широкие возможности волюнтаристского отхода от реальных экономических условий, нарушений требований экономических законов и т. п.», а вот «экономическое руководство по самому своему содержанию не может непосредственно не считаться с требованиями объективных экономических законов, с объективными интересами социалистического общества»[1].

Налицо искажение директивного планового руководства, экономической действительности, основанное на отрицании «трактовки государственных хозяйственных функций в качестве базисных»[2].

Необходимо подчеркнуть, что как директивные и административные методы, так и методы материального стимулирования, будучи неотъемлемыми элементами социалистических производственных отношений, являются экономическими методами управления. Что же касается их формы, то она является административно-правовой как у одних, так и у других. Государственный характер управления делает административными все используемые государством методы управления.

Нельзя не согласиться поэтому с тем, что «противопоставление экономического содержания методов управления их административному, правовому (волевому) началу есть по сути дела противопоставление формы содержанию... Для изучения названного явления необходим принципиально иной путь анализа, при котором форма рассматривается как конкретный

---

[1] Кронрод Я. А. Закон стоимости..., с. 45.

[2] Кронрод Я. Социалистическое государство и экономика, с. 20.

способ существования содержания»[1].

Термин «административные методы» получил столь широкое распространение не без стараний противников методов директивных. Если и в тех случаях, когда речь идет о директивных методах, употреблять слово «административные», как это делает Я. А. Кронрод, то можно не заметить различия между административными методами и администрированием и свое справедливое отрицательное отношение к администрированию отнести не только к административным, но и к директивным методам.

Если Я. А. Кронрод опирается на бессознательное смешение административного управления с администрированием, то экономист Л. А. Леонтьев идет значительно дальше, отождествляя их. Он пишет: «Крупное машинное производство вообще немыслимо без администрирования, обеспечивающего слаженность всего государственного процесса» [2]. Может показаться, что Л. А. Леонтьев – не противник директивных и административных методов. Но это не так. «Иной раз дело представляется таким образом, будто административные методы руководства хозяйством и являются самыми подлинными экономическими методами» [3]. Следовательно, по словам Л. А. Леонтьева, директивные и административные методы управления не являются экономическими методами управления.

Отрицание экономического характера директивных и административных методов позволяет Л. А. Леонтьеву вместе с В. Д. Белкиным и В. В. Ивантером, которых он цитирует положительно, изображать экономическую реформу как акт замены этих методов методами материального стимулирования. Вот как он об этом пишет:

«Управляющие сигналы (выражаясь языком кибернетики) административного характера в преобладающей части индивидуализированы, направлены каждому отдельному предприятию [причем детальная регламентация, переходящая в

---

[1] Макаров С. П. Централизованное управление производством в условиях реформы. М., «Мысль», 1972, с. 189.

[2] Леонтьев Л. А. Экономические проблемы развитого социализма. М., «Наука», 1972, с. 131.

[3] Там же, с. 132.

мелочную опеку, не оставляет места для должного развития творческой инициативы]. Между тем экономические сигналы относятся к совокупности предприятий, к отрасли в целом или даже ко всему народному хозяйству, имея задачей направить деятельность предприятия в должное русло, не сковывая его инициативы.

„Изменение методов руководства означает, что административные указания – что произвести, в какие сроки... заменяются инструментами экономического управления: ценами, ставками платы за производственные фонды, рентными платежами, процентами за кредит, финансовыми льготами и санкциями (штрафы, пени, неустойки) ”»[1].

Мы поставили здесь в квадратные скобки слова, которые создают впечатление, только лишь впечатление, не более, что индивидуализированные, направленные каждому конкретному предприятию задания не оставляют места для должного развития творческой инициативы.

«Экономическое управление, – пишет Л. А. Леонтьев, – предполагает наличие и использование целого арсенала инструментов, которые только в комплексе обеспечивают рациональное, плановое ведение хозяйства. Экономическим методам управления присущ глобальный характер, что, однако, не только не означает игнорирования особенностей отдельных предприятий и отраслей, но, наоборот, обеспечивает оптимальные для каждого предприятия условия работы. Речь идет, таким образом, о целостной системе экономических рычагов, в которой...»[2] и т. д. Поскольку директивные и административные методы автор к числу экономических методов не относит, постольку в «целом арсенале инструментов» Л. А. Леонтьева, которые только в комплексе «обеспечивают» рациональное, плановое ведение хозяйства, нет ни директивных, ни административных методов, а речь идет лишь о «системе экономических рычагов». План поэтому не признается директивой, не имеет обязательной силы, а потому не есть план, а только называется им.

---

[1] Леонтьев Л. А. Экономические проблемы развитого социализма, с. 133.

[2] Там же.

Глобальность, «макроэкономичность» методов управления и в самом деле не игнорирует особенностей отдельных предприятий, жаль только, что при отсутствии директивных и административных заданий она позволяет некоторым нерадивым руководителям предприятий игнорировать общественные интересы. Что же касается целостности, то система экономических рычагов сама по себе может быть целостной лишь в системе буржуазного регулирования экономики или в «рыночном социализме» как переходном к капитализму типе хозяйства. Целостная же система социалистического управления ядром своим имеет директивное планирование и управление, и экономические рычаги ориентированы на выполнение директив, как входящих, так и не входящих в план. С исключением директивных и административных методов из этой системы она теряет всякую целостность, как система социалистического управления она рассыпается и приобретает целостность иного рода – целостность системы регулирования стихийных процессов в экономике кооперативного «социализма», который есть лишь подготовительная ступень к реставрации капитализма.

Попытки представить директивное управление неэкономическим не только по названию, но и по существу глубоко несостоятельны. План есть комплекс директив, поэтому эти попытки равносильны отрицанию экономического значения плана. Экономическими, выходит, не признаются такие методы, которые присущи только социалистической экономике. А поскольку директивные и административные методы определяют всю систему социалистических производственных отношений в целом, постольку отвергается социализм как экономический строй.

К вопросу о том, какие методы считать экономическими, а какие – нет, следует подходить со всей ответственностью. Здесь, как мы выше уже указывали, прежде всего требуется историческая точка зрения. **Экономическими методами для данной системы отношений являются такие, которые ей внутренне присущи, составляют неотъемлемые элементы базисных отношений управления.**

С этих позиций директивные и административные методы

являются при капитализме экономическими лишь в пределах капиталистического предприятия, капиталистической монополии и неэкономическими для народного хозяйства в целом. При социализме, когда план охватывает всю экономику и содержанием этих методов становятся интересы непосредственных производителей материальных благ, они являются важнейшими экономическими методами управления.

Что касается экономических реформ, то уже в самом слове «реформа» содержится указание на то, что она не предполагает коренных изменений в системе социалистического управления и лишь, в известной мере модифицирует ее,

Возникает вопрос, что заставило некоторых экономистов отказаться от много лет с успехом употребляющегося термина «методы материального стимулирования» и принять для обозначения этих методов вносящий путаницу термин «экономические методы»? Большинство поддалось стихийному увлечению и не заметило такой подмены. Что же касается чехословацких ревизионистов, то они такую подмену совершили вполне сознательно. Поскольку план есть комплекс взаимоувязанных директив, постольку лучшим способом низвести его до уровня необязательных рекомендаций и порвать тем самым с принципом демократического централизма является изображение директивных и административных методов как неэкономических не только по названию, но и по существу, с тем чтобы широковещательные требования отказаться от неэкономических методов управления ударяли по директивным и административным методам. Этот прием был использован ревизионистами, чтобы устранить те экономические методы, которые составляют существо социалистического управления.

Еще встречаются и среди советских экономистов попытки представить осуществление экономической реформы как отказ от директивных и административных методов управления или от их преобладания. Например, Р. Н. Евстигнеев делает заявление, идущее вразрез с объективной тенденцией развития социалистического хозяйства. Нисколько не считаясь с тем, что историческое развитие идет от товарности к нетоварности и от стихийности к сознательному управлению экономикой, он

утверждает: «Преобладание административных связей по сравнению с экономическими не обеспечивало подлинной целостности хозяйств и свидетельствовало о недостаточной еще развитости внутреннего хозяйственного механизма социалистических стран»[1].

Преобладание директивных и административных методов в управлении социалистической экономикой вопреки этому заявлению не только не исчезает по мере развития, но имеет ярко выраженную тенденцию к усилению. А следуя Р. Н. Евстигнееву, мы должны были бы заключить, что высшая фаза коммунизма, с установлением которой окончательно отомрут методы материального стимулирования, будет иметь совершенно «неразвитый внутренний хозяйственный механизм».

Осуществляя хозяйственную реформу, партия выдвинула формулу: переход на новые условия планирования и материального стимулирования. Эта четкая и ясная формула, видимо, не устраивает авторов, противопоставляющих одни методы планового руководства другим как якобы неэкономические экономическим. Это ими придумана иная формула реформы: переход к экономическим методам хозяйствования, будто до реформы использовались неэкономические методы хозяйствования. Задача реформы заключались в том, чтобы внести такие изменения в условия планирования и материального стимулирования, которые позволяют учесть новые возможности, созданные развитием производительных сил, и приспособить систему управления к современным масштабам производства. Речь идет о том, чтобы, расширив инициативу трудящихся, во главу угла поставить вопросы интенсификации и повышения эффективности производства и сосредоточить на их решении весь арсенал экономических методов управления социалистической экономикой, и в первую очередь методов директивного планового управления как решающих экономических методов управления экономикой при социализме, методов реализации принципа демократического централизма.

---

[1] Евстигнеев Р. Н. Новые тенденции в управлении экономикой (Из опыта европейских стран СЭВ). М., «Мысль», 1972, с. 86.

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЦЕНТРАЛИЗМА – ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

Два подхода к решению проблем управления в экономической литературе. Истоки ошибочных концепций и формы их проявления. Очищение экономической теории от ошибочных взглядов – необходимое условии ее развития как основы сознательного управления общественными процессами, укрепления социалистических производственных отношений и повышения руководящей роли Коммунистической партии. Создание теоретических основ дальнейшего совершенствования государственного централизованного управления развитием народного хозяйства – важнейшая задача экономической науки. Развитие демократического централизма – магистральное направление совершенствования управления экономикой

Социалистическое воспроизводство может существовать как социалистическое и развиваться в соответствии со своей имманентной целью лишь при условии существования центра, осуществляющего научное предвидение, планирование, контроль за ходом воспроизводства, использующего рассмотренные выше средства управления, чтобы превратить все народное хозяйство в единый механизм и направить его к цели социалистического воспроизводства. На социалистической стадии коммунистической формации этим центром может быть только государство как орган господствующего класса.

Одной из важнейших функций социалистического государства является планомерное приведение производственных отношений в соответствие с производительными силами, и прежде всего совершенствование системы отношений управления.

В основе той политики, которую проводит Коммунистическая партия в области совершенствования отношений управления

экономикой, лежит научное понимание социализма, данное в работах Маркса, Энгельса и Ленина. Эта политика опирается также на обобщение практического опыта управления экономикой и теоретических положений, развиваемых в лучших работах советских экономистов. Ясна поэтому задача, которая стоит перед советской экономической наукой, перед всеми советскими экономистами: выделить главное направление совершенствования управления экономикой и сосредоточить на нем основные усилия, вести исследования широким фронтом, разрабатывать проблемы управления комплексно, используя все возможности управления, предоставленные социалистическим общественным строем, раскрывая все преимущества социализма.

Экономическая наука призвана показывать место, роль и возможности каждого из средств управления в системе управления социалистической экономикой, их соподчиненность, их связь с экономическим строем и интересами трудящихся, перспективы развития каждого из методов управления. Требуется создать научные основы для того, чтобы централизованное управление поднялось на новый уровень, соответствующий современному этапу развития экономики и науки. Такую задачу ставит перед экономической наукой Коммунистическая партия.

От решения поставленной задачи зависят успехи коммунистического строительства и экономического соревнования с капитализмом. Ее решение закрывает в то же время лазейки ревизионизму, поскольку одна из причин оживления ревизионизма «связана или с отставанием теории от практики, или с недооценкой принципиальной борьбы с идейными противниками в той или иной марксистско-ленинской партии»[1].

Успех в решении задачи совершенствования управления зависит от тех позиций, с которых основная масса ученых-экономистов будет подходить к исследованию проблем управления. В последнее время становится все яснее, что единственно правильным подходом к решению проблем управления при социализме может быть лишь подход, основанный на признании непосредственно общественного

---

[1] Трапезников С. П. На крутых поворотах истории, с. 134.

характера производства при социализме и учитывающий господствующие тенденции к росту общественного характера производства и сближению экономических интересов.

Подавляющая масса экономистов хорошо понимает, что укрепление и развитие планового централизованного управления, сочетающегося с поддержкой и развитием инициативы масс, – столбовая дорога в развитии отношений общественной собственности и использовании преимуществ социализма и что поэтому поиск необходимо вести на путях совершенствования и развития централизма. Только на этом направлении следует ожидать действительных достижений и открытий, успехов и важных практических результатов, и именно на этом пути следует сосредоточить, следовательно, внимание научных сил.

К сожалению, в экономической литературе встречается и иной подход к решению проблем управления. Сторонники этого подхода предложили вниманию массового читателя работы, объективное направление которых, хотят того их авторы или не хотят, не способствует совершенствованию централизованного управления, укреплению и развитию демократического централизма. Сужение централизма и ослабление директивного характера планирования и управления выдвигается в качестве условий или даже средства решения проблем управления социалистической экономикой и восхваляется все, что способствует рыночной стихии.

Итак, вот они, два подхода: один основан на марксистском анализе реальных тенденций производства ко все большему обобществлению. Другой не считается с этими тенденциями и все надежды связывает с децентрализацией и рыночным регулированием.

Для первого социализм и централизация неразделимы, пролетарский централизм есть душа социалистической экономики. Для второго характерно изображение централизма как внешнего, чуждого экономике явления, в лучшем случае допустимого лишь в особых обстоятельствах и в особые исторические периоды. Первый – научен, второй – ненаучен, вульгарен и реакционен.

Что централизм не есть качество, внутренне присущее

социалистической экономике, социалистическим производственным отношениям, что его присутствие может быть обусловлено только какими-либо чрезвычайными обстоятельствами, чрезвычайными политическими или экономическими условиями, – это пытались доказать чехословацкие ревизионисты. Держаться подобных взглядов значит считать развитую централизацию нехарактерной для социализма и признавать за истинный социализм только такой строй, который социализмом еще или уже не является.

Что касается системы управления 30 – 40-х годов, то, разумеется, политическая обстановка повлияла на сроки индустриализации, а это в свою очередь на отдельные элементы системы управления. Однако решающим фактором, определяющим систему управления и степень централизации, является форма собственности на средства производства. Неправильно полагать, что, будь политическая обстановка иной, советский народ отказался бы от использования всех преимуществ централизации для повышения в короткие сроки своего жизненного уровня, от создания социалистической системы управления экономикой. Такой подход не имеет с марксизмом ничего общего.

Марксистский подход требует твердого усвоения той истины, что законы социализма есть законы сознательно, централизованно управляемой экономики, что в экономике другого типа они не действуют. Он непримиримо враждебен подходу, основанному на представлении о том, что может существовать социалистическая экономика, которая управляется законами рынка.

Два подхода должны быть намечены со всей ясностью и определенностью, но в литературе они не всегда проявляются так ярко, как у Б. В. Ракитского, который пишет: «Но и сейчас еще иногда некоторые наши недостатки объясняются тем, что мы не даем рынку полного (!) простора»[1], и который прямо заявлял: «Если мы признаем социалистическое товарное производство, неизбежно надо признать и объективную необходимость конкуренции между социалистическими производителями»[2].

---

[1] Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 148.

[2] «Комсомольская правда», 1966, 19 октября.

Нередко эти два подхода смешиваются, причудливо соединяются, и часто бывает нелегко определить, какой же подход для автора является главным, характерным, а какой присутствует лишь как чуждый ему, всецело инородный для него элемент. Тем более должны мы отдавать себе отчет в том, что лишь первый подход не уводит нас с марксистской почвы, второй же неминуемо направляет в болото ревизионизма.

В настоящее время в европейских социалистических странах накоплен уже достаточно большой опыт, чтобы с практической стороны оценить предложения, выдвигаемые сторонниками сужения рамок централизованного управления и усиления децентрализации в управлении экономическими процессами. Самым свежим является опыт осуществления экономических реформ, на который как на пример частенько ссылались сторонники второго подхода к решению проблем управления. Рассмотрим этот опыт.

В ЧССР «в 1965 г. до предприятий доводились задания по 1120 видам продукции, в 1966 г. – по 67 видам, в 1967 г. – по 12 видам, а в 1968 г. – только некоторые поставки для внешней торговли и для нужд обороны»[1]. Совершенно очевидно, что объективно допустимая мера сужения централизации в ЧССР была превзойдена. Как известно, это практически привело к развалу экономики к концу 1968 г.

Превышение объективно допустимой меры сужения централизации в управлении экономикой вызвало в экономике стран СЭВ весьма ярко выраженные отрицательные явления. В 1969 – 1970 гг. возросла напряженность материальных балансов. Это заставило вновь расширить по сравнению с первоначально установленными в ходе реформ пределами сферу прямого распределения средств производства, усилить контроль над ценами, заработной платой, использованием средств на капитальные вложения, снова ввести годовые финансовые нормативы, регулирующие отношения предприятий с госбюджетом.

В ГДР, например, была вновь ограничена область применения

---

[1] Евстигнеев Р. Н. Новые тенденции в управлении экономикой, с. 13. Другие данные, приводимые здесь, взяты из этой же книги.

оптовой торговли, а число материальных балансов, разрабатываемых в центре, увеличилось с 500 в 1969 – 1970 гг. до 835 в 1971 г. Возросло число директивных показателей. В ключевых отраслях промышленности в 1971 г. действовали уже 22 директивных показателя. «Для всех хозяйственных единиц вновь введены месячные планы, ставшие главным инструментом контроля со стороны государства»[1].

В ЧССР в 1972 г. разрабатывалось уже свыше 100 материальных балансов.

В Болгарии ослабление централизованного контроля за движением заработной платы вело к ее опережающему росту по сравнению с ростом товарооборота и товарных запасов. С целью приостановки нежелательных явлений уже в конце 1967 г. был принят ряд важных мер. Возросло по сравнению с первоначально установленным число директивных показателей и долгосрочных нормативов.

В Венгрии экономический механизм, образованный в начале реформы, характеризовался чрезвычайным ослаблением прямого централизованного управления. Народнохозяйственный план перестал в принципе расписываться по предприятиям. Централизованно цены устанавливались лишь на очень узкий круг продуктов. Государственное плановое руководство в значительной мере удерживалось теми обязательствами по СЭВ, которые в широких масштабах пронизывают экономику ВНР. В первые годы реформы наблюдалось сокращение темпов роста производительности труда. Прирост производительности труда в промышленности в 1968 – 1969 гг. составлял около 2% (по сравнению, например, с 6% в 1967 г.). Регулирование заработной платы с начала 1970 г. несколько улучшило положение. Но на пятилетие 1971 – 1975 гг. запланирован прирост национального дохода лишь на 32% против 39% в 1965 – 1970 гг.

Таковы лишь некоторые факты. Они свидетельствуют, что точка зрения на решение проблем управления, сводящаяся к пропаганде сужения централизации и переходу на рельсы рыночной экономики, несостоятельна прежде всего практически.

---

[1] Евстигнеев Р. Н. Новые тенденции в управлении экономикой, с. 123.

Тем важнее вскрыть ее теоретическую несостоятельность, показать, в чем порочность посылки о товарном характере социалистического производства, на которой она базируется.

К. Маркс, исследуя тенденции развития производительных сил, доказал, что производство еще при капитализме приобретает общественный характер, но, скованное капиталистическими производственными отношениями, оно не находит себе признания как общественное производство. Только социализм как строй, характеризующийся прежде всего **непосредственно** общественным характером труда и производства, обеспечивает господствующей тенденции к росту общественного характера производства возможность действительно свободного, действительно бурного развития. **Непосредственно общественный характер труда и производства – главная, доминирующая, конституирующая черта социалистических производственных отношений.** Маркс писал: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов... индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда»[1].

На нетоварный характер социалистического производства указывал В. И. Ленин. Еще в дооктябрьский период он подчеркивал, что «для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих»[2]. Об этом же писал Ленин и в период строительства социализма: «Государственный продукт – продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром»[3]. Говоря о сущности социализма, Ленин писал:

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18.

[2] Ленин В. И. Поли. собр. соч.. т. 1, с. 253.

[3] Там же, т. 43, с. 276.

«Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства... Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить»[1]. Слово «обмен» неприменимо к тем случаям, когда встречное движение материальных благ происходит в рамках одной и той же собственности по заранее составленному плану и согласно воле собственника, когда предприятия, передавая друг другу продукты, являются лишь конкретными исполнителями этой воли. А раз неприменимо слово «обмен», то в точном смысле неприменимо и слово «товар». Маркс писал: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами»[2]. Это же, видимо, имел в виду Энгельс, говоря: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями»[3].

Товарное производство – это «производство *обособленных* производителей, связанных между собою *рынком*»[4], в то же время социалистическое производство – это производство ассоциированных производителей, связанных между собой планом. Обособленность социалистических предприятий всецело относительна, их единство – абсолютно. Социалистическое предприятие вовсе не является «изолированным, обособленным производителем»[5], который хозяйничает «отдельно и независимо от других, на свой лично риск и страх»[6]. Напротив, все социалистические предприятия, вместе взятые, образуют, по выражению Ленина, «единую фабрику», а разделение труда между ними как раз потому и не ведет к их обособленности, что социализм не является типом товарного хозяйства. В. И. Ленин указывал специально, что разделение труда в обществе ведет к обособлению производителей только в обстановке товарного

---

[1] Там же, т. 17, с. 127.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 94.
[3] Там же, т. 20, с. 294.
[4] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 425.
[5] Там же, с. 451.
[6] Там же, с. 120.

хозяйства[1].

Итак, согласно марксистскому пониманию, социалистическое производство является непосредственно общественным по своему характеру. Это наиболее общая, сущностная характеристика социалистического производства, его важнейшая черта. На признании этой истины базировалась вся практика строительства социализма, в том числе и использование товарно-денежных отношений. На развитии этой фундаментальной характеристики социалистической экономики основывается вся практика коммунистического строительства, и в частности совершенствование системы управления экономикой. Развитие централизации в управлении экономикой – прямое порождение и выражение непосредственно общественного характера производства и господствующей тенденции к дальнейшему росту его общественного характера. Использование товарно-денежных отношений, а также товарно-денежных и стоимостных форм не меняет и не может поменять этой главной, определяющей характеристики социализма.

Социалистическое производство кажется, представляется, выглядит товарным, имеет вид товарного производства в силу широкого использования товарно-денежных и стоимостных форм. К сожалению, это очень часто приводит к недоразумениям. Видимость принимается за существо социалистической экономики, и за являющимися формами не усматривают нетоварных основ социализма. Но ведь в том и отличие науки от обыденных представлений, что она не ограничивается поверхностью экономических явлений, а проникает вглубь и исследует их сущность. Совершенно справедливо подчеркивается, что «когда речь идет о **характере** производства, то это означает, что речь идет о конститутивном признаке общественной формы производства. Если производство при социализме является товарным по своему характеру, то отсюда следует, что определяющие его природу коренные экономические отношения являются, по существу, товарными. Тезис о товарном характере социалистического производства противостоит тезису

[1] См. там же, т. 3, с. 621.

о его непосредственно общественном характере... условием функционирования социалистического производства является господство непосредственно общественной формы производства, предполагающее нетоварную по своему существу форму распределения общественного труда между сферами производства и соединения рабочей силы со средствами производства» [1]. И вот этого-то центрального пункта марксистского понимания социализма и не приемлют сторонники рыночного регулирования.

Чехословацкие ревизионисты в основу своей концепции рыночного регулирования положили тезис о товарном характере социалистического производства. Представление о социалистическом производстве как о типе, разновидности товарного производства является теоретической основой и других ошибочных, рыночных концепций управления экономикой при социализме [2]. Такое представление рождает призывы дать простор действию закона стоимости, отвести плану лишь роль регистратора и исполнителя требований этого закона или превратить план в собрание предсказаний стихийного развития производства под регулирующим воздействием закона стоимости. Отсюда вытекает стремление к максимальной децентрализации, поскольку провозглашение социализма типом товарного производства требует провозглашения централизма чуждым этой экономике явлением, а директивного управления – грубым вмешательством в экономическую жизнь, произволом и т. п. Относительная экономическая обособленность предприятий абсолютизируется и гипертрофируется, откуда уже рукой подать до изображения экономики социализма в виде экономики атомарного типа, в которой отдельные предприятия, действующие по законам товарного производства, ведут свое самостоятельное хозяйство, действуют на свой страх и риск, составляя планы в первую очередь для своих собственных нужд.

Опасность приписывания социализму товарного характера состоит в том, что такое его понимание в больших или меньших

---

[1] Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства. М., Изд-во МГУ, 1961, с. 13–14.

[2] См.: Еремин А. О концепции «рыночного социализма». — «Экономические науки», 1969, № И.

масштабах неизбежно порождает ревизионистские искажения социализма, и прежде всего искажение социалистической системы управления. Эти искажения – лишь развитие тезиса о том, что социализм есть тип, разновидность товарного производства. Как прежде народники, современные ревизионисты «хотят товарного хозяйства без капитализма»[1] или делают вид, что хотят.

Ревизионистские выводы появляются, конечно, с социалистическими ярлычками и подаются на социалистическом блюдце с марксистской приправой. Но это сути дела не меняет. Ревизионизм тем и отличается от откровенно буржуазных выступлений против марксизма-ленинизма, что все свои положения выдает за творческое развитие марксистской теории. Вот, например, как использовал социалистическую фразеологию главный теоретик «рыночного социализма». Он писал, что некоторые пропагандисты, дескать, истолковывая в желаемом духе его взгляды как отход от социалистической экономики, как отказ от социалистического планирования и возврат к капиталистическим товарным отношениям, даже как постепенный переход к капиталистическому предпринимательству, игнорируют тот факт, что он говорит о социалистических товарно-денежных отношениях, о социалистическом рынке и социалистических предприятиях, и что в этом, дескать, фундаментальное различие между его системой и капиталистической. Но практика показала цену этих звучащих внешне по-социалистически фраз. К чему привел отказ от централизованного управления производством и переход к регулированию производства при помощи рекомендованного О. Шиком «социалистического рынка» хорошо известно. Печальные последствия применения этого рецепта нашим чехословацким друзьям пришлось исправлять не один год.

Для борьбы с ревизионизмом следует иметь в виду, что ревизионисты всегда паразитируют на реальных проблемах. Причем по поводу самых современных вопросов они умудряются повторять самые обветшалые догмы буржуазной науки, лишь

---

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 246.

слегка переиначивая их на коммунистический лад. Поэтому сложных задач для них не существует. Как только перед социалистической экономикой встают новые проблемы, они с быстротой, присущей людям, имеющим готовые решения на все случаи жизни, вытаскивают бережно хранимый ими старый, засаленный рецепт стихийного рыночного механизма и предлагают его в качестве простого и универсального средства. Соблазниться «простотой рыночного механизма» – значит отказаться не только от решения возникших проблем, но вместе с имманентными социализму формами управления от всех его преимуществ и от самого социализма. Совершенствовать управление при социализме можно лишь на пути совершенствования присущих плановому хозяйству методов и форм, прежде всего на пути совершенствования централизованного планового управления, на пути укрепления и развития демократического централизма.

Правильное понимание сути социализма необходимо не только с чисто теоретической стороны. Социализм – строй, сознательно управляемый. Политическая экономия лежит в основе экономической политики социалистического государства и является теоретическим оружием правящей Коммунистической партии. Всякая серьезная ошибка поэтому грозит нежелательными последствиями для экономики как основы общества и, следовательно, для социалистического общества в целом. Если громко кричать об обособленности интересов и на этом основании разобщить предприятия, то появится и разобщенность интересов, о которой кричали. Если начать с уничтожения приоритета общественных интересов в теории, то может оказаться, что через определенное время этот приоритет будет уничтожен и на практике. Если внедрять в сознание людей представление о товарном характере социалистического производства, то при последовательном развитии и применении этой концепции оно может и в самом деле потерять свой непосредственно общественный и, следовательно, социалистический характер.

К сожалению, есть у нас экономисты, которые пропагандируют направления изменений в системе управления, «логически

вытекающие из признания товарной природы социалистического производства». Г. Лисичкин отстаивает даже «частный характер труда при социализме» [1] и с этих позиций оценивает социалистический строй. Неудивительно, что он порывает с основным экономическим законом социализма, заявляя, что «использование в социальном планировании критерия полноты условий для всестороннего развития может нанести серьезный ущерб»[2].

Представление о том, что социалистическое производство является новой, третьей формой товарного производства вслед за простым товарным и капиталистическим производством, было в свое время подвергнуто обстоятельной критике и практически потеряло своих сторонников. Дискуссии по этому вопросу развернулись вновь в связи с осуществлением экономической реформы, поскольку ряд авторов пытался истолковать реформу как принятие на вооружение концепции о товарном характере социалистического производства и на этой основе стал конструировать предложения об изменении характера управления социалистической экономикой. При этом единственно правильное понимание реформы как реформы, то есть как изменения частичного, изменения по форме, а не как принципиального изменения механизма функционирования социалистического хозяйства, рядом авторов было отвергнуто.

Б. В. Ракитский, например, писал: «В ходе хозяйственной реформы все более отчетливым становится размежевание между поборниками серьезных, последовательных перемен в механизме функционирования нашего хозяйства и сторонниками чисто внешних, частичных изменений, не затрагивающих по существу дореформенной системы хозяйственного руководства» [3]. Надо полагать, себя Б. В. Ракитский относит к поборникам серьезных, последовательных перемен, а не к сторонникам частичных изменений, на которые он намекает как на несерьезные и непоследовательные и отождествляет их с чисто внешними. А роль поборника дает ему полное право упрекать всех, кто

---

[1] Лисичкин Г. Что человеку надо? С. 168, 176.

[2] Там же, с. 22.

[3] Ракитский Б. В. Формы хозяйственного руководства предприятиями, с. 31.

понимает, что непосредственно общественное производство есть антипод товарного. «Наш упрек, – пишет Б. В. Ракитский, – особенно относится к тем немногим из политэкономов, которые в последнее время пошли войной на теорию социалистического товарного производства. Многие современные наши «антитоварники» искренне уверены, что спасают хозяйство от опасностей рыночной стихии. Этот питаемый благими намерениями догматизм смыкается с абстракционизмом: некоторые экономисты вместо конкретного анализа проблем централизации в нашей стране рассуждают «вообще» о некоей «мировой» тенденции к централизации»[1].

Можно было бы думать, что Б. В. Ракитский даст образец конкретного анализа проблем централизации в нашей стране. Но он, к сожалению, лишь пропагандировал идею о том, что централизм не есть качество, внутренне присущее социалистической экономике, социалистическим производственным отношениям, и что его присутствие может быть обусловлено только какими-либо чрезвычайными обстоятельствами, чрезвычайными политическими или экономическими условиями.

Он пишет, например: «История нашей страны сложилась таким образом, что на протяжении примерно 25 лет (от начала индустриализации до окончания восстановления) непрерывно складывались различные чрезвычайные обстоятельства, заставлявшие из всех хозяйственных задач отбирать какую-либо самую первоочередную и неотложную и мобилизовать на ее решение максимально возможное количество ресурсов. Такого рода задачи эффективнее всего могут решаться при помощи усиленной централизации. Вот почему такая централизация и укоренилась в тот период. После многолетнего использования усиленной централизации ее сохранение приобрело по инерции силу нормы, хотя она и была вызвана когда-то чрезвычайными обстоятельствами»[2].

---

[1] Там же.

[2] Ракитский Б. В. Формы хозяйственного руководства предприятиями, с. 35, 36. См. также: Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 12—13; Деветьяров Д., Погодин Д., Ракитский Б. Время добрых перемен. М.., «Советская Россия», 1967, с. 8, 9.

Чтобы понять, что имеет в виду Б. В. Ракитский под «усиленной централизацией», надо принять во внимание следующее его высказывание: «Государство взяло на себя функцию снабжения предприятий необходимыми средствами производства, а население – предметами потребления... Цены устанавливались централизованно как твердые цены» [1]. Как видим, Б. В. Ракитский, по существу, выступает против централизации в управлении социалистическим хозяйством, поскольку она вызвана, по его мнению, внешними, привходящими обстоятельствами. Между тем тенденция к централизации объективно существует. Она вытекает из усиления общественного характера современных производительных сил. Строго говоря, централизация является выражением непосредственно общественного характера социалистического производства.

Важное методологическое значение имеет вопрос о том, как завоевывают себе сторонников ошибочные идеи. Следует всегда помнить, что эти идеи отнюдь не часто проявляют себя резко и открыто, в форме, прямо выражающей их суть. Как неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма и как еще раз показали события в ЧССР конца 60-х гг., могут быть даны какие угодно заверения и обещания и могут быть сделаны обращения к самым лучшим чувствам читателей и слушателей. Многие идеи, которые пропагандировали чехословацкие ревизионисты, были тем опаснее, что они маскировались под флагом борьбы с догматизмом. Они писали, например: «Предупреждения различных догматических теоретиков являются полностью абстрактными и уводят от реальности, когда без всякого более детального знания или более глубокого анализа развития некоторых внутренних противоречий в социалистической экономике они рассматривают любое (?) использование социалистических рыночных отношений в социалистических странах как ревизию марксизма-ленинизма и не колеблются даже утверждать, без конкретной очевидности, что это означает возврат к капитализму. Они не знают никаких других аргументов,

---

[1] Деветьяров К., Погодин Д., Ракитский Б. Время добрых перемен, с. 10—11.

кроме тех, что рыночные отношения поднимают (возрождают) позицию поиска максимальной прибыли со стороны управляющих и тенденции частной собственности, которые, они утверждают, в конце концов приведут к оживлению капитализма. Они являются полностью спекулятивными, абстрактными утверждениями, которые сохраняют и возрождают идеологические догмы, которые возникли в сталинскую эру марксистского мышления и наносят огромный вред действительному развитию социалистической экономики». Практика событий в Чехословакии конца 60-х гг. показала, что представление о социализме как о типе, разновидности товарного производства – вот та идеологическая догма, которая несет огромный вред действительному развитию социалистической экономики и ставит под вопрос само это развитие, само существование социализма.

Нельзя не обратить внимания на то, что ревизионисты особенно усердствуют, обвиняя марксистов в абстрактности. Ведь больше всего грешат абстрактностью именно ревизионисты, функция которых не созидать, а разрушать, для разрушения же вовсе не обязательно вникать в детали и вести конкретный анализ. Ревизионисты, кроме того, хорошо понимают, что революционная практика базируется на революционной теории, и стремятся подорвать прежде всего главные основы этой теории. От марксистов же они требуют, чтобы они обращали внимание только на детали. Под деталями они, по существу, понимают лишь знакомство с поверхностью экономических явлений, их видимостью, не проникая в глубинные связи, не вскрывая внутренних причинных зависимостей.

Таким образом, призыв «вникать в детали», отказаться от абстракции по своему существу означает призыв не покидать поверхности экономической жизни и отказаться от проникновения в сущность явлений, на основе чего только и возможно теоретическое обобщение, нагло шельмуемое ревизионистами «абстрактными догматическими утверждениями».

В ходе дискуссий по проблемам товарно-денежных отношений подавляющее большинство советских экономистов полностью

отвергло характеристику социализма как разновидности товарного производства. Н. А. Цаголов подчеркивает [1], что критика воззрений на социалистическое производство как форму, вид товарного производства, особенно рьяно защищаемых Я. А. Кронродом, была начата сразу же после того, как она стала пропагандироваться в печати. В 1967 г. на дискуссии по проблемам товарных отношений в Московском доме ученых острие теоретической критики концепции рыночного социализма было направлено против тезиса о социализме как разновидности товарного производства [2]. В статье Н. А. Цаголова, М. В. Солодкова, С. С. Дзарасова «Хозяйственная реформа и некоторые вопросы политической экономии социализма»[3] эта концепция о социализме как виде товарного производства была подвергнута развернутой критике.

В марте 1968 г. тезис о социализме как виде товарного производства был также подвергнут критике в статье академиков А. М. Румянцева, Т. С. Хачатурова и члена-корреспондента АН СССР А. И. Пашкова[4].

Формула о товарном характере социалистического производства подвергалась также критике в статье «О товарно-денежных отношениях в социалистической экономике», опубликованной в 1970 г. в «Правде». В этой статье говорилось в частности: «Утверждение некоторых экономистов о том, что социализм – это тип, разновидность товарного производства, логически приводит к пониманию сущности социализма не как непосредственно общественного производства, а как системы товарного хозяйства. Это далеко не безобидно как теоретически, так и в особенности практически. На этой «теоретической основе» возникают пожелания дать «простор» закону стоимости, так называемая проблема «план и рынок», утверждение, что и при социализме рабочая сила является товаром»[5].

---

[1] См.: Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства. М., Изд-во МГУ, 1971, с. 12—13.

[2] См.: «Вопросы экономики», 1967, № 7, с. 151—153.

[3] См.: «Вестник Московского университета», сер. экономики, 1968, № 1.

[4] См.: «Правда», 1968, 4 марта.

[5] «Правда», 1970, 30 октября.

Товарное производство есть производство, в котором господствующей общественной связью между производителями является обмен продуктов. Это не так и не может быть так в обществе, основанном на началах коллективизма, основанном на общем владении средствами производства. Индивидуальный труд, как правило, уже не окольным путем, не посредством обмена, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда.

Господствующей общественной связью между производителями является плановое управление, охватывающее производство, движение и распределение продуктов. Продукт производится не для обмена, а для удовлетворения потребностей трудящихся. Основная масса продуктов при социализме производится на общественных предприятиях, с помощью общественных средств производства и на общественный счет. Из процесса производства эти продукты выходят как собственность общества. Движение их от одного общественного предприятия к другому не сопровождается сменой собственников продуктов и в точном смысле слова не может быть поэтому названо обменом, ибо обмен есть взаимная и взаимообусловленная передача **принадлежащих** субъектам продуктов.

Если быть точным, нельзя называть обменом перемену мест, совершаемую продуктами по воле собственника и в рамках одной и той же собственности. Не может считаться товарным обменом в прежнем представлении и распределение среди работников государственных предприятий предметов потребления, ибо тогда придется согласиться, что, получая от общества предметы потребления как товар, работник обменивает на них как товар свою рабочую силу. В самом деле, ведь акт передачи материальных благ от общества работнику не может быть товарным обменом только с одной стороны, со стороны общества.

Что же касается движения «денежных» средств от общества работнику (в виде зарплаты) и обратно (в виде платы за получаемые предметы потребления), то оно, представляя собой форму организации распределения, опосредует передачу работнику предметов потребления, соответствующих его доле в фонде распределения по труду. Относительная величина этой

доли выражается отношением заработной платы работника к сумме цен предметов потребления, образующих фонд распределения по труду.

Товарная форма отношений между государственными предприятиями, между государством и работниками государственных предприятий есть, во-первых, следствие использования для организации учета и контроля за производством и распределением продуктов тех товарно-денежных форм, которые выработаны в рамках предшествующих социализму форм производства, во-вторых, – следствие существования товарно-денежных отношений между: а) государством и колхозами; б) государством и населением, производящим продукты в личном подсобном хозяйстве; в) между трудящимися, производящими продукты в личном подсобном хозяйстве, и другими членами общества.

Следует иметь в виду, что в СССР свыше 33 тыс. колхозов и миллионы личных подсобных хозяйств. Так что масштабы использования товарно-денежных отношений нельзя недооценивать.

В-третьих, эта товарная форма есть следствие того, что на движение материальных ценностей при социализме и вообще на производство оказывают влияние личные и коллективные материальные интересы работников, а в сфере оперативно-хозяйственной самостоятельности наблюдаются нередко явления, свойственные товарному производству. Эта товарная форма является следствием того, что социализм есть коммунистический строй, только еще выходящий из недр капитализма. Будучи более высокой ступенью исторического развития, он, с одной стороны, воспринимает те формы хозяйствования, которые развиты капитализмом, но могут быть освобождены от частного и эксплуататорского характера их использования, а с другой стороны, носит еще во многих отношениях печать того строя, отрицанием которого он является. Таким образом, при социализме есть товарное производство. Товарно-денежные отношения при социализме используются очень широко, но не они определяют существо социализма. Социализм не является типом товарного производства.

«Социалистическое производство, – пишет А. Еремин, – представляет собой первую ступень непосредственно общественной, планомерной формы общественного производства. Оно ликвидирует товарный характер общественного производства и ставит весь «материальный процесс производства» под сознательный, планомерный контроль общества» [1]. Будучи первой ступенью непосредственно общественной, планомерной формы производства, социализм уничтожает товарное хозяйство сперва только в государственном секторе, которое становится, по существу, нетоварным, затем все более преобразует в нетоварные отношения между государством и колхозами и имеет тенденцию по мере роста производства в государственном и колхозном секторах ликвидировать товарное производство в личном подсобном хозяйстве. Диалектика перехода к полному коммунизму состоит в последовательном усилении роли и значения нетоварного по сути хозяйства и преодолении остатков товарного производства при социализме.

При анализе социалистической экономики очень важно видеть, что и те товарно-денежные отношения, которые при социализме еще сохраняются (между государством и колхозами, например), находятся на нисходящей линии, на стадии своего постепенного угасания и отмирания. Что товарная форма при социализме перестала быть всеобщей и всеобъемлющей формой экономических связей. Что наряду с ней зародились и при социализме стали господствующими нетоварные формы экономических связей. Что эти нетоварные формы связей успешно развиваются, завоевывая все новые и новые сферы. Что роль и значение этих новых форм все время возрастает по мере нашего продвижения к коммунизму. Что нетоварным формам общественных связей, уже господствующим в настоящем, принадлежит будущее.

Подчеркнем, что товарно-денежные формы являются формами социалистического учета и контроля лишь при условии безраздельного господства плана. Практика событий в Чехословакии показала, что с ослаблением планового централизованного управления до такой степени, что

---

[1] Еремин А. Соотношение субъективного и объективного и проблема «автоматизма» в управлении социалистической экономикой, с. 25.

самостоятельность предприятий превращается в независимость их от общества, товарно-денежные формы наполняются чисто товарным содержанием. Отдельные, свойственные товарному производству явления становятся не отдельными, а преобладающими, движение материальных ценностей становится обменом, а обмен продуктов – господствующей связью между производителями. Производство становится товарным. Опасность принятия на вооружение концепции о товарном характере социалистического производства в том и состоит, что она, будучи реализована на практике, способна превратить прежде социалистическое, непосредственно общественное производство в товарное, в переходное от социализма к капитализму, и послужить, таким образом, в качестве орудия реставрации.

Разногласия о товарности при социализме, если они касаются лишь являющихся форм, не могут считаться принципиальными. Действительно принципиальным вопросом, кладущим водораздел между марксистской и немарксистской точками зрения на социализм, является вопрос о том, товарным или нетоварным следует признать социализм по его сути, по самому его характеру. Отказ от признания социализма нетоварным по существу, по характеру этого строя равносилен отказу от признания его обществом ассоциированных производителей и переходу на позиции ревизионистской концепции «рыночного социализма».

Концепция «рыночного социализма» служит теоретической основой выступлений против демократического централизма в управлении социалистической экономикой. Но ошибочные концепции нередко берут начало вовсе не в области теории, а, например, в области морали. Неприятие коллективизма, индивидуализм, недисциплинированность, например, будучи оформлены в виде экономической концепции, дадут восхваление безудержной децентрализации, вызовут нападки на обязательность планов, призывы к свертыванию централизованного планирования производства в натуре и сведению числа стоимостных показателей к минимуму, принижение роли директивных и административных методов и попытки изобразить их неэкономическими методами хозяйствования и т. д.

Социализм – это общественный строй, в котором все

социальные процессы развиваются, во-первых, планомерно и, во-вторых, в общественных интересах, определяемых историческими интересами рабочего класса и выражаемых его партией. Планомерно развивая производство и формируя взгляды, характеры, потребности индивидов, коммунисты добиваются, чтобы социалистическое государство наиболее полно использовало свою возможность оказывать на общественную жизнь формирующее влияние.

Такое представление о социализме, однако, мало подходит тем, кто страдает анархическим индивидуализмом. Их влечет «социализм», в котором все предоставлено стихийному ходу событий, если не исключено, то, по крайней мере, ослаблено воздействие общества на его составные части, будь то личности или производственные коллективы, и в котором нет места господству общественных интересов. И вот это анархическое представление о социализме они стремятся передать обществу, выдвигая в плане совершенствования соответствующие предложения и проекты. Чувствуя, что подобные стремления не вполне соответствуют теории и практике социализма, коллективистскому духу нашего общества, они выбирают и соответствующую форму выражения. Витиеватость фраз, двусмысленности, наукообразие – непременные ее атрибуты.

Вот как пишет о доверии личности к обществу, как рисует характер взаимосвязей личность – общество один из тех экономистов, с которыми мы спорим в данной работе: «Истинно гуманистическое общество не может и не должно «злоупотреблять» этим доверием личности и своей способностью оказывать на нее формирующее влияние. Оно должно беречь и ценить человеческую индивидуальность, создавать условия, благоприятствующие ее проявлению. Общество, в котором, с одной стороны, личность добровольно принимает существующие установки, а с другой – наивысшей ценностью выступает индивидуальность человека, его творческий потенциал, является гармоническим. Это и есть социалистическое общество»[1].

Процитированный отрывок очень важен для понимания того,

---

[1] Петраков Н. Потребление и эффективность производства. — «Новый мир», № 6, 1971, с. 197—198.

что такое социализм в определении Н. Петракова. Главный методологический порок этого определения состоит в том, что в нем нет даже указания на господство общественных интересов. Господствуют творческие индивидуальности, индивидуальность которых объявляется высшей ценностью, независимо от того, какова эта индивидуальность, присутствуют «существующие установки», созданные, надо полагать, нетворческими личностями, общество не может оказывать на личности формирующего влияния, и все это находится в полной гармонии. Ни дать ни взять – «гармонический социализм».

В реальном социализме все обстоит по-иному. Высшей ценностью являются обыкновенные люди, трудящиеся, заботящиеся об общем благе, отдающие свой труд, способности, талант общему делу; творческая индивидуальность поддерживается и поощряется, но только в том случае, если она служит народу и не ставит своей целью проявление своей индивидуальности во что бы то ни стало, даже вопреки общественным интересам, не говоря уже о тех случаях, когда она поднимает руку на важнейшие завоевания общества. Правда, в «гармоническом социализме» Н. Петракова такие случаи абсолютно исключены и все личности до единой добровольно принимают «существующие установки». Но идеал этот сродни идеалам мелкобуржуазным.

И вот результат. Н. Петраков «по сути дела исходит из «рыночной концепции», приоритета рынка как регулятора социалистической экономики, хотя ошибочность подобных взглядов убедительно доказана и в теоретических работах советских ученых и многолетней практикой социалистического хозяйствования»[1].

Есть такие авторы, которые нередко дают примеры довольно прямых и почти открытых выступлений против принципа демократического централизма и социалистической системы управления. Но чаще форма таких выступлений скрытая. Это связано иногда с тем, что авторы понимают несовместимость своих предложений и социалистической системы хозяйствования,

---

[1] Стукалин Б. Экономика, издательство, читатель.—«Правда», 1971, 10 ноября.

но гораздо чаще с тем, что такие предложения или пожелания высказываются, бессознательно и их объективный смысл вовсе не отвечает намерениям авторов.

Очищение экономической науки от неверных взглядов требует давать объективную оценку всем выступлениям против демократического централизма, в какой бы форме они ни делались, вне зависимости от личных намерений их авторов. Необходимо обратить внимание на формы, в которых находят себе выражение неверные взгляды и ошибочные положения.

Известно, что творцы ошибочных теорий, стремясь представить плод своей мысли как продукт исторического развития, нередко прибегают к искажению или даже извращению исторических фактов. Посмотрим, не пытаются ли некоторые авторы истолковать в пользу своих нынешних теоретически несостоятельных концепций историю социалистического хозяйства.

Н. Я. Петраков и Я. Г. Либерман утверждают, что система управления, предшествовавшая системе 30 – 40-х гг. (то есть действовавшая в эпоху нэпа, в период борьбы социалистического и капиталистического укладов), полнее выражала ленинские принципы социалистического хозяйствования[1]. Н. Я. Петраков, например, сказав, что в период нэпа «метод административного приказа почти повсеместно заменялся хозяйственными стимулами», что «план доводился до исполнителя в форме экономического интереса»[2], заявляет: «Ленин рассматривал нэп отнюдь не как временный комплекс мероприятий, вызванный к жизни непредвиденными обстоятельствами. Переход к нэпу – начало создания внутренне последовательной системы управления народным хозяйством»[3]. Началом создания внутренне последовательной системы управления народным хозяйством нужно считать не нэп, а декрет о рабочем контроле и учреждение ВСНХ, а нэп есть стратегическое отступление. Эта маленькая неточность позволила Н. Я. Петракову в дальнейшем

---

[1] См.: Петраков И. Я. Хозяйственная реформа..., гл. I; Либерман Я. Г. Государственный бюджет в новых условиях хозяйствования, с. 28.

[2] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа..., с. 19.

[3] Там же, с. 17.

«внутреннюю последовательность» системы управления истолковать как отказ от директивного планирования и управления. Только если раньше он говорил о внутренней последовательности, то потом повел речь о логической завершенности: «В конечном счете для общества важно, какой вклад в казну делает то или иное предприятие. Поэтому объем платежей в бюджет и должен со временем стать центральным плановым нормативом, устанавливаемым для предприятия. При правильном понимании категории «платы за пользование хозяйственными ресурсами» такое ограничение показателей, утверждаемых для предприятия плановыми органами, внесло бы, на наш взгляд, необходимую логическую завершенность в систему взаимоотношений государства и предприятий»[1].

Читателю может показаться неясным, почему выделение центрального планового норматива И. Я. Петраков связывает с ограничением показателей. Чтобы расшифровать истинный смысл процитированного отрывка, следует учесть, что «центральный плановый норматив» Н. Я. Петракова по сути своей означает не «главный плановый норматив», а единственный плановый норматив, утверждаемый центральными органами. Оставление в качестве единственного планового показателя норматива отчислений в бюджет – об этом Н. Я. Петраков здесь говорит прикрыто, чтобы в другом месте сказать прямо[2]. Такие предложения действительно вносят «необходимую логическую завершенность» в концепцию критикуемого автора и объясняют, зачем понадобилось искажать ленинскую концепцию нэпа как предпринятого в период борьбы социализма с капитализмом стратегического отступления, как блока, союза пролетарского государства с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии[3]. Н. Я. Петраков читал Ленина. Он знает, что «новая экономическая политика... означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере»[4]. Своими предложениями он нас толкает назад, к нэпу, а чтобы это

---

[1] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа..., с. 42.

[2] См. там же, с. 44.

[3] См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 108, 158.

[4] Там же, с. 159.

выглядело пристойно, утверждает, будто «Ленин рассматривал нэп отнюдь не как временный комплекс мероприятий».

Н. Я. Петраков, конечно, отнюдь не единственный, кто обладает таким умением. Возьмем, например, Б. В. Ракитского, у него можно поучиться умению расстановки акцентов, призванной оказать эмоциональное воздействие на читателя и побудить его самостоятельно прийти к желательным для автора выводам. И этим искусством Ракитский овладел вполне. Вот как изображает Б. В. Ракитский систему управления, действовавшую в СССР в 30–40-х гг.: «Планы беспрерывно менялись, корректировались, инструкции обрастали поправками и разъяснениями, распоряжения отменялись или заменялись новыми. В общем, получался весьма громоздкий, неповоротливый механизм хозяйственного регулирования. Но при всех минусах такой системы она позволяла решать главную для своего времени задачу – сосредоточивать в руках государства все ресурсы и оперативно перераспределять их в главных, нужных направлениях. В этом была ее сильная сторона и ее историческая миссия»[1]. А ведь планы не менялись беспрерывно, хотя и корректировались, когда того требовали изменившиеся обстоятельства. Инструкции не обрастали, а дополнялись в случае необходимости разъяснениями. Неправильные распоряжения отменялись, конечно, и заменялись правильными. В общем, механизм получался весьма сложным, но зато надежным, гибким и устойчивым, способным к решению тех задач, которые возлагаются на систему управления в социалистическом обществе. Историческая миссия централизма, вопреки намекам Б. В. Ракитского, не только не исчерпана, но не может быть вообще исчерпана в обществе, основанном на общественной собственности на средства производства.

Посмотрим теперь, как обращается с историей Я. А. Кронрод. Он представляет дело так, будто действовавшая до реформы система управления не соответствовала требованиям экономических законов. Словами: «гипертрофия прямых связей», «чрезмерная централизация хозяйственного руководства»,

---

[1] Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования, с. 13.

«громоздкая система административного регулирования», «планово-административная стихия» – характеризует Я. А. Кронрод «существенные черты хозяйственного механизма, который сложился еще в условиях строительства социализма»[1]. Так изображается прежняя система управления, которая, обеспечив невиданно высокие темпы роста производства, в короткие сроки вывела страну из отсталости, обеспечила трудящимся высокий жизненный уровень и создала мощный экономический потенциал для завоевания новых позиций на экономическом фронте. А ведь другого, более высокого мерила эффективности системы управления и соответствия ее экономическим законам социализма, чем быстрое повышение уровня жизни народа и создание за столь же короткие сроки базы для еще более быстрого подъема, не существует. Созданная за годы пятилеток система управления в ходе экономической реформы совершенствуется, а не отменяется или отбрасывается. Как подчеркивает С. П. Трапезников, «линия партии в области руководства хозяйственным строительством направлена на то, чтобы не разрушать, не ломать, не отбрасывать накопленный опыт, а, опираясь па него, последовательно и неуклонно развивать, совершенствовать, оттачивать уже сложившиеся и проверенные жизнью принципы, методы и формы хозяйствования, зная, что строительство экономического базиса коммунизма является трудным и самым сложным делом, требующим длительного времени[2].

Некоторые экономисты пытаются представить дело так, что централизация – свойство «несбалансированной экономики», что «советская экономика 30-х – первой половины 50-х годов была явно не сбалансированной»[3]. Что здесь подразумевается под несбалансированностью, понять трудно. Если это слово употребляется в буквальном смысле, то налицо искажение экономической действительности, ибо нигде, ни в какой стране с такой тщательностью не составлялись и не реализовались материальные, трудовые и финансовые балансы. Вот, например, что

---

[1] Кронрод Я. А. Закон стоимости..., с. 51—53.

[2] См.: Трапезников С. П. На крутых поворотах истории, с. 277.

[3] Ракитский Б. В. Формы хозяйственного руководства предприятиями, с. 154.

отмечает председатель правления Стройбанка СССР С. Гинзбург: «Строители старшего поколения нередко вспоминают, с какой быстротой были введены в действие крупнейшие заводы первых пятилеток. Харьковский тракторный завод построен за 15 месяцев, первая очередь Горьковского автомобильного завода – за 18, Московский шарикоподшипниковый – за 14, Кузнецкий металлургический – за 20 месяцев. Столь сжатые сроки строительства оказались возможными благодаря концентрации ресурсов и строгой сбалансированности планов»[1]. Если же под несбалансированностью понимать факт высоких темпов роста экономики, то, конечно, этот факт находится в прямой связи с централизацией управления как формой существования общественной собственности на средства производства. Это фактически признает Р. Н. Евстигнеев, хотя ошибочно утверждает об отсутствии «экономического равновесия». «Высокие темпы индустриализации исключали поддержание в стране экономического равновесия, – пишет Р. Н. Евстигнеев, – в условиях которого только и возможно применение новых методов хозяйствования, рассчитанных на широкое использование товарно-денежных отношений»[2]. Выходит, по Р. Н. Евстигнееву, что высокие темпы индустриального роста страны исключают экономическое равновесие. Значит, под словом «равновесие» автором фактически понимается застойность, отсутствие быстрого движения вперед.

Распространенным приемом является соединение двух логически не связанных между собой предложений или даже связанных логической связью, противоположной той, которая изображается. Важно только, чтобы первое предложение звучало весомо и отвлекало читателя от контроля за логикой. Вот образец: «Объем экономических связей находится в прямой квадратичной зависимости от роста объема производства. Поэтому в современных условиях централизованное фондированное снабжение объективно изживает себя, и ему на смену идет распределение средств производства путем оптовой торговли» [3].

---

[1] Гинзбург С. Экономика стройки. — «Правда», 1969, 3 августа.

[2] Евстигнеев Р. И. Новые тенденции в управлении экономикой, с. 125.

[3] Там же, с. 12.

Опровержение подобных заявлений следует начинать с того, чтобы сформулировать противоположное: «Объем экономических связей находится в прямой квадратичной зависимости от роста объема производства. Поэтому в современных условиях централизованное фондированное снабжение объективно становится совершенно необходимым». Только после этого можно переходить к обстоятельному разбору позиции.

Важно изучить те формы и приемы, с помощью которых ошибочные идеи завоевывают себе влияние.

* * *

В решениях XXIV съезда КПСС подчеркивается значение «последовательной борьбы против правого оппортунизма, который под видом «улучшения» социализма стремится выхолостить революционную суть марксизма-ленинизма и расчищает путь для проникновения буржуазной идеологии»[1]. Поэтому крайне важно вскрывать корни оппортунистических концепций. Анализ показывает, что в основе ошибочных предложений по проблемам социалистической экономики лежит представление о том, что социализм по своей глубинной сути, по своему характеру есть производство товарное. Единству и прочности ошибочных мнений способствуют неприятие дисциплины и организованности, анархический индивидуализм и потребительское отношение к социализму. Не исключено, что некоторым на деле чужды интересы, идеалы и качества рабочего класса, и практика выступлений чехословацких оппортунистов в печати такое предположение отнюдь не опровергает. Во всяком случае «нельзя мириться с допускаемыми серьезными ошибками, путаницей в трактовке некоторых принципиальных теоретических положений. Надо неуклонно проводить принцип марксистско-ленинской партийности как в оценке исторического прошлого, так и в анализе общественных процессов наших дней»[2].

Господство общественной собственности на средства производства, как было подчеркнуто, в решающей степени

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 192.

[2] Актуальные задачи общественных наук. — «Правда», 1972, 15 августа.

обеспечивается централизмом социалистического государства. Пролетарский централизм – становой хребет общественной собственности на средства производства. Вот почему выступления против централизованного управления экономикой нельзя недооценивать, в какой бы форме эти выступления ни делались, прямой или косвенной, сознательно или по недоразумению или непониманию.

С уничтожением или ослаблением централизованного управления уничтожается или ослабляется ведущая роль государства в экономике как субъекта общественной собственности на средства производства, разрушается или подрывается общественная собственность как основа социализма. Вместе с ослаблением руководящей роли государства в экономике ослабляется руководящая роль Коммунистической партии и рабочего класса, поскольку партия, класс руководят экономикой посредством государства.

Экономика – фундамент общества, и если правящая Коммунистическая партия потеряет свое влияние на экономику, то она легко может утратить и руководство в обществе в целом. Вот почему выступления против централизма должны быть подвергнуты самой решительной и доскональной критике, вот почему критике должны быть подвергнуты не только прямые, но и косвенные, завуалированные атаки на централизм, вот почему необходимо вскрывать и обнажать все попытки подорвать государственное плановое управление экономикой, независимо от того, из каких соображений исходят их авторы и что ими руководит. Атаки на централизм по своему объективному смыслу суть атаки на экономическую роль социалистического государства как субъекта общественной собственности на средства производства. Нападки на централизм неизбежно оказываются нападками на руководящую роль Коммунистической партии.

Дело, однако, не только в том, что выступления против централизма при определенных условиях способны подорвать социализм или лишить его важнейших преимуществ. Основная масса экономистов понимает, чем чревато ослабление централизма. Нам хотелось бы особо подчеркнуть здесь другой

аспект вопроса. Нельзя получить серьезных улучшений на пути совершенствования централизованного управления, если внимание ученых не сосредоточено на этой проблеме, если делаются настойчивые попытки повернуть это внимание в противоположную сторону.

Очищение экономической теории от ошибочных, а иногда и прямо враждебных взглядов, идей и теорий есть необходимое условие дальнейшего развития экономической науки как основы сознательного управления процессом социалистического воспроизводства, условие объединения научных сил на решении узловых, перспективных вопросов экономической теории и экономической политики, условие дальнейшего быстрого и последовательного движения вперед.

Экономическая наука призвана дать решение возникших задач, которое было бы действительно решением, использовало бы все преимущества и возможности социализма, опиралось бы на весь арсенал предоставленных социализмом методов управления, отводя каждому из средств управления такое место и такую роль, какие вытекают из их характера. Именно на это нацеливают советских экономистов решения XXIV съезда КПСС.

Решения XXIV съезда КПСС и состоявшихся после съезда пленумов ЦК КПСС свидетельствуют, что ошибочно видеть суть реформы, суть совершенствования методов управления в сужении централизации. Целью реформы отнюдь не являлось и не могло являться сведение централизованного управления к минимуму, как пытались истолковать ее услужливые комментаторы из антикоммунистических центров на Западе. Реформа потому и называется реформой, что не вносит принципиальных изменений в социалистическую систему управления. Речь идет прежде всего об изменении круга управленческих задач и структуры управления.

Главная цель совершенствования системы управления – сосредоточение всех органов управления, и в первую очередь центрального руководства, на решении вопросов интенсификации, повышения эффективности производства; использование для этой цели методов оптимизации, директивных методов, материальных и моральных стимулов; организация по

этим вопросам социалистического соревнования; всемерное развитие инициативы трудящихся.

Одновременно центральные органы освободились от решения тех вопросов, которые в связи с ростом масштабов производства и изменением его технической базы пришлось отнести к разряду второстепенных. А чтобы и эти вопросы решались в интересах народного хозяйства, расширилось использование таких средств управления, с помощью которых из центра можно воздействовать на сферу оперативно-хозяйственной самостоятельности – рычагов материального стимулирования и социалистического соревнования.

Необходимо иметь в виду, что расширение оперативно-хозяйственной самостоятельности отнюдь не тождественно сужению централизации. Централизм при социализме не прекращается в сфере оперативно-хозяйственной самостоятельности, ибо расширение самостоятельности в оперативных вопросах само по себе не означает ослабления ответственности за выполнение директив центра, за соблюдение общественных интересов.

Социалистическое государство, контролируя выполнение директив, следит за тем, чтобы самостоятельность использовалась в общественных интересах, а не вопреки им, чтобы случаи отступления от общественных интересов выявлялись, предавались самой широкой огласке и самым строжайшим образом пресекались. Государство, используя все имеющиеся в его распоряжении средства, воспитывает у хозяйственников привычку самостоятельно действовать в общественных интересах.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду говорилось, что «после восстановления отраслевой системы управления существенно повысился уровень централизованного руководства народным хозяйством... Вместе с тем, жизнь, практика, – а это лучшие учителя, – показывают, что мы не можем довольствоваться достигнутым» [1]. Газета «Правда» писала: «Особое значение сейчас приобретают усиление роли

[1] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 66.

централизованного начала в планировании и управлении, преодоление местнических и ведомственных тенденций»[1]. На первый план теперь выдвигается совершенствование планирования, усиление контроля за выполнением директивных плановых заданий, повышение плановой дисциплины, улучшение организационной структуры управления, включая механизм принятия и реализации решений центральных органов, ускорение процесса концентрации производства, развитие социалистического соревнования, использование в управленческой работе всех средств, направленных на расширение инициативы и повышение сознательности трудящихся.

Совершенствование планового централизованного управления, развитие демократического централизма – магистральный путь решения проблем управления и главное направление экономических исследований. Партия подчеркивает, что «силы экономистов должны быть сконцентрированы на разработке теоретических основ государственного централизованного управления развитием народного хозяйства, методов органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, путей повышения эффективности общественного производства, методологии долгосрочного планирования, внедрения экономико-математических методов»[2].

Существует множество проблем, которые необходимо решить, чтобы создать теоретические основы дальнейшего совершенствования государственного централизованного управления экономикой, причем из самых разных областей экономической науки. Поиск необходимо вести не на пути ослабления централизма и расширения рудиментов товарного производства, а на пути укрепления и развития централизма как централизма демократического, на пути полного использования всех преимуществ, связанных с непосредственно общественным характером производства. Необходимо укреплять и развивать демократический централизм, исследовать связанные с этим

---

[1] Ленинским курсом. Ко второй годовщине XXIV съезда КПСС. — «Правда», 1973, 30 марта.

[2] Актуальные задачи общественных наук. – «Правда», 1972, 15 августа.

проблемы, и только на этом пути исследователей ждут настоящие открытия, глубокие теоретически и ценные практически.

Оглавление

ЛЕНИНСКАЯ МОДЕЛЬ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ 6

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МАТЕМАТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ 19

КАЧЕСТВЕННАЯ И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМЫХ ЗАТРАТ ТРУДА 22

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТРУДУ 36

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXIV СЪЕЗДА КПСС 53

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ 68

ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТРУДУ 73

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ХОЗРАСЧЕТ 74

КОЛЛЕКТИВ И СОЧЕТАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ 85

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХ КАК ОРУДИЕ АПОЛОГЕТИКИ 92

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ 103

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ 121

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ»…. 129

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....135

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ 153

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ – ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ.....170

Подписано в свет 07.08. 2021 г. Редактор составитель А.С.Павлов, ответственный редактор К.В.Юрков